

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –

Т. В. Пивоварова

Отдел международных связей –

Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –

В. С. Маланьин

Технический редактор –

П. В. Александров

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,
кандидат психологических наук

А. И. Ушатилов,
доктор психологических наук,
профессор

ТЕМА НОМЕРА: пенитенциарные системы: профессионализм и выгорание

Что за психология за этой стеной?

что же с тобой
делать,
молодежь?

вместе
справимся

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этот номер в основном посвящен проблемам современной пенитенциарной психологии. Как одна из самых обширных областей прикладной юридической психологии пенитенциарная психология,

конечно, требует активной теоретической проработки, в частности в различных ее базисных аспектах, касающихся социальной, общей психологии, психологии воспитания и педагогической психологии.

Одной из основных проблем пенитенциарной психологии всегда была психология осужденных молодежного возраста. И причина тому не только в том, что преступность в России то быстрее, то несколько более медленно омолаживается. Молодежь — это будущее страны, и нужно сделать все, чтобы не допустить ее потерь на ранних этапах становления личности человека. Однако если такое все-таки произошло, необходимо приложить все усилия для возвращения оступившегося молодого человека к полноценной жизни в обществе. Для этого необходимы скрупулезные психологические исследования его личности и поведения.

Согласно соответствующим нормативным документам исправление и ресоциализация осужденных — задача для всего коллектива исправительного учреждения, для каждого из его членов. Хотя, разумеется, на практике сотрудники различных служб находятся на разном психологическом расстоянии от осужденного. В связи с этим важным вопросом в пенитенциарной психологии является исследование работы в команде в подразделениях уголовно-исполнительной системы. Чему также уделено место на страницах номера.

*Главный редактор,
доктор психологических наук
Д.В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

**в помощь
руководителю**

**юридическая
психология и религия:**

dura lex sed lex

научная жизнь

Преступление и наказание от

ДО 71 Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии	
Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты. А. Н. Сухов	8
Некоторые теоретико-методологические аспекты гуманизации и ресоциализации несовершеннолетних осужденных: постановка проблемы. Т. А. Симакова	11
Психологические аспекты формирования коррупционной направленности личности. Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин	15
Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы. В. М. Поздняков, М. А. Черкасова	22
Прикладные и экспериментальные исследования	
Психологические аспекты воспитания и взаимодействия субъектов пенитенциарных отношений. А. Р. Ромашов	32
Команда как организация с высоким уровнем качества трудовой жизни. В. Б. Рябов	37
К вопросу о шефской работе как форме реализации общественного воздействия по формированию у несовершеннолетних осужденных духовно-нравственных ценностей. А. В. Вилкова	44
Наркотики в молодежном дискурсе: подход теории социальных представлений. И. Б. Бовина, М. Г. Дебольский, Н. В. Дворянчиков, И. Н. Коноплева, А. В. Ильин	49
Профессиональная роль и её значение в развитии симптомов «психического выгорания» пенитенциарных служащих. О. Ю. Лукшина	59
Совместный эмпирический анализ профессиональной деформации и мотивации личностей сотрудников уголовно-исполнительной системы. О. А. Рожков	66
Некоторые особенности преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудников полиции в ситуации захвата заложников. В. В. Вахнина	71
Сравнительный анализ профессионального развития личности выпускников факультета менеджмента. Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Л. Н. Митюхина	75
Проблема нарушенного развития и исследование побегов и бродяжничества несовершеннолетних. Г. В. Кондратьев	83
Социально-психологические аспекты совершения насильственных преступлений против близких родственников. А. А. Канчурина	88
Влияние возрастных особенностей несовершеннолетних на правосознание и юридически значимое поведение. О. Э. Схопчик	99
Проблема нарушенного развития и исследование побегов и бродяжничества несовершеннолетних. Л. А. Бобылева	106

В помощь руководителю

Компетентность сотрудников с точки зрения европейских стандартов.

В. И. Огородников, В. Н. Летунов

113

Формирование духовно-нравственных ценностей у сотрудников УИС России как средство обеспечения правомерности применения ими физической силы, специальных средств и оружия. **М. Ю. Конарев**

119

Специфика применения компетентностного подхода в профессиональной подготовке слушателей учебных центров ФСИН России. **В. С. Маланьин**

123

Юридическая психология и религия

Духовно-нравственный аспект одаренности как фактор ее развития.

О. В. Кондратьева

128

Dura lex sed lex

Судимость как социальное последствие осуждения. **Г. Ю. Зинин**

133

Научная жизнь

Межрегиональная научно-практическая конференция Девевские чтения «Психология деструктивного поведения личности в пенитенциарной среде».

139

СОЦИАЛЬНО-ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

А. Н. Сухов

Аннотация: в данной статье речь идет об образовании самостоятельной подотрасли «Пенитенциарной психологии», которую следует назвать «Социально-пенитенциарной психологией», исторический очерк.

Ключевые слова: социально-пенитенциарная психология, социально-политическая психология, социально-психологические явления, психосоциальная работа.

Summary: in this article it is a question of formation of independent subsector «Penitentiary psychology» which it is necessary to call «Social and penitentiary psychology», a historical sketch.

Keywords: social and penitentiary psychology, socio-political psychology, social and psychological phenomena, psychosocial work.

В данном случае речь по существу идет об образовании самостоятельной подотрасли такой науки, как пенитенциарная психология, которую следует называть «социально-пенитенциарная психология». Прецеденты, связанные с подобным подходом к названию, имеются [1]. Например, есть учебное пособие, которое называется «Социально-политическая психология».

В качестве аргументов, пригодных для обоснования социально-пенитенциарной психологии, можно привести следующие обстоятельства.

Традиционно личность осужденного является основным объектом пенитенциарной психологии. В принципе повы-

шенное внимание к личности осужденного вполне оправданно как в научном, так и в практическом плане.

Однако когда мы начинаем анализировать факторы, определяющие ресоциализацию осужденных, то обязательно обращаемся к возможностям социальной психологии.

Дело в том, что личностный подход имеет ограничения. Несмотря на это в последнее время отмечается бум, связанный с изучением именно структурных характеристик личности осужденных.

Очевидно, так проще. Кроме того, на обозначившийся трэнд в значительной степени оказывает влияние фактор, связанный с увлечением психоанализом, гештальт-психологией и т. п.

И это вполне понятно. Запрещенные в советское время западные психологические школы на самом деле пригодны для эффективного практического использования. Они — не мертворожденные технологии, и не нуждаются в рекламе и продвижении. Однако их применение, как правило, не выходит за личностно-групповые границы. В то же время за пределами этого остается масса неизученных или слабоизученных социально-психологических явлений.

Справедливости ради следует констатировать, что в советское время в центре внимания находились именно они: среда, малые группы, конфликты, групповые эксцессы, общение, адаптация осужденных и т. д.

В связи с этим есть все основания для того, чтобы социально-пенитенциарная

психология получила статус самостоятельной отрасли.

Опыт по созданию аналогичной отрасли есть. Имеется в виду учебное пособие А.Н. Сухова «Социальная психология преступности» [2]. На основе этого разработаны и читаются соответствующие курсы.

Традиционные подходы, ориентированные на понимание индивидуального или группового криминального поведения, не в состоянии объяснить масштабы, характер, механизмы и формы проявления современной преступности, под контролем которой в значительной степени оказались государственные институты, экономика и общество.

Использование старых теоретических схем для анализа современной преступности приводит к поверхностным, нередко примитивным выводам, уводящим в сторону от действительности, выгодным коррумпированной части руководителей правоохранительных органов и тем более криминальным структурам.

Представляется, что сегодня наиболее приемлемый подход для анализа современной преступности в России — это социально-психологический взгляд на природу данного социального явления. В свою очередь, в качестве основы концептуальной модели понимания преступности может стать теория деформации социальных отношений, институтов, общества и личности. Учет именно этого обстоятельства позволяет понять истинные причины, механизмы и масштабы криминализации государства, экономики и общества.

Следовательно, социально-пенитенциарная психология обладает возможностью внести вклад в социально-психологическую интерпретацию и ре-

шение следующих проблем:

- управления исправительными учреждениями;
- организационной культуры, социально-психологического климата, репутации, конфликтов в пенитенциарных организациях;
- мониторинга социально-психологических явлений в исправительных учреждениях;
- социально-психологических явлений в среде осужденных: социально-психологической структуры личности осужденных; общения; стратификации; субкультуры; малых неформальных групп осужденных и т. д.;
- ресоциализации осужденных;
- социально-психологической адаптации освобожденных из исправительных учреждений.

Развитие социально-психологической компетентности сотрудников исправительных учреждений в значительной степени повысит их уровень профессионализма, в частности, конфликтологической компетентности, профессиональной наблюдательности, эффективности ведения переговоров и т. д.

Кроме того, подготовка сотрудников исправительных учреждений в рамках социально-пенитенциарной психологии позволит обеспечить их взаимодействие со службой пробации, которая рано или поздно, но будет все же создана.

Без всякого сомнения, социально-пенитенциарная психология внесет также весомый вклад в реализацию психологически ориентированного подхода к социальной работе с осужденными. При этом у нее есть все предпосылки стать ядром курса «Психосоциальная работа с осужденными» (для бакалавриата). Что касается подготовки магистрантов по направле-

нию «Социальная работа», то социально-пенитенциарная психология может стать основой для создания курса, а также профиля подготовки слушателей под названием «Социально-психологические технологии работы с осужденными».

Таким образом, есть все основания считать, что социально-пенитенциарная психология имеет право на самостоятельную жизнь и обладает возможностью для реального развития и эффективного применения.

Цель психосоциальных технологий работы с населением, в том числе с осужденными, — профилактика и преодоление типичных негативных социально-психологических явлений в социально-напряженных ситуациях, а также личностное, групповое, семейное и организационное развитие.

Среди возможных уровней применения психосоциальной работы можно выделить: личностный, групповой, семейный, организационный, больших социальных групп (макроуровень). К сожалению, она преимущественно проводится лишь на личностно-групповом и семейном уровнях.

Сферы применения: образование, здравоохранение, силовые структуры, правоохранительные органы и др.

Виды психосоциальных технологий: диагностические, аналитические, консультационные, информационные, тренинговые, психотерапевтические. При этом психосоциальные технологии распадаются на общие и специальные. Они применяются совместно с правовыми, экономическими, медицинскими, педагогическими и управленческо-организационными технологиями.

К общим психосоциальным технологиям относятся те, которые применяются

в условиях, не связанных с риском и сопротивлением. Они рассчитаны на среднестатистического, типичного клиента. К ним относятся психосоциальное сопровождение престарелых, безработных, мигрантов, лиц с ограниченными физическими возможностями и отклоняющимся поведением, находящихся в ситуации кризиса, и т. п.

К специальным психосоциальным технологиям относятся те, которые осуществляются в условиях риска, дефицита времени, сопротивления со стороны клиента, а также учитывают соматические, психиатрические, гендерные, этнические и другие его особенности. В частности, к специальным психосоциальным технологиям относят некоторые виды диагностики преступных групп, массовых беспорядков, оказания помощи в экстремальных ситуациях и т. д. Традиционные технологии здесь не работают. Специальные технологии включают в себя диагностические, консультативные и другие виды.

Многие диагностические методы требуют адаптации с учетом образовательных, возрастных, гендерных, этнических особенностей, а также состояния соматического и психического здоровья клиента.

Итак, на основании приведенного материала вполне можно сделать вывод о том, что социально-пенитенциарная психология и психосоциальная работа с осужденными обладают реальной возможностью внести вклад в повышение эффективности реформирования УИС.

Литература

1. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. — 2-е изд. — М.: Академия, 2005.
2. Сухов А. Н. Социальная психология преступности. — М., 2007.
3. Сухов А. Н. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях. — М., 2008.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Т. А. Симакова

Аннотация: в данной статье нам бы хотелось представить теоретико-методологический анализ некоторых проблем ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Актуальность этих вопросов раскрывается в контексте осуществления преобразования воспитательных колоний для несовершеннолетних осужденных в воспитательные центры.

Ключевые слова: ресоциализация несовершеннолетних осужденных, воспитательные центры для несовершеннолетних осужденных, теоретико-методологический анализ проблемы ресоциализации, методологические принципы пенитенциарной науки и практики, гуманизация ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Summary: in this article, we would like to present a theoretical and methodological analysis of some problems relating to resocialization of convicted minors. Relevance of these issues is disclosed in the context of implementation transformation of educational colonies for convicted minors into care centers.

Keywords: resocialization of convicted minors, educational centers for convicted minors, the theoretical and methodological analysis of the problem of resocialization, the methodological principles of penal science and practice, humanization of resocialization of convicted minors.

В настоящее время в угоду модным тенденциям искажается смысл гуманизации пенитенциарного воздействия, и достаточно часто игнорируется конструктивный опыт отечественной науки и практики в угоду веяний нового времени, в которых легко усматривается зарубежный опыт, часто лишенный конструктивного начала и подчас уже оцененный зарубежными коллегами как негативный.

Ресоциализация осужденных как социально-правовая категория востребована социально-экономической и правовой науками, изучающими развитие современного общества в этих аспектах, поскольку это одна из основных целей государства в отношении лица, совершившего уголовно наказуемое деяние. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 1 февраля 2011 г. подчеркивает, что правосудие в отношении несовершеннолетних должно обеспечивать их ресоциализацию. Достижение целей уголовного наказания, предусмотренных законодательством, в отношении несовершеннолетних не представляется возможным без осуществления параллельного, целенаправленного психолого-педагогического, социально-правового комплексного и межведомственного воздействия на осужденного, обеспечивающего формирование у него правового самосознания, способствующего реализации правомерных пове-

денческих моделей, и устойчивость самостоятельной позитивной социализации его личности.

Развитие уголовно-исполнительной системы на современном этапе ориентировано на обеспечение гуманизации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Реализация такого подхода в отношении несовершеннолетних возможна только при условии интеграции всех позитивных достижений отечественной пенитенциарной науки и практики с учетом критического анализа зарубежного опыта. Гуманизация ресоциализации несовершеннолетних осужденных не должна сводиться исключительно к послаблению режима содержания, поскольку это может спровоцировать обогащение криминогенной природы личности подростка новыми патологическими качествами, такими как приспособленчество, тушеядство, безответственность, иждивенчество. Эффективная гуманизация предполагает компенсацию дефицитарного психолого-педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного на предшествующих этапах развития. При этом компенсация дефицитарности понимается как оптимальная реализация методологических принципов пенитенциарной психологии, нацеленная на восстановление ранее нарушенных основ формирования правового самосознания личности несовершеннолетнего осужденного, необходимых для полноценной жизнедеятельности в обществе.

Вопросы формирования правового самосознания и правовой культуры особенно актуальны в подростковом возрасте. Этому возрасту присущи неполнота сформированности собственных

нравственных установок, недостаток жизненного опыта, повышенная эмоциональность, внушаемость, зависимость поведения от оценок ближайшего окружения. Воспринимая интересы, взгляды окружающих, несовершеннолетние вбирают, впитывают их в себя и в дальнейшем руководствуются ими. Именно в подростковом возрасте наблюдаются первые проявления отклоняющегося поведения, которые объясняются относительно низким уровнем интеллектуального развития, незавершенностью процесса формирования личности, отрицательным влиянием семьи, ближайшего окружения, зависимостью подростка от требований группы и принятых в ней ценностных ориентаций.

В связи с этим у подростка могут развиваться деструктивные доминанты, вызывающие девиантное, делинквентное поведение, благодаря чему он становится резервом для будущей преступности и наиболее уязвимой частью общества. В большинстве случаев подростки, имеющие склонность к девиантному поведению, наиболее часто совершают преступления. У подростков с девиантным поведением, совершивших преступления, дефекты правового сознания более распространены и глубоки, чем у их законопослушных сверстников. Такие дефекты выражаются в негативном отношении к нормам права, нежелании следовать предписаниям данных норм. Так, большинство совершивших преступления подростков полагают допустимым нарушение норм уголовного закона, оправдывая его объективными обстоятельствами, распространенностью правонарушающего поведения в обществе, а также низкой вероятностью наказания.

Особую тревогу вызывает значительный рост антисоциальных проявлений в среде несовершеннолетних. В этих случаях внедрение в сознание подростка новых взглядов и убеждений должно сочетаться с его отказом от уже сложившихся позиций и установок, в совокупности образующих так называемую негативную правовую культуру.

Методология пенитенциарной психологии предполагает системный, концептуально-целостный охват психологических процессов и явлений, возникающих как в личности, ее сознании, и в частности в правовом самосознании, так и в культурной среде осужденных. В качестве единиц анализа выступают категории «личность», «соучастование», «исправление», «ресоциализация» и др.

Система методологических принципов является инструментарием, конструирующим процесс ресоциализующего воздействия на осужденных. Встроенность методологической составляющей в пенитенциарную практику, и в частности в процесс содержания несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы, позволяет оптимально реализовать функции наказания, приведения к покаянию и исправлению, что и выступает целью перевода воспитательных колоний в воспитательные центры для несовершеннолетних осужденных.

Комплексный подход в пенитенциарной науке и практике имеет своей основной функцией интеграцию разных качеств, свойств, состояний, модальностей человеческого бытия. По замыслу Б.Г. Ананьева реализация этого подхода предполагает интеграцию наук о человеке в особую область человекознания. В пенитенциарной практике ком-

плексный подход играет не столько гносеологическую роль, сколько онтологическую. Самое сложное при реализации этого подхода (принципа) заключается в том, что исследованием и диагностикой выявляется отправной этап развития, операционально-практическим звеном которого является ее реальное оптимальное изменение. Таким образом, комплекс ресоциализующего воздействия включает несколько звеньев: психолого-педагогическая поддержка, являясь самостоятельным звеном, связана как с диагностическим и исследовательским этапом, так с будущим оптимальным состоянием личности осужденного, которого еще нет. Звенья комплекса развернуты в реальном времени последовательно и одновременно в теоретическом пространстве.

Реализация комплексного подхода ресоциализующего воздействия предполагает невозможность приведения осужденного к осознанию и принятию назначенной кары, исправлению и покаянию без учета многомодусной природы человека. Многомодусность человеческой реальности раскрывается в единстве индивидуальной, личностной, субъектной, индивидуальной и универсальной составляющих. Так, стратегия социальных лифтов, ориентированная на поведение, поступки без учета духовно-нравственного роста и преобразования потенциала несовершеннолетнего осужденного может быть сведена к редукционным воздействиям на неокрепшую личность и спровоцировать изощренное приспособленчество.

Принцип единства сознания и деятельности постулирует, что не может быть деятельности без сознания и сознания без деятельности. В контексте

этого принципа психическая деятельность трактуется как отражение мира, при этом подчеркивается активный характер психики и ее носителя — личности, проявляющийся в поведении и продуктах деятельности. В каждом осужденном, подвергающемся исправительно-му воздействию, необходимо видеть не только объект, но и активный субъект воспитания и самовоспитания, включенный в специфическую деятельность, преобразующий не только окружающий мир, но и себя. Активное позитивное поведение осужденного требует глубокого психологического анализа, критериями которого могут и должны выступать степень осознанности цели, способность постановки задач для достижения цели, потребности, мотивы, навыки, привычки, умения.

Принцип единства сознания и деятельности тесно связан с деятельностью принципом и принципом развития. В процессе ресоциализации очень важным является учет особенностей ведущего вида (типа) деятельности и системы отношений личности, поскольку несформированность возрастных психических новообразований провоцирует застревание личности, незрелость и неготовность к решению социально значимых проблем. Успешность ресоциализации во многом зависит от конструирования ведущих видов (типов) деятельности прожитых в дефицитарном режиме этапов онтогенеза сензитивных к формированию жизненно важных психических новообразований на текущем возрастном этапе жизни несовершеннолетнего осужденного. Успешность ресоциализирующего воздействия во многом зависит от учета в психолого-педагогическом сопровождении несовершеннолетнего

осужденного зон актуального и ближайшего развития. Как показывает практика, природа криминального поведения личности часто произрастает из нарушений развития на ранних стадиях онтогенеза. Кризис института семьи и семейного воспитания, подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека со стороны как родителей, так и педагогов, всех представителей взрослого мира не может не привести, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой — к прагматизму и социальной неадаптированности, а также к проявлениям противоправного или экстремистского характера¹.

Принцип жизнедеятельности определяет то, что совершенствование и самовыражение человека есть процесс постоянного восхождения, а не точка, не конечный результат. Содержание принципа направлено на решение противоречий между активностью, притязательностью личности и обстоятельствами жизни. Разрешение противоречий предполагает не только восхождение к вершине, но и отступления, которые нельзя свести к конформизму. Функция принципа жизнедеятельности заключается в том, что позволяет увидеть место и роль, смысл и значение деятельности по самопреобразованию как экзистенциальную задачу всей жизни, а не как занятие «чтобы убить время», «от нечего делать» и т. д.

Принцип потенциального и актуального позволяет понимать личность как проективную, перспективную, не ис-

¹ См.: Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологии современной молодежной субкультуры // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3.

черпывающуюся наличными данными. Принцип детерминизма позволяет рассматривать внутреннее в единстве с внешним. При этом системообразующим фактором или движущей силой развития становится личность, а механизмом — саморегуляция, самоорганизация. Отдавая приоритет изменению внешних условий содержания, игнорируя динамику внутреннего преобразования личности, затрагивающую когнитивную, эмоционально-волевую, ценностную составляющие, вряд ли можно рассчитывать на положительный результат ресоциализирующего воздействия.

Принцип гуманизма в условиях ресоциализации направлен на три варианта поддержки личности осужденного: 1) признание способности личности

самостоятельно разрешать жизненные противоречия; 2) актуализация возможности личности оптимально разрешать возникающие противоречия; 3) моделирование для личности более естественных ситуаций, в которых она поднимается на новый уровень раскрытия своих возможностей. Гуманистический принцип раскрывается в содействии подлинности жизни человека, признании ее самоценности.

Наряду с общеметодологическими принципами, важно использование специфических принципов пенитенциарной психологии: исправимости, ресоциализации, целостности процесса исправления, дифференциации и индивидуализации.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Е. Н. Богданов, В. Г. Зазыкин

Аннотация: рассматриваются психологические механизмы формирования коррупционной направленности личности, действие объективных и субъективных факторов, причины притягательности коррупции.

Ключевые слова: коррупция, коррумпированность, психологические механизмы, научение, психологическая притягательность, психологические причины, психологическая диагностика.

Summary: discusses psychological mechanisms of corruption orientation of personality, impact of the objective and

subjective factors, the causes of corruption appeal.

Keywords: corruption, attractiveness of corruption for certain personalities, psychological mechanisms, psychological appeal, psychological causes, psychological diagnostics.

В нашей стране коррупция во всевозможных видах ее проявления превратилась в одну из главных проблем в обществе, представляющих реальную угрозу национальной безопасности. Размеры коррупции (взятки, откаты, подно-

шения и др.) сейчас столь велики, что по имеющимся оценкам сопоставимы с бюджетом страны, а это наносит огромный экономический и моральный ущерб, буквально разлагает наше общество. К тому же подобная ситуация крайне отрицательно влияет на деловую репутацию и реальный рейтинг власти. В результате стали отчетливо проявляться политические предпосылки радикальной смены власти. Осознание данной проблемы заставило власть усилить борьбу с коррупцией. Сейчас вертикаль коррупционных разоблачений поднимается все выше, до уровня Правительства РФ, однако ощутимых изменений пока не происходит. Стало очевидным, что для спасения страны нужны не только политическая воля, незамедлительные и решительные действия, ликвидация сложившейся бюрократической касты «неподсудных», но и системная организация этой борьбы, базирующаяся на научных основаниях.

Значимый вклад в создание научного базиса борьбы с коррупцией может внести психология, особенно в направлении выявления условий и факторов формирования коррупционной направленности личности. В настоящее время конструктивных психологических исследований, связанных с проблемой коррупции, явно недостаточно [3; 6; 7]. Это обусловлено рядом причин: во-первых, социальный заказ на такие исследования нельзя назвать четко озвученным; во-вторых, закрытость коррупции как негативного социально-экономического явления обуславливает сложность, а то и недоступность ее прямого психологического изучения. В частности, традиционные психологические методы исследования (анализ результатов деятель-

ности, интервьюирование, анкетирование, тестирование и др.) применить при непосредственном изучении коррупционера в процессе его противоправной деятельности (особенно при вымогательстве, взяточничестве) практически невозможно. Исследования постфактум могут дать неточные результаты, так как объект по своим психологическим характеристикам будет уже другой. После задержания с личным коррупционером результаты исследования, если таковые в принципе возможны (приоритет всегда отдается оперативным задачам), наверняка будут в какой-то мере искаженными, так как многие из них в таких ситуациях находятся в крайне выраженных негативных психических состояниях, которые как бы деформируют восприятие реальности и регуляцию поведения. И это на фоне сознательного стремления исказить факты.

В то же время в психологии существуют и так называемые непрямые методы исследований, не предусматривающие непосредственного взаимодействия с объектом, например, неинструментальная психологическая диагностика, психобиография, психологический анализ слабо контролируемых особенностей поведения, общения и отношений и пр., но дающие информативные и надежные результаты [2]. Их можно с успехом использовать для изучения коррупции и коррупционеров. Мало того, некоторые полученные результаты представляют несомненную ценность в свете решения задач борьбы с коррупцией и в частности изучения коррупционной направленности личности.

Рассмотрим некоторые из них, но сначала остановимся на ряде принципиальных моментов.

Первый касается содержания существующих определений, так как в них заложены направления психологического изучения коррупционной направленности. Согласно им коррупция — это «подкуп взятками должностных лиц, продажность должностных лиц» [5]. Коррупцированность или склонность личности к коррупции — это личностно-деловое качество, обусловленное стремлением к частому совершению коррупционных действий.

Из приведенных определений следует, что:

- существуют лица, которые в силу уникального сочетания своих индивидуальных особенностей весьма склонны к коррупции, то есть у них существует какая-то природно обусловленная предрасположенность к коррупции. В этом случае необходима психологическая диагностика личности для определения подобной предрасположенности;

- склонными становятся вследствие «процесса научения» («деньгами и дорогими подарками»). Иными словами, формирование этого негативного свойства происходит в процессе профессиональной деятельности должностного лица. Напомним, научение — это процесс и результат приобретения индивидуального опыта, приводящего к изменению сознания и самосознания. В этом случае необходима социально-психологическая диагностика взаимодействий и взаимоотношений.

Второй принципиальный момент заключается в том, что, согласно математическому закону больших чисел, практически все характеристики человека, это подтверждается многочисленными данными экспериментальной психологии, психологии труда и эргономики [4;

8; 9], подчиняются нормальному (или близкому к нормальному) закону распределения. Следовательно, характеристики человека имеют полярные места в таком распределении, поэтому обязательно должны быть группы людей с совершенно противоположными качествами или же диаметрально противоположными уровнями развития. Иными словами, получается, что согласно закону больших чисел, неизбежно должны существовать весьма честные и крайне нечестные, дисциплинированные и недисциплинированные, ответственные и безответственные и т. д. К сожалению, это распространяется и на коррупцированных личностей.

Исходя из этого, резонно предположить, что возможны какие-то своеобразные сочетания негативных личностных качеств, отрицательных факторов влияния социальной или профессиональной среды, которые и определяют склонность определенных людей к коррупцированности. Внешние социальные или психологические воздействия, правильное воспитание, контроль, законопослушная среда профессиональных взаимодействий и отношений, высокий уровень правовой культуры, моральная нормативность поведения и др. лишь могут изменить асимметрию и эксцесс данного закона распределения, то есть снизить количество или уровень проявления коррупции, но полностью не устранят ее как таковую. Отсюда следует, что коррупцированные личности были, есть и будут в любом обществе. Об этом свидетельствует и исторический опыт, ведь коррупции, наверное, столько же лет, сколько и властным, а также товарным или товарно-денежным отношениям. Таким образом, коррупция будет до тех пор,

пока людьми движут большие интересы, пока от кого-то зависит их удовлетворение.

Данное положение подтверждается в психологических исследованиях личности. В известных психологических классификациях и теориях личности встречаются описания личностных типов, где отчетливо просматриваются черты или свойства, являющиеся психологическими индикаторами склонности к коррумпированности, влияющие на формирование коррупционной направленности личности. Если обобщить результаты анализа отмеченных теорий и классификаций личности сквозь призму поставленной задачи, то склонность к коррумпированности может проявляться у людей:

- относящихся к эксплуататорскому, стяжательскому и рыночному и ощущающему типу личности (Э. Фромм, К. Юнг);
- склонных к риску (Р. Кеттелл);
- с низким самоконтролем поведения, особенно при недостаточном внешнем контроле (Р. Кеттелл);
- с низкой моральной нормативностью поведения (Р. Кеттелл);
- с особенностями интеллекта, в которых преобладает хитрость и направленность на манипулирование другими (Р. Амтхауэр).

Хотелось бы подчеркнуть, что отмеченные характеристики коррумпированной личности можно точно определить с помощью инструментальной и неинструментальной психологической диагностики [1]. Это поможет существенно улучшить работу с точки зрения решения проблем коррупционности.

Каковы важнейшие психологические особенности формирования коррупционной направленности личности? Очевидно, что формирование коррупцион-

ной направленности личности происходит под влиянием внешних и внутренних факторов, которые имеют причины, обуславливающие включение соответствующих механизмов. Анализ проблемы показал, что внутренние факторы, определяющие коррупционную направленность личности как уникальное сочетание внутренних условий, встречаются довольно редко. Существенно больше влияние внешних факторов. Останемся на них подробнее.

Как отмечалось, коррупционная направленность личности чаще всего формируется вследствие научения, которое определяется действием ряда причин, обуславливающих, в свою очередь, включение психологического механизма формирования коррупционной направленности. Эти причины в основном носят организационный характер, но имеют и очевидные психологические последствия:

1. Значимые ситуации жизнедеятельности людей зависят, как правило, от решений и отношений должностного лица, а не от закона или правил. Ситуация усугубляется, когда с этими решениями могут быть связаны большие интересы (в основном материальные) других людей и об этом должностным лицам хорошо известно.

2. Не существует однозначно трактуемых критериев, на основании которых должностным лицом принимается то или иное решение. Если же такие критерии и существуют, то они отличаются нечеткостью, размытостью формулировок, что позволяет их трактовать и использовать по-разному, выстраивать разные приоритеты (как говорится в русской пословице: «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло»).

3. Не существует жестких нормативных требований по времени и процедуре принятия решений должностным лицом, поэтому возможно затягивание решения, его проволочка, «откладывание в долгий ящик» и пр. Если они и существуют, то их соблюдение должным образом не контролируется или их несоблюдение преподносится как действие непредвиденных обстоятельств.

4. У должностного лица имеется возможность произвольно создавать экстраординарные ситуации для других лиц, а также произвольно их разрешать. Например, выдвигать дополнительные требования и снимать их, манипулировать экспертными заключениями и пр.

5. Имеет место слабый контроль деятельности должностных лиц со стороны контрольных органов и общественности или не создана соответствующая ситуация действенная система контроля (заметим, что системы, осуществляющие контроль, часто и сами становятся коррупционными).

6. Недостаточная работа правоохранительных органов, куда можно обратиться с жалобой на коррупционеров.

7. Слабое действие фактора неотвратимости наказаний за коррупционное деяние (нередко коррупционеры просто откупаются, то есть коррупционера спасает сама коррупция).

8. Мягкость наказаний (обычно для коррупционеров очень много смягчающих обстоятельств, которые общественностью воспринимаются как издевательства).

9. Двойные стандарты в определении меры наказаний за коррупцию (были случаи, когда бывшим министрам давали девять лет лишения свободы условно и пр.).

10. Сформировалась и существует коррупционная среда, пронизывающая всю вертикаль управления и разлагающая другие неподведомственные ей среды, с которыми имеются функциональные связи, что обуславливает формирование круговой поруки.

11. Упущения в законодательстве или затягивание с принятием важнейших законов, например, о протекционизме. Как следствие, протекционизм должностных лиц, у которых, как выяснилось, «много очень талантливых и социально успешных родственников».

12. Создается впечатление, что имеет место и сознательная целенаправленная деятельность по созданию коррупционной среды. Примером может служить широко разрекламированный закон о «дачной амнистии», который на практике обернулся новым витком взлета коррупционности в этой сфере.

13. Борьба с коррупцией все еще носит кампанейский характер. Не создана действенная системы борьбы с коррупцией, в результате «попадает мелкая рыбешка», а главные создатели коррупционной среды вне подозрений.

14. Формирование кадрового состава на ответственные должности осуществляется на основе неделовых принципов (личная преданность, принадлежность к команде, землячеству, партии и пр.), тогда как главный критерий — профессионализм — на самом деле главным не является.

15. Существуют двойные стандарты в отношении коррупции («внизу» — нелзя, это плохо, а «наверху» — можно) и, как следствие, формирование правового нигилизма у населения.

16. Психологическая предрасположенность к коррупции у отдельных лиц.

17. Научение в коррупционной среде.

Иными словами, в нашей стране сформировались и существуют необходимые многочисленным условиям для развития и процветания коррупции. Однако заметим, что даже в таких благоприятных общих коррупционных условиях некоторые должностные лица взятки все же не берут.

Отмеченные причины как внешние факторы формирования коррупционной направленности личности весьма действенны, однако они еще существенно усиливаются вследствие психологической притягательности коррупции. Проведенный в данном контексте анализ коррупционных ситуаций с использованием различных источников информации показал следующее. У коррупционеров в первую очередь преобладают сильные материальные потребности, а также статусные потребности, ценные в определенных значимых для них социальных группах. В силу низкой моральной и профессиональной нормативности поведения и отношений удовлетворение материальных и статусных потребностей осуществляется за счет так называемых легких, быстрых, больших, неподконтрольных денег, получаемых вследствие коррупции, а также тех возможностей, которые они предоставляют. Отметим их:

1. Коррупция дает возможность получать так называемые легкие деньги. У многих людей проявляется отчетливое стремление экономить свои ресурсы, делать работу, затрачивая меньше усилий, и др. Если это удастся, возникает чувство удовлетворения, так как в такой ситуации выигрыш во времени, силах и средствах. Взятка не требует больших усилий.

2. Коррупция дает возможность получать быстрые деньги. Взятка берется за секунды. Еще К. Маркс говорил, что всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Люди вообще к этому стремятся, а в коррупционной среде образовались очень большие возможности таким образом экономить время.

3 «Большие деньги». Обычно взятки существенно больше, чем заработок.

4. «Неподконтрольные деньги». За них не надо ни перед кем отчитываться, можно их расходовать исключительно по своему разумению.

5. «Удовлетворение растущих материальных потребностей», расширение материального субъектного пространства («больше могу себе позволить»), иные по масштабу возможности решения личных и материальных проблем, а также проблем ближних, отсюда все-таки какая-то самореализация. Все, что ранее казалось нереальным и недоступным, с обретением неподконтрольных денег стало простым повседневным делом.

6. «Не хуже других», «другие тоже берут» — «я такой же и ничуть не хуже, чем те люди, которые «умеют жить» — это проявление удовлетворения значимой потребности в принадлежности, в результате чего происходит компенсация собственного греха.

7. Повышение социального статуса, уважительное отношение, так как в «мире чистогана» главное — это деньги. В наше время большие деньги являются чуть ли не главным фактором оценки социального статуса и успеха личности («если такой умный, то почему бедный?»). Социальный статус возрастет вследствие того, что деньги позво-

ляют увеличить масштаб решаемых задач, обеспечить общение и взаимодействие с престижными людьми, повысить и без того большие личные возможности, а это, в свою очередь, удовлетворяет потребность в уважении и самоуважении, заметим, наименее удовлетворенную у большинства людей. Высокий социальный статус повышает привлекательность самооценки и делает комплиментарным образ «Я».

8. Ощущение силы и превосходства («если быстро могу получить немалые деньги, значит, я умнее других»), что также способствует повышению самоуважения, формированию привлекательного образа «Я». Это компенсирует комплексы неполноценности, которые есть у многих людей, например, «чувство ничтожности» по Э. Фромму или «твари дрожащей» по Ф. Ницше.

9. Обладание большими деньгами позволяет не заниматься пустяками и решением малозначимых проблем. Можно полностью сосредоточиться на решении актуальных и масштабных задач, что также способствует удовлетворению потребности в самореализации, повышению самооценки, формированию привлекательного образа «Я», позволяет экономить драгоценное время.

10. Большие деньги в коррумпированной среде способствуют формированию сторонников (круговая порука), чтобы среда, столь комфортная для них, была бы устойчивой. Сторонники становятся гарантом защиты, групповая сплоченность дает ощущение чувства силы.

Описанные причины притягательности коррупции имеют то свойство, что они провоцируют и других стремиться к ней, многим начинает хотеться использовать ее огромные возможности, что

создает для коррупционеров нездоровую конкуренцию, которая их, естественно, не устраивает, что подталкивает их к новым противоправным действиям. Это своеобразная обратная сторона коррупции.

Отмеченные психологические причины коррупции и факторы ее притягательности приводят к формированию и действию психологического механизма превращения отдельных законопослушных личностей в коррупционеров. В этом формировании особую роль играет психологический эффект интериоризации, когда коррупционные внутренние условия формируются на основе принятия и усвоения внешних норм деятельности и отношений в коррупционной среде, с ее специфическими ценностями, пренебрежением этическими нормами поведения и коррупционными отношениями и пр. В то же время данный процесс не носит исключительно однонаправленного характера. В нем на определенных этапах начинает проявляться и эффект экстериоризации в этом случае внешние условия находятся под влиянием внутренних структур и факторов, проявляющихся в развитии коррупционной направленности, когда внешние нормы и ценности в организации становятся зависимыми и от внутренних норм, интересов и ценностей коррумпированных ее членов. Так, коррупционер, попадая в какую-либо профессиональную среду взаимодействий, постепенно превращает ее в коррупционную.

Подобный психологический механизм действует преимущественно у людей с низкой морально-нравственной регуляцией поведения и отношений. Однако такая морально-нравственная регуляция формируется под влиянием

внешних факторов, которые в большинстве своем отражают примат исключительно материальных интересов.

Психологические аспекты формирования коррупционной направленности личности не исчерпываются теми, которые были нами отмечены. Существуют и другие, разговор о которых должен вестись специально.

Подводя итоги, отметим, что проведенный анализ психологических аспектов формирования коррупционной направленности личности показал, что для организации эффективной борьбы с этим опасным явлением необходимо проведение специальных углубленных психологических исследований на основе государственного заказа, которые должны стать основой продуманных других мер борьбы с коррупцией.

Литература

1. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Прикладная психологическая диагностика для специалистов и руководителей кадровых служб. — Калуга: КГПУ, 2003.
2. Зазыкин В.Г. Психология проницательности. — М.: РАГС, 2006.
3. Зазыкин В.Г. Психологические особенности коррупции. — М.: МГАДА, 2010.
4. Ломов Б.Ф. Человек и техника. — М.: Советское радио, 1966.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Рус. яз., 1981.
6. Психолого-акмеологические технологии противодействия коррупции в системе государственной службы / под ред. А.А. Деркача. — М.: РАГС, 2010.
7. Решетников М. Психология коррупции. — СПб.: Восточно-европейский ин-т, 2008.
8. Хакер В. Инженерная психология и психология труда. — М.: Машиностроение, 1985.
9. Эргономика: принципы и рекомендации. — М.: ВНИИТЭ ГКНО СССР, 1981.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ

В. М. Поздняков, М. А. Черкасова

Аннотация: в статье описываются особенности проявления профессионального выгорания у сотрудников, имеющих различный стаж профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе России.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, профессиональные деформации, профессиональный стресс, удовлетворенность работой, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений

Summary: the article describes the peculiarities of professional burnout among staff, with different length of professional activities in the penitentiary system.

Keywords: professional burnout, professional degradation, professional stress, job satisfaction, emotional exhaustion, depersonalization, personal accomplishment reduction.

Современное реформирование уголовно-исполнительной системы России

(далее — УИС России) связано и с решением проблем повышения профессионального уровня, дисциплины и безопасности личного состава, а также реализации мер по усилению социально-правовой защиты и сохранению психологического здоровья сотрудников.¹ В этой связи приоритетным направлением в деятельности пенитенциарных психологов становится профилактика негативных изменений в личности сотрудников в процессе прохождения службы, в том числе и профессионального выгорания личного состава, возникающего под влиянием специфичных стрессогенных факторов.

Анализ научных публикаций свидетельствует, что феномен профессионального выгорания был впервые выявлен Г.Брэдли (Bradley, 1969) у тюремного персонала, а в последующие десятилетия имел многоплановое изучение со стороны зарубежных и отечественных психологов на репрезентативных выборках представителей так называемых «помогающих профессий» (H.G. Freudenberg, 1974; C. Maslach, 1982; T. Cox et al., 1993; W. Schaufel-ly, D. Enzmann, 1998; A. Plana et al., 2003; Т.В. Форманюк, 1994; А.К. Маркова, 1996; В.В. Бойко, 1996, 1999; Н.Е. Водопьянова, Н.В. Гришина, 1997; В.Е. Орел, 2001, 2005; Т.Н. Ронгинская, 2002; М.В. Агапова, 2004; С.А. Калашникова, 2004; Н.В. Мальцева, 2005; Н.В. Мушастая, 2007; Т.И. Шевченко, 2007; Е.С. Старченкова, 2008; О.Н. Доценко, 2008; И.В. Малышев, 2009;

О.В. Полунина, 2009; С.А. Наличаева, 2011 и др.). Однако до сих пор не существует обобщенной теоретической концепции, раскрывающей сложность данного феномена, его детерминацию и механизмы развития.

Проведенные исследования среди сотрудников пенитенциарных учреждений² дают основание считать, что профессиональное выгорание, с одной стороны, является следствием стрессогенности профдеятельности и возникновения под ее влиянием у личного состава данной деструкции, а с другой стороны, синдром профвыгорания препятствует профессионально-акмеологическому росту личности. Однако при расширяющемся в последнее десятилетие потоке диссертаций, касающихся профилактики профдеструкций у сотрудников ФСИН России³, исследователи не про-

² См.: Хвостов А., Проценко Л., Мухина В. Сотрудники уголовно-исполнительной системы: Экстремальные условия профессии и их следствия // Развитие личности. 2003. №3. С. 133–144; Предупреждение деструктивных форм поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы / Методические рекомендации. — М., 2005; Крапивина О.В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов, 2004; Тропов В.А., Новикова И.А. Синдром профессионального выгорания у оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы, его выявление и профилактика (учебно-методическое пособие). — Архангельск, 2007; Баранаскене И., Валайкене А. Влияние стресса на удовлетворенность сотрудников исправительных учреждений // Национальный психологический журнал. 2011. №1. С. 66–69, 2012. №1. С. 113–117.

³ См.: Долматова И.М. Совершенствование профилактики профессиональной деформации у сотрудников пенитенциарной: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2001; Сафронова И.Н. Показатели адаптации сотрудников к профессиональной деятельности в экстремальных условиях пенитенциарных учреждений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Томск, 2003; Кузина Е.А. Предупреждение профессиональной деформации будущих

¹ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 №1772-р // СЗ РФ. 2010. №43. Ст. 5544.

водят четкого разграничения феноменов «профдеформация» и «профвыгорание». На наш взгляд, о профдеформации следует говорить тогда, когда в личную жизнь сотрудника (семейную, общения с друзьями и т.д.) проникает слишком много профессионального.⁴ В отношении же синдрома профвыгорания речь может идти лишь тогда, когда в процесс выполнения профессиональных обязанностей проникает слишком много личного.

Учитывая, что в проведенных исследованиях среди сотрудников УИС России не изучались особенности психодинамики их профвыгорания при прохождении службы, нами была разработана анкета и проведен опрос личного состава исправительных колоний с целью выяснения роли различных факторов,

специалистов уголовно-исполнительной системы в образовательном процессе вузов Минюста России. — Рязань, 2004; Закирова Т.И. Педагогические условия профилактики профессиональной деформации личности сотрудников пенитенциарных учреждений в системе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Томск, 2003; Крапивина О. В. Эмоциональное выгорание как форма профессиональной деформации у пенитенциарных служащих: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов, 2004; Кренева Ю.А. Должностная халатность как вид девиантного поведения сотрудников пенитенциарной системы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Ростов-на-Дону, 2010. Сальникова О.Ю. Психологические особенности возникновения посттравматических стрессовых состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы в различных условиях служебной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Рязань, 2010.

⁴ В данном случае нами разделяется позиция С.П. Безносова, согласно которому суть профессиональной деформации личности состоит в том, что усвоенные деятельностные нормы как регуляторы активности и стилевые особенности профессионала переносятся в сферу семейного общения, поведения, быта, делового общения с представителями других профессиональных сообществ. — См.: Безносов С.П. Профессиональные деформации личности (Подходы, концепции, метод): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — СПб., 1997.

влияющих на развитие данной профдеформации, а также осуществлена психодиагностика сотрудников с разным стажем службы на основе методики МВИ К. Маслач и С. Джексон (в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой),⁵ позволяющая выявлять проявления по составляющим профвыгорания личности.

Анкетирование проводилось среди 311 сотрудников УФСИН России по Кировской, Ленинградской и Вологодской областям с квотированным подбором респондентов из различных подразделений, непосредственно взаимодействующих с осужденными и находящимися на разных этапах прохождения службы: до 3 лет; от 3-5 лет; от 5 до 10 лет; от 10 до 15 лет; от 15 до 20 лет и свыше. Данные опроса приведены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что наиболее неблагоприятным фактором для сотрудников УИС России на всех этапах прохождения службы в уголовно-исполнительной системе является низкая заработная плата. Кроме того, опрошенные сотрудники в качестве значимых факторов, способствующих развитию профессионального выгорания на всех этапах прохождения службы, также отметили дефицит административной и социальной поддержки, неуверенность в социально-экономической стабильности и социальную незащищенность. Полученные данные корреспондируют с ранее установленным И.В.Малышевым (2009) фактом, что внешние условия труда — социальные (прежде всего, система материального и морального стимулирования) и социально-психологические (отношения с руководством, климат в

⁵ Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — 2-е изд. — СПб., 2008. С. 201.

Таблица 1

**Субъективно-личностное отношение к профессиональным трудностям
у сотрудников УИС с различным стажем службы**

Основные затруднения, возникающие у сотрудников УИС	Количество ответивших (%) с различным стажем службы				
	0-3	3-5	5-10	10-15	15-20
Варианты ответов					
Высокая напряженность, стрессогенность деятельности	16,0	25,5	24,2	26,4	18,7
Размер заработной платы	57,0	57,4	51,4	64,7	62,5
Монотонность, однообразие деятельности	35,0	34,0	30,0	20,0	25,0
Наличие изолированности между службами	7,0	17,0	17,0	26,4	6,2
Дефицит административной, социальной поддержки	10,0	10,6	20,0	11,7	12,5
Сопернические конфликтные взаимоотношения	-	6,3	5,7	-	6,2
Равнодушное отношение друг к другу	5,9	8,5	4,2	2,9	-
Чрезмерная трудовая нагрузка	5,9	17,0	20,0	23,5	18,7
Жесткая регламентация деятельности	7,0	8,5	4,2	5,8	-
Психологически трудный контингент	4,4	2,1	10,0	11,7	-
Высокая ответственность за других	1,0	6,3	4,2	12,1	25,0
Взаимоотношения с непосредственным начальником	6,0	19,1	12,8	5,8	-
Социальная незащищенность	10,0	25,5	22,8	38,2	25,0
Невозможность карьерного роста	7,4	14,8	21,4	8,8	12,5
Непривлекательность деятельности	8,9	8,5	8,5	2,9	-

Примечание: результаты более 100%, т.к. разрешалось выбирать несколько вариантов ответа.

коллективе и др.) в значительной мере влияют на развитие синдрома эмоционального выгорания.⁶ Дополнительно проведенный анализ ведомственной кадровой статистики свидетельствует, что

имеющее место несоответствие денежного довольствия объему, сложности и стрессогенному характеру работы в УИС России является мотивом увольнения у многих сотрудников, а также снижения требовательности личного состава за результаты своего труда. В этой связи, как свидетельствуют индивидуальные беседы с руководителями исправительных учреждений, принятое Прави-

⁶ Малышев И.В. Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик личности в экстремальных условиях профессиональной социализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Саратов, 2009. С. 9.

тельством РФ решение о повышении с 2013 года заработной платы сотрудникам уголовно-исполнительной системы, а также разрабатываемые в соответствии с Концепцией реформирования уголовно-исполнительной системы до 2020 года меры по расширению перечня социальных гарантий и повышению правовой защищенности личного состава следует рассматривать как «антивыгорающие» средства, снижающие неудовлетворенность трудом в службе, имеющей до сих пор недостаточный престиж среди правоприменительных органов.

По результатам анкетирования выявлено, что монотонность пенитенциарной деятельности также входит в число основных неблагоприятных факторов на всех этапах прохождения службы, причем в особой мере при стаже службы до 10 лет. Дополнительно проведенные индивидуальные беседы с сотрудниками показали, что данный фактор способствует появлению стереотипов в выполнении профессиональных обязанностей и снижает психологическую готовность к нововведениям.

На третьем ранговом месте среди факторов, обуславливающих профвыгорание личного состава УИС России, находится высокая напряженность, стрессогенность деятельности. Причины выявленных фактов о более низком влиянии указанного фактора на развитие профвыгорания у молодых специалистов и у сотрудников со стажем дополнительно выяснялись в ходе индивидуальных бесед с ними. Они показали, что в силу наличия у новичков персональных наставников профдеятельность ими часто осуществляется в более щадящем режиме, а у сотрудников-ветеранов из-за накопления профопыта сформиро-

валась определенная стрессоустойчивость, базирующаяся на повышенном самоконтроле и снижении рискованности при выполнении проффункций. Выявленные закономерности в определенной мере согласуются с данными, полученными в исследовании Т.В. Недураевой по представителям профессий групп риска.⁷ Однако индивидуальные беседы с сотрудниками исправительных учреждений показали, что именно их профопытность и статус в коллективе формируют ожидания в отношении конкретного сотрудника, предопределяя со стороны руководства оценку его индивидуальных возможностей и мотивации к выполнению задач. Кроме того выявлено, что повышению напряженности профдеятельности может способствовать необходимость выполнения противоречивых, неопределенных требований, а также привлечение сотрудника к исполнению несвойственных для него обязанностей.

Индивидуальные беседы с сотрудниками со стажем от 6 до 15 лет свидетельствуют, что с ростом стажа прохождения службы в УИС России может наблюдаться кумулятивный эффект в росте психологической напряженности у личного состава, т.к. постоянное воздействие стрессоров (особенно в исправительных учреждениях со сложной оперативной обстановкой) часто превышает адаптационные ресурсы человека, а в результате повышается вероятность развития профвыгорания и растут жалобы на ухудшение психосоматическо-

⁷ См.: Недураева Т.В. Социально-психологические детерминанты профессионально-личностных деформаций представителей профессий групп риска: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Курск, 2009.

го состояния. Данные факты в определенной мере контрастируют с выводом психологов В.А. Тропова и И.А. Новиковой (2007), что у оперативных сотрудников УИС России наибольшая выраженность негативных личностных изменений наблюдается на 3–4-й и 6–7-й годы работы.⁸

Итак, в качестве промежуточного вывода по результатам анкетирования можно утверждать, что реально существует комплекс внешних предпосылок, обуславливающих профвыгорание у сотрудников УИС России, причем прохождение службы в лесных подразделениях, по сравнению с территориальными, создает личному составу дополнительные трудности и психическую напряженность, т.к. приходится работать в климатически сложных условиях и в местах без развитой инфраструктуры.

Проведение более дифференцированного анализа по факторам и условиям профессионально-служебной деятельности сотрудников УИС России, способствующих выгоранию, позволит отметить их специфичное влияние на указанные в зависимости от стажа категории групп сотрудников.

Так, сотрудники со стажем службы в УИС до 3 лет среди неблагоприятных факторов труда, прежде всего, называют непривлекательность пенитенциарной деятельности, а наименее значимыми — высокую ответственность за других и психологически трудный контингент. У сотрудников же со стажем от 3 до 5 лет почти вдвое возрастает неудовлетво-

ренность из-за невозможности карьерного роста, а также среди них втрое увеличивается число лиц, которых беспокоят взаимоотношения с непосредственным начальником. Необходимо объективно отметить, что с увеличением стажа службы среди сотрудников УИС с 5 до 10 лет продолжает возрастать доля лиц, неудовлетворенных невозможностью карьерного роста. Полученные в опросе данные, на наш взгляд, позволяют рекомендовать руководству ФСИН России разработать комплекс мер по профессионально-служебному продвижению и ротации кадров⁹, т.к. без них будет не только сохраняться высокая текучесть кадров, но и из-за неудовлетворенности личного состава на этапе роста профзрелости не будут проявляться стремления к повышению эффективности профдеятельности.

Сотрудники же пенитенциарных учреждений с выслугой от 10 до 15 лет к ведущим детерминантам профессионального выгорания уже, прежде всего, относят чрезмерную трудовую нагрузку и наличие изолированности между службами. Положительной тенденцией является то, что среди этой категории лично-

⁸ Тропов В.А., Новикова И.А. Синдром профессионального выгорания у оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы, его выявление и профилактика (учебно-методическое пособие). — Архангельск, 2007. С. 9.

⁹ Одним из авторов статьи данная рекомендация обосновывалась еще в 1980-е годы, т.к. без внедрения системы мер материального и морального стимулирования и карьерного продвижения пенитенциарных сотрудников, достаточно хорошо научно обоснованной и реализуемой за рубежом с учетом индивидуальных особенностей личности, психологических закономерностей профессионализации и социально-психологических изменений в профессиональной и семейно-бытовой сферах, невозможно успешно решить проблему стабилизации кадрового состава отечественных исправительных учреждений. — См.: Поздняков В.М. Психологическая готовность слушателей и курсантов высших и средних специальных учебных заведений МВД СССР к службе в ИТУ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1989.

го состава снижается количество лиц, для которых служба в УИС является непривлекательной, а также уменьшается количество сотрудников, испытывающих неудовлетворенность от невозможности карьерного роста. Вероятно, это связано с тем, что многие сотрудники, с увеличением стажа профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе уже смогли успешно самореализоваться в профессии — получить дополнительное образование в виде повышения квалификации и переподготовки, а также были назначены на вышестоящую должность или перешли на работу в службу, более соответствующую склонностям личности.

По данным анкетирования, большая часть сотрудников с выслугой от 10 до 15 лет считает наиболее профессионально значимым фактором, влияющим на профвыгорание, высокую ответственность за других людей. И хотя в УИС России любая должность, связанная с непосредственным взаимодействием с осужденными, предполагает наличие личной ответственности, но ее повышенный уровень у профессионально и жизненно зрелых сотрудников можно объяснить наличием у них положительной репутации, а поэтому боязнь ее потерять может вызывать нервно-психическое перенапряжение. При этом указание многими из данной категории респондентов одновременно на наличие дефицита административной и социальной поддержки, на соперничество и конфликтность во взаимоотношениях может дополнительно способствовать росту профессионального стресса и, как следствие, приводить к профвыгоранию.

Сотрудники УИС со стажем службы свыше 15 лет среди факторов, негатив-

но сказывающихся на выполнении служебных обязанностей, также назвали высокую ответственность за других, а в индивидуальных беседах пояснили, что это обусловлено наличием у них повышенных чувства долга, ответственности и требовательности к себе. Ни один из опрошенных из данной группы не назвал пенитенциарную деятельность непривлекательной; а также из числа неблагоприятных факторов ими исключен психологически трудный контингент и взаимоотношения с непосредственным руководителем. Отрицание такого рода трудностей обусловлено, возможно, значительным профессиональным и жизненным опытом сотрудников и соответственно возрастной переоценкой ценностей, изменением иерархии мотивов в ходе личностно-профессионального развития.

Индивидуальные беседы с сотрудниками с разным стажем службы свидетельствуют о том, что ощущение невозможности изменений в своей профдеятельности усиливает внешние эмоциональные проявления феномена выгорания и вероятность развития его других симптомов. Поэтому низкие данные по восприятию пенитенциарного стресса, например, респондентами из категории молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы (со стажем до 3 лет), не могут быть признаны как благоприятное положение дел, т.е. не требующее реализации мер ранней психопрофилактики профвыгорания. Как свидетельствуют результаты компаративного исследования литовских психологов Ингриды Баранаускаене и Айсты Валайкаене (2011, 2012), «в зарубежных исправительных учреждениях более 39% должностных лиц ощущают повышен-

ную психическую напряженность на рабочем месте, причем три четверти из них указали, что наибольшую напряженность на работе вызывают «непрогнозируемые» трудные клиенты»¹⁰. Несомненно, что на снижение психической напряженности влияет не только уровень профподготовленности и жизненной опытности, но и многое здесь зависит и от индивидуальных психологических и социально-психологических особенностей личности, степени ее профессиональной идентификации.¹¹

С целью изучения индивидуальных особенностей профессионального выгорания у сотрудников УИС на разных этапах прохождения службы было проведено исследование по методике МБИ К. Маслач и С. Джексона и проанализированы полученные результаты по следующим группам:

- группа № 1 — сотрудники со сроком службы в УИС до 3 лет;
- группа № 2 — сотрудники с выслугой от 3 до 5 лет;
- группа № 3 — сотрудники со стажем от 5 до 10 лет;
- группа № 4 — сотрудники со стажем от 10 до 15 лет;
- группа № 5 — сотрудники со стажем свыше 15 лет.

¹⁰ Барананускене И., Валайкене А. Влияние стресса на удовлетворенность сотрудников исправительных учреждений // Национальный психологический журнал. 2012. №1. С. 113.

¹¹ См.: Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности специалистов экстремального профиля. Монография. — СПб., 2000; Чутко Л. Синдром менеджера. Эмоциональное выгорание и управление стрессом. — СПб., 2010; Липатов С.А., Ловаков А.В. Исследования организационной идентификации в зарубежной психологии // Национальный психологический журнал. 2010. №1. С. 70–75; С.Д. Смирнов От стиля деятельности к стилю общения // Национальный психологический журнал. 2010. №1. С. 63–65.

Использование в исследовании методики МБИ было связано с тем, что она является адаптированной для сотрудников правоохранительных органов, позволяет вести анализ психодиагностических данных сразу по трем шкалам, характеризующим проявления составляющих профвыгорания: 1) «эмоциональное истощение» (EE — emotional exhaustion); 2) «деперсонализация» (D — depersonalization) и 3) «редукция личных достижений» (PA — personal accomplishment).

При анализе результатов диагностики по шкале «эмоциональное истощение» выявлены наиболее высокие показатели у испытуемых группы № 4 ($p < 0,05$), причем по сравнению с испытуемыми всех других групп. Следовательно, для сотрудников УИС со стажем служебной деятельности от 10 до 15 лет наиболее характерно ощущение чувства безнадежности и риск возникновения психических срывов. Беседы с представителями группы № 4 свидетельствуют, что они постоянно чувствуют усталость и отсутствие жизненных сил, сниженный энергетический тонус, переживают падение работоспособности и появление симптомов соматических недомоганий. Вероятно, это связано с тем, что данная категория сотрудников, обладая значительным профессиональным опытом и предъявляя к себе высокие требования как к профессионалам, воспринимает свою профдеятельность как жизненную ценность. Такое субъективно воспринимаемое значение работы не должно рассматриваться как отрицательный момент в поведении сотрудников. В аспекте прогноза профессионального выгорания данной категории сотрудников, на наш взгляд, важна оценка дисбаланса между большими психоло-

гическими затратами сотрудников и недостаточным морально-материальным оцениванием их усилий со стороны руководства, что и вызывает у них напряженность и хронический дискомфорт, требует значительной мобилизации психических сил для поддержания высокого уровня профдеятельности, а в итоге приводит к эмоциональному истощению.

Данные психодиагностики свидетельствуют о наличии наиболее низких значений по шкале «эмоциональное истощение» у представителей экспериментальной группы № 1, по сравнению с другими группами. Это обусловлено, как показали беседы с представителями группы № 1, наличием у них повышенного оптимизма (по типу пословиц: «на ошибках учатся» и «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает»), а также ограниченным воздействием профессиональных вредностей (стрессоров) на этапе профессиональной адаптации в силу выполнения данными сотрудниками меньшего объема работы и отсутствием самостоятельности в решении трудовых задач повышенной сложности.

Психодиагностика показала, что уровень «деперсонализации» также возрастает с увеличением срока службы в уголовно-исполнительной системе и наиболее высокого значения достигает в группе № 4. Выявлены значимые различия между испытуемыми данной группы и испытуемыми групп № 1 и № 2 ($p \leq 0,01$). Можно предположить, что длительный контакт со спецконтингентом и отсутствие постоянного положительного подкрепления, а также столкновение с пенитенциарным рецидивом делают менее гуманными установки у данной категории сотрудников. С их стороны негативные реакции в отношении осуж-

денных могут проявляться в различных формах: нежелании общаться, склонности унижать, игнорировать законные просьбы лиц, отбывающих наказание. Выявленное в рамках психодиагностики, снижение показателей уровня «деперсонализации» у представителей группы № 5 обусловлено, возможно, их значительным профессиональным опытом и достаточно сформированными навыками бесконфликтного поведения со спецконтингентом.

По шкале «редукция личных достижений» наибольшие показатели имеют у представителей групп № 2 и № 4. В отношении представителей группы № 2 это может свидетельствовать о том, что в ранние периоды профессионализации затруднения у специалистов могут быть связаны как с осознанием недостаточности имеющихся знаний и умений и в тоже время предъявления высоких требований к качеству их практической деятельности в уголовно-исполнительной системе. Как свидетельствуют результаты индивидуальных бесед с представителями группы № 2, они часто имеют нереалистично высокие ожидания относительно деятельности и своей профессиональной карьеры, что обуславливает пусковой механизм феномена профессионального выгорания. При этом в силу неспособности данной категории сотрудников адекватно оценивать результаты своей работы и одновременно появления у них повышенных профпритязаний возникает неудовлетворенность от достигаемых результатов деятельности. При устранении возникающей фрустрации они часто и изменяют отношение к работе по типу «редукция личных достижений».

Сотрудники с большим трудовым стажем (группа № 4) уже подстраивают свои ожидания под реальную ситуацию, снижая, прежде всего свои завышенные ожидания в отношении организационных ресурсов. Однако при отсутствии возможности реализовать свои карьерные устремления и недостаточности условий для профсамореализации у данной категории специалистов также снижается мотивация профессиональной деятельности.

В целом, проведенные исследование показало, что риск профессионального выгорания у сотрудников УИС возрастает с увеличением срока службы. При этом наиболее высокие показатели таких составляющих данного феномена, как «эмоциональное истощение» и «деперсонализация», выявлены у сотрудников со стажем службы от 10 до 15 лет. Это свидетельствует о снижении их энергетического тонуса и профмотивации, падении работоспособности, появлении симптомов соматических недугов, а также о нежелании конструктивно общаться с коллегами, склонности унижать и игнорировать законные просьбы спецконтингента.

Выявленные у сотрудников на этапах прохождения службы в УИС от 3 до 5 лет и от 10 до 15 лет высокие показатели по шкале «редукция личных достижений», характеризующей снижение личных усилий в профдеятельности, обусловлены изменениями в профидентификации и снижением профессионального самоуважения, в том числе из-за неудовлетворенности результатами своей работы или карьеры.

Изучение особенностей проявления профессионального выгорания у сотрудников УИС на разных этапах профессионального развития указывает на необходимость научного обоснования и внедрения как системы психодиагностического мониторинга, так и с учетом выявления у личного состава симптомов по конкретным составляющим профвыгорания реализации целенаправленных мер их психологической профилактики и возвышению потенциала личности, направленного на преодоление возникающих трудностей при прохождении службы (особенно в лесных исправительных учреждениях).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Р. Ромашов

*Тюрьма есть ремесло окаянное,
а для скорбного дела потребны
люди твердые, добрые и веселые.*

Петр I

Аннотация: в статье анализируются психологические аспекты восприятия и взаимодействия субъектов пенитенциарных отношений, особое внимание уделено месту и роли практических психологов УИС в пенитенциарной коммуникации. Автор подробно рассматривает понятие пенитенциарной среды и пенитенциарные отношения.

Ключевые слова: пенитенциарная среда, пенитенциарные отношения, субъекты пенитенциарных отношений, психология, практический психолог УИС, пенитенциарные коммуникации, пенитенциарный рецидив.

Summary: the author is analyzed the psychological aspects of perception and interaction among prison relationships, he focuses on the place and role of the practical psychologists of the prison correctional system in the penitentiary communication. In addition, the author views the concepts of the penitentiaries environment and penitentiary relations in details.

Keywords: penitentiaries environment, penitentiary relationships, subjects of the penitentiary relations, psychology, practical psychologist of the prison correctional system, penitentiary communications, detention relapse.

Понятие пенитенциарной среды

В содержательном аспекте понятие среды целесообразно рассматривать в трех основных смысловых значениях:

– среда — материальное либо виртуальное вещество, заполняющее какой-либо пространственный объем и обладающее определенными свойствами (водная среда, воздушная среда, социальная среда, информационная среда);

– среда — совокупность природных либо социально-бытовых условий (правил), в которых протекает жизнедеятельность каких-либо организмов (среда обитания, ойкумена — обитаемая Вселенная);

– среда — совокупность людей, объединенных специфическими интересами и условиями осуществления совместной деятельности (научная среда, студенческая среда, криминальная среда и т. п.) [2, с. 787].

Пенитенциарная среда представляет собой комплекс, объединяющий все три значения.

Пенитенциарным веществом, заполняющим пространство пенитенциарных учреждений, являются люди (осужденные, сотрудники), инженерно-технические сооружения и средства, обеспечивающие функционирование структурных подразделений УИС.

Пенитенциарными условиями, определяющими природу пенитенциарной жизнедеятельности, являются правила поведения, закрепляемые как на зако-

нодательном (легальном) уровне, так и на уровне криминальной субкультуры, отражающейся в нормах, «понятиях» (отсюда «жить по понятиям»).

В качестве *типа социально-бытовой обстановки* пенитенциарная среда представляет собой локальный (выделенный из системы нормальной жизнедеятельности) сегмент общественных отношений, в котором различные по возрасту, профессии, социальному статусу люди объединяются по факту участия в специфических социально-правовых отношениях, связанных с исполнением уголовных наказаний. При этом одна из сторон выступает в качестве субъекта, отбывающего наказание, а другая — обеспечивает его наказание.

Пенитенциарная среда — это пространственная и социально-культурная сфера человеческой жизнедеятельности. Попадая в пенитенциарную среду, люди добровольно либо вынужденно принимают ее условия и правила, постепенно адаптируясь к ним и ассимилируя к пенитенциарной культуре.

Нахождение в условиях пенитенциарной среды способствует выработке двойного отношения к ней. С одной стороны, пенитенциарная среда воспринимается как зона агрессивности, репродуцирующая пенитенциарную опасность как на внутрисистемном, так и на межсистемном уровне. Сам факт попадания в УИС лица, выступающего в качестве обвиняемого либо осужденного, рассматривается в качестве обстоятельства, изначально представляющего угрозу для его здоровья и личной безопасности. С другой стороны, УИС представляет своим «жителям» комплекс определенных услуг, связанных со своего рода «тюремным сервисом». Причем, как это ни пара-

доксально, нередко в тюрьме осужденный получает блага, которых он был лишен на свободе. Возникает своеобразное преломление сознания, а иногда и его полное перерождение. Человек, помещенный в тюремные условия на длительное время, начинает рассматривать их в качестве нормальных, а значит, относительно безопасных и в субъективном отношении вполне приемлемых. Напротив, жизнь вне тюремных стен начинает представляться как враждебная и в силу этого временная, отторгаемая. На подсознательном уровне «профессионального сидельца» пенитенциарная среда воспринимается в качестве знакомой и в чем-то даже родной. Как тут не вспомнить слова песни о Родине Ю. Шевчука: «Еду я на Родину, пусть кричат — уродина, а она нам нравится, хоть и не красавица...». Более того, в преступном мире наличие в послужном списке отбывших наказаний по «серьезным» статьям УК РФ является необходимым условием формирования криминального авторитета, своеобразным венцом которого является «коронация» и приобретение статуса «вора в законе».

Вывод: пенитенциарная среда воспринимается в качестве агрессивной и неприспособленной для нормальной жизни, прежде всего законопослушными гражданами, то есть теми, кто с ней непосредственным образом не соприкасался и имеет лишь общее представление об условиях и правилах пенитенциарной жизнедеятельности. Для представителей общества, побывавших в учреждениях УИС неоднократно и проведенных в условиях лишения свободы длительный срок, характерно перерождение социально-правового сознания, в результате чего свободное общество вос-

принимается как враждебное, а жизнь на свободе — в качестве временной. В свою очередь, тюремная система представляется в качестве привычной, безопасной, а следовательно, предпочтительной.

Пенитенциарные отношения и их субъекты

Пенитенциарная среда в содержательном аспекте представляет собой совокупность пенитенциарных отношений между индивидуальными и коллективными участниками — субъектами. С определенной долей условности можно выделить три основные группы субъектов пенитенциарных отношений: осужденные, сотрудники и государство, представленное судебными и правоохранительными органами, в том или ином качестве вовлеченными в механизм назначения и исполнения уголовного наказания.

Характеризуя функциональную направленность пенитенциарных отношений, следует акцентировать внимание на их детерминированности целями и задачами государственного развития. В любом государстве действует государственное принуждение, обеспечивающее государственную иерархию в системе государственного принуждения. Государство, определяя общезначимые и общеобязательные правила поведения, закрепляет их при помощи законов и обеспечивает реализацию посредством системы стимулов и наказаний. Основной целью использования и применения и тех и других является формирование у индивидов, локальных социальных групп и нации в целом психологического образа государства в качестве постоянного, всевидящего и всемогущего правителя,

адекватным образом реагирующего на все виды и формы поведения независимо от нравственно-правовой оценки конкретного человеческого поступка. Применительно к политогенезу Российского государства функциональная составляющая уголовно-исполнительной системы сочетает как статическую, так и динамическую составляющие.

Статичный элемент — это государственная кара за совершенное преступное деяние, применяемая в отношении конкретного физического лица, признанного судом виновным, и в существенном отношении являющаяся не чем иным, как формой мести государства за причиненный преступником вред. В контексте заявленной тематики важно то, что выступающие от имени государства должностные лица, наделенные властными полномочиями в сфере «наказательного права», начинают ассоциировать себя с мстителями, что придает уголовному и уголовно-исполнительному процессу ярко выраженный обвинительный характер.

Динамичная составляющая функциональности уголовного наказания задается целями государственного строительства, зависящими от особенностей политико-правового развития на определенном историческом этапе. Так, для Российской империи было характерно использование уголовно-исполнительной системы в качестве инструмента освоения и аккультурации новых земель, расположенных в зоне Сибири и Дальнего Востока. В СССР система ГУЛАГа играла важную роль в плановой экономике и была задействована во всех сколько-нибудь важных проектах по формированию материально-производственной базы

социалистического государства. В современной России, объявившей приверженность к общечеловеческим ценностям и прежде всего к приоритету прав и свобод человека и гражданина, происходит непростой процесс трансформации уголовно-исполнительной системы из карательной, ориентированной на месть, в пенитенциарную, имеющую основной целью покаяние субъекта в содеянном и его подготовку к возвращению в нормальное общество, к нормальным человеческим отношениям.

Непосредственными участниками пенитенциарных отношений независимо от их функциональной ориентированности являются представители двух локальных групп: администрации учреждений, обеспечивающих исполнение наказаний, и осужденных.

Говоря о психологии восприятия названными субъектами друг друга, следует прежде всего отметить наличие между ними взаимного недоверия и культурно-нравственного неприятия. Объективно в абсолютном большинстве все они являются гражданами одной страны и носителями одной национальной культуры. Вместе с тем на психологическом уровне имеет место взаимное отторжение. Основным отличительным фактором, отграничивающим одних от других, выступает способ попадания в пенитенциарную среду. Сотрудники сделали свой выбор добровольно и сознательно, осужденные приобрели специфический социально-правовой статус по решению суда и ни о какой добровольности здесь речь, конечно, не идет.

Вывод: в условиях пенитенциарной среды, характеризующейся повышенной степенью агрессии, в рамках разнонаправленных пенитенциарных отноше-

ний принудительным образом соединяются две социальные группы: сотрудники и осужденные, на психологическом уровне относящиеся друг к другу враждебно, что при определенных условиях влечет перерастание объективных и субъективных противоречий в конфликты, в том числе связанные с массовыми беспорядками.

Место и роль практических психологов УИС в пенитенциарной коммуникации

Пенитенциарная коммуникация — манипулятивный процесс перевода информации о целях уголовного наказания в предполагаемое поведение субъектов, являющихся адресатами коммуникативного воздействия.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве основополагающей цели проводимой реформы, а значит, и наказания в целом определяет сокращение пенитенциарного рецидива, под которым в контексте рассматриваемой темы следует понимать любой случай совершения повторного преступления ранее осужденным субъектом независимо от того, совершено преступление в течение срока отбывания наказания либо после его окончания. При этом в качестве основного средства достижения поставленной цели закрепляется «повышение эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, развитие системы постпенитенциарной помощи таким лицам» [1].

В настоящее время деятельность пенитенциарных психологов регламентируется Инструкцией по организации деятельности психологической службы

УИС (утверждена приказом министра юстиции России от 12 декабря 2005 г. № 238).

В Инструкции отмечается, что «психологическая служба УИС — это централизованно управляемая организационная система, состоящая из структурных подразделений и должностей специалистов (психологов), осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов, учреждений, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, а также специальных подразделений по конвоированию, отделов специального назначения территориальных органов УИС и образовательных учреждений, подведомственных ФСИН России. Деятельность психологической службы направлена на организацию и осуществление психологического сопровождения лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных к лишению свободы, наказанию, не связанному с изоляцией от общества, а также психологического обеспечения деятельности персонала УИС. Психологическая служба осуществляет свою деятельность на принципах гуманизма, приоритета общечеловеческих ценностей, профессиональной компетентности».

Процитированные положения являются отправными для следующих дискуссионных тезисов:

– позиционирование пенитенциарного психолога как сотрудника УИС (независимо от того, одет он в форму установленного образца или гражданскую одежду) предполагает наличие из-

начального противопоставления между администрацией учреждения и осужденными и связанного с этим противопоставлением недоверия к пенитенциарному психологу как к представителю воспринимаемой в качестве враждебной социальной группы;

– инструкция не дифференцирует специфику психологического сопровождения осужденных и сотрудников, что предполагает осуществление одним специалистом двух принципиально разных по функциональной направленности видов деятельности;

– практически ничего не говорится о роли психолога в установлении партнерских доверительных отношений между осужденными и администрацией и о его участии в организации переговорных процессов как в стабильных, так и в экстремальных (конфликтных) ситуациях;

– в число принципов деятельности не включен принцип паритета прав и законных интересов субъектов пенитенциарных отношений.

Осуществляемая во ФСИН России реформа направлена прежде всего на качественное переосмысление базовых положений, находящихся в основе организации и функционирования уголовно-исполнительной системы. К числу первоочередных задач, без решения которых реформационные преобразования утрачивают практический смысл, относится задача изменения психологии взаимного восприятия субъектами пенитенциарных отношений друг друга. На смену психологическим конструкциям «свой — чужой»; «хороший — плохой»; «друг — враг», ориентированным на неприятие, отторжение и уничтожение прав и интересов контрсубъек-

тов, постепенно должен прийти стереотип «человек — человек». При этом следует иметь в виду, что всем людям свойственно совершать по-разному оцениваемые в различных ситуациях поступки, то есть воспринимаемый лично мной в качестве плохого человек может совершать в отношении меня или других хорошие поступки, а человек, которого я считаю хорошим, может, напротив, совершать плохие поступки.

В таком понимании задачи психолога в условиях пенитенциарной среды должны варьироваться в зависимости от планируемых целей в отношении соответствующих групп субъектов. Целью психологического воздействия на осужденных является минимизация пенитенциарного рецидива. В свою очередь, воздействие на сотрудников направлено на

позитивацию отношения к жизни и службе, предотвращение профессиональной деформации и профессионального выгорания. На наш взгляд, психологическим обеспечением деятельности сотрудников и осужденных с точки зрения усиления эффективности и результативности должны заниматься самостоятельные специалисты, использующие в деятельности различные, как по целевой направленности, так и по используемым средствам и методикам, инструментарий.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
2. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004.

КОМАНДА КАК ОРГАНИЗАЦИЯ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

В. Б. Рябов

Аннотация: рассмотрены два основных субъективных взгляда на понятие команды. Эмпирически подтверждена гипотеза о том, что команда, независимо от субъективного ее определения, представляет собой организацию с высоким качеством трудовой жизни.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, удовлетворенность работой, команда, детерминационный анализ.

Summary: two basic concept of the subjective view of the team are considered. It was empirically confirmed the hypothesis that team in both cases is an or-

ganization with a high quality of working life.

Keywords: quality of working life, job satisfaction, determinational analysis.

Вопросам качества в разных областях практической деятельности в последние десятилетия уделяется много внимания, в том числе программам и методам повышения качества трудовой жизни (КТЖ). Это направление научно-прикладной деятельности относится к сфере интересов исследователей и прикладных специалистов, работающих в области совершенствования

управления человеческими ресурсами. Разработкой проблемы качества трудовой жизни в настоящее время активно занимаются во многих промышленных странах Запада.

По результатам зарубежных исследований интерес к проблематике качества трудовой жизни обусловлен тем, что организации с высоким уровнем КТЖ отличаются рядом конкурентных преимуществ (далее мы приведем небольшой обзор этих преимуществ, доказанных зарубежными учеными). В связи с этим повышение КТЖ в организации представляет собой практически значимую задачу. Мы предполагаем, что возможным способом создания организационной системы с высоким уровнем КТЖ является формирование команды. Для доказательства этой гипотезы мы рассмотрим, с одной стороны, критерии оценки КТЖ человеком, а с другой — основные признаки принадлежности человека к команде. Затем по результатам эмпирического исследования покажем, что принадлежность человека к команде определяет высокий уровень субъективного качества трудовой жизни.

Заметим, что в статье мы рассматриваем субъективный аспект качества трудовой жизни и субъективный аспект командной организации труда. Иными словами, предметом нашего изучения выступает оценка человеком своего качества трудовой жизни, степени принадлежности к трудовому коллективу, в котором он работает, к команде, а также связи между оценками.

Предварительно укажем, что положительные результаты применения программ КТЖ были подтверждены множеством зарубежных исследований. В первую очередь это касается сокраще-

ния числа прогулов, снижения текучести рабочей силы и получения большего удовлетворения от работы [9, 11, 13].

Повышение уровня КТЖ положительно влияет и обеспечивает большую гибкость, лояльность и мотивированную активность рабочей силы. Повышение уровня КТЖ — необходимая предпосылка роста конкурентоспособности компании [7, 8, 14].

Другие исследователи также отмечают повышение установленных организацией критериев качества работы за счет внедрения методов управления человеческими ресурсами на основе концепции КТЖ [10, 12].

Статистический анализ показал тесную корреляционную зависимость между уровнем КТЖ и такими характеристиками состояния бизнеса, как устойчивость положения организации на рынке, качество обслуживания клиентов, уровень организации обслуживания, знания работника, гибкость и технологическое лидерство [15].

Рассмотрим подробнее понятие КТЖ и критерии его оценки. Исследователи дают разные определения понятия качества трудовой жизни. Ф. Лютенс [3] проводит обзор этих определений. Так, Дж.Р. Хекман и Дж.Л. Саттл определяют качество трудовой жизни как ту степень, до которой члены производственной организации могут удовлетворить свои важные личные потребности через посредство их работы в этой организации. Ф. Лютенс указывает также, что КТЖ может быть определено как совокупность возможностей работников для удовлетворения своих активных личных нужд через трудовую деятельность при одновременном повышении эффективности деятельности организации.

Следует заметить, что большинство исследователей КТЖ используют первое определение. Вторая формулировка КТЖ принципиально отличается от первой, поскольку в ней фигурирует два вида субъектов восприятия КТЖ, а именно работники с одной стороны и организация с другой. На основании этого, если в первом случае ставится задача максимизации удовлетворения потребностей работников, то во втором случае — согласования интересов работников и организации. В своих исследованиях мы основывались на второй из указанных формулировок качества трудовой жизни.

Таким образом, под качеством трудовой жизни *в узком смысле* мы будем понимать способность организации удовлетворять потребности работников через посредство их работы в организации, а *в широком смысле* — способность организации в максимальной степени обеспечивать согласование интересов работников и интересов организации. При этом несколько видоизменяя определение, данное Ф. Лютенсом, можно определить качество трудовой жизни как взаимно согласованные возможности, предоставляемые организацией для наилучшего удовлетворения личных нужд работников через трудовую деятельность, и возможности использования потенциала работников для решения организационных задач.

Интегральные критерии субъективного оценивания КТЖ со стороны работников мы сформулировали на основе анализа концепций, теоретических разработок и результатов исследований в области как субъективного восприятия качества жизни, так и качества трудовой жизни.

Понятие качества трудовой жизни является родственным понятию качества жизни, поэтому при разработке модели КТЖ мы использовали некоторые элементы концепции субъективного качества жизни. Одна из первых разработок структуры субъективного качества жизни была сделана сотрудниками Института социологии РАН Е.В. Давыдовой и А.А. Давыдовым [1]. В качестве основных критериев оценки субъективного качества жизни ими предложены «счастье» (аффективный компонент качества жизни) и «удовлетворенность жизнью» (когнитивный компонент).

Применительно к проблеме исследования восприятия качества трудовой жизни человеком критерий удовлетворенности может быть интерпретирован как удовлетворенность трудовой жизнью (более частное понятие — удовлетворенность работой).

Что касается ощущения состояния счастья на работе, то это достаточно редкий случай. На наш взгляд, критерием, соответствующим критерию ощущения состояния счастья в жизни, в случае с трудовой жизнью человека будет уровень положительных эмоций и чувств, связанных у него с работой. Этот критерий так же, как и счастье, в противоположность рациональному критерию удовлетворенности относится к чувственно-эмоциональной сфере. В предельном случае уровень положительных эмоций и чувств, связанных с работой, можно интерпретировать как счастье в трудовой деятельности.

По нашему мнению, весьма показательным и в не меньшей степени влияющим на субъективное восприятие качества трудовой жизни является критерий «уровень ощущения негативных эмоций

и чувств, связанных с работой». Более того, мы считаем, что аналогичным образом в исследованиях по проблеме качества жизни целесообразно использовать критерий, противоположный по знаку критерию ощущения счастья.

Таким образом, в качестве интегральных критериев оценивания КТЖ со стороны работников предлагается использовать следующие критерии [4, 5]:

- общая удовлетворенность работой;
- общая неудовлетворенность работой и неудовлетворенность отдельными ее условиями;
- уровень положительных чувств и эмоций, связанных с работой;
- уровень отрицательных чувств и эмоций, связанных с работой.

Теперь рассмотрим основные особенности субъективной оценки организационного коллектива как команды. Сегодня многие организации пытаются применить командный подход к управлению, организуя в соответствующие группы своих наиболее продвинутых сотрудников. Существуют тренинги формирования команды и группового принятия решений, но все равно далеко не все созданные команды достигают успеха в выполнении своей задачи.

Обычно в понятие «команда» вкладывается следующий смысл. Команда — это группа людей, обычно небольшая, порядка 10–12 человек, эффективно взаимодействующая между собой в направлении достижения организационных целей. Основным условием существования команды считается то, что каждый ее участник направляет свою активность на эффективную работу организационной системы, в которой он участвует. Как правило, считается, что

если коллектив называется «команда», то все его члены максимально мотивированы на организационные цели и ценности, и, как правило, получают максимальное удовлетворение от работы в команде. При этом имеется в виду аналогия со спортивной командой со всеми вытекающими из этого аналогиями.

В ряде исследований показано, что существует определенное различие в понятии команды в России и на Западе. В России под командой часто понимается сплоченный коллектив, участники которого находятся в дружеских отношениях, доверяют друг другу. Для выделения наиболее важных признаков коллектива как команды часто используются прилагательные «дружная и сплоченная» команда. Основными критериями команды в этом случае считаются дружелюбность отношений, сплоченность и взаимопонимание. В западной традиции во главу угла обычно ставится организационная эффективность. Коллектив работает как команда, если он показывает высокую эффективность. Основным критерием команды при этом считается эффективное взаимодействие участников команды в направлении достижения организационных целей. Нам наиболее близок второй подход к понятию команды.

Другой аспект деятельности организационного коллектива как команды — это условия, при которых достигается эффективное взаимодействие участников. Анализ условий эффективного взаимодействия, структура которого будет рассмотрена далее, показывает, что традиционная схема диагностики и анализа командной деятельности как организационной деятельности, характеризуемой набором вполне определенных характе-

ристик, является ограниченной. Одно из условий, определяющих разные требования к формированию и существованию команд, — корпоративная культура. Если считать, что основным критерием команды выступает эффективное взаимодействие ее участников, то условия этого эффективного взаимодействия будут различными в разных культурах.

В литературе по организационной психологии преобладает подход к анализу команды как организационной системы с определенным набором признаков [2]. Вместе с тем наш эмпирический опыт диагностики организационных отношений показал, что в разных организациях и разных организационных культурах существуют различные подходы к этому вопросу. Так, например, опрос менеджеров разного ранга и сотрудников разных организаций показал, что в организациях с менеджментом западного типа командой называют эффективную организационную структуру, а в организациях, где сильны традиции советского периода, понятие «команда» связывают с понятием «коллектив». При этом в качестве основных признаков команды называются следующие: 1) мы вместе работаем; 2) у нас хорошие отношения; 3) мы доверяем друг другу. Иными словами, имеют место принципиальные различия между пониманием сущности команды в западной и российской обыденных культурах. В то же время и в западной парадигме мы наблюдали значительные различия в том, является ли данная группа работников командой или нет. Таким образом, мы предполагаем, что понятие команды, требования к ней и процесс ее формирования определяются типом организационной культуры, в которой команда создается. С нашей

точки зрения, в каждой корпоративной культуре команде свойственны специфические особенности. Определим эти свойства и особенности для каждого типа культуры, а также покажем, что работникам, воспринимающим свой организационный коллектив как команду, в целом свойственен высокий уровень субъективного восприятия КТЖ.

В контексте разрабатываемой проблемы мы предлагаем называть командой организационную структуру, ориентированную на высокую организационную эффективность, характеризующуюся высоким уровнем КТЖ.

Следующим этапом нашего анализа является эмпирическая проверка гипотезы о том, что если человек считает, что он работает в команде, то он высоко оценивает КТЖ.

Исходя из этого субъективное ощущение чувства «команды» могут быть двух типов. В первом случае люди считают себя членами команды, если между ними существуют хорошие, дружеские межличностные отношения, во втором — работники причисляют себя к коллективу, называемому командой, если они четко и эффективно взаимодействуют между собой в процессе делового общения.

По нашему мнению, команда — это организационная структура, для которой характерен высокий уровень КТЖ. Если это так, то должна быть справедлива гипотеза о том, что люди, ощущающие себя членами команды, субъективно должны ощущать КТЖ как высокое. Для проверки данной гипотезы с учетом возможного понимания чувства командной принадлежности у разных людей мы выделили две группы работников исследуемой организации.

Для проверки этой гипотезы мы провели эмпирическое исследование в коммерческой фирме, осуществляющей консультационные юридические и аудиторские услуги. Сбор информации проводился методом анкетирования. Всего было опрошено 177 сотрудников фирмы. В опросе принимали участие сотрудники фирмы от рядовых должностей до уровня топ-менеджеров обоего пола. Возраст опрошенных изменялся в пределах от 18 до 61 года.

Прежде всего мы предположили, что с повышением уровня ответственности понимание команды должно переходить с уровня хороших межличностных отношений на уровень эффективного взаимодействия между сотрудниками. Иными словами, для руководителей организации и топ-менеджеров в большей степени свойственно понимание команды как коллектива людей, эффективно взаимодействующих между собой в направлении достижения организационных целей, а для рядовых работников — как коллектива людей, между которыми установились теплые межличностные отношения.

Таким образом, среди опрошенных мы выделили две группы людей, для которых проверили гипотезы о связи уровня командности и уровня КТЖ. В первую группу вошли рядовые лица с высоким уровнем оценки существующих межличностных отношений между работниками, а во вторую — руководители организации с высоким уровнем оценки эффективности делового взаимодействия между работниками. В соответствии с нашими предположениями для той и другой группы должен быть характерен высокий уровень субъективной оценки уровня КТЖ.

Полученные эмпирические данные были обработаны методом детерминационного анализа [6]. Он основан на определении силы однонаправленных связей между анализируемыми величинами. Такими величинами могут быть, например, высокий уровень оценки КТЖ (событие А) и высокий уровень оценки принадлежности рабочего коллектива к команде (событие В). Мера, характеризующая силу связи наступления события А при условии наступления события В, представляет собой соответствующую характеристику условной вероятности. Полученные зависимости очень удобны при формировании продукционных правил вида «Если А, то В с коэффициентом детерминации С», широко используемых при построении экспертных систем. Коэффициент детерминации изменяется в пределах от 0 (отсутствие связи) до 1 (событие В всегда наступает, если произошло событие А).

Результаты анализа эмпирических данных показали следующее. В группе менеджеров и руководителей была выделена подгруппа людей (18 чел.), для которых важна эффективность взаимодействия с коллегами (оценка важности этого показателя по 5-балльной шкале 4 или 5) и которые высоко оценили реальную эффективность взаимодействия с ними в организации (оценка реальной эффективности взаимодействия с коллегами по 5-балльной шкале 4 или 5). Для этой подвыборки были подсчитаны коэффициенты детерминации между оценками признаков командности для этих людей и значениями оценки уровня качества трудовой жизни. Такой анализ показал, что высокий уровень эффективности делового взаимодействия в организации определяет высокую оцен-

ку удовлетворенности организацией с коэффициентом детерминации 0,72 и высокую оценку уровня положительных эмоций, связанных с работой, с коэффициентом детерминации 0,57. Это означает, что большинство менеджеров и руководителей, высоко оценивающих эффективность взаимодействия работников, то есть считающих, что они работают в команде, также высоко оценивают и качество трудовой жизни в организации.

Аналогичный анализ был проведен для группы рядовых работников. В этой категории обследованных людей была выделена группа (37 чел.), высоко оценившая важность дружеских отношений в коллективе. Как уже указывалось, для данной категории работников основной признак работы в команде заключается в хороших межличностных отношениях. В этой группе были подсчитаны коэффициенты детерминации между ведущим признаком принадлежности рабочего коллектива к команде (хорошие дружеские межличностные отношения) и критериями субъективного качества трудовой жизни. Анализ показал, что высокая оценка реальных отношений в коллективе как дружеских (оценки этих отношений, равные 4 и 5 по 5-балльной шкале) определяет высокий уровень общей удовлетворенности работой в организации с коэффициентом детерминации 0,67 и высокий уровень положительных эмоций, связанных с работой, с коэффициентом детерминации 0,62. Следовательно, среди этой категории работников большинство людей, считающих, что они работают в команде, высоко оценивают качество трудовой жизни в организации.

Итак, наша гипотеза о том, что люди, считающие, что они работают в коман-

де, независимо от того, по каким основным признакам оценивают это понятие, как правило, высоко оценивают качество своей трудовой деятельности, нашла эмпирическое подтверждение.

Литература

1. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. — М.: Ин-т социологии РАН, 1993.
2. Корниенко В.И. Команда: формирование, управление, эффективность. — Пермь: Зап.-Урал. ин-т экономики и права, 1999. — 272 с.
3. Лютенс Ф. Организационное поведение: пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 1999.
4. Рябов В.Б. Качество трудовой жизни в структуре качества жизни: материалы итог. науч. конф. Ин-та психологии РАН (1–2 февр. 2006 г.) / отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. — М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Рябов В.Б. Подход к нормативной модели субъективного восприятия качества трудовой жизни // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н.Савченко и Г.М. Головиной. — М.: Ин-т психологии РАН, 2007. — Вып. 4. — С. 128–141.
6. Чесноков С.В. Основы гуманитарных измерений. Препринт. — М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т систем. исслед., 1986. — 66 с.
7. Allan P., Loseby P.H. No-layoff policies and corporate financial performance // S.A.M. Advanced Management Journal. — 1993. — № 1. — Vol. 58. — P. 44–82.
8. Bassi L.J., Vanburen M.E. Sustaining high-performance in bad times // Training and Development. — 1997. — № 6. — Vol. 51. — P. 65–78.
9. Cohen S.G., Chang L., Ledford G.E. A hierarchical construct of self-management leadership and its relationship to quality of work life and perceived work group effectiveness // Personnel Psychology. — 1997. — № 2. — Vol. 50. — P. 275–308.
10. Delaney J.T., Huselid M.A. The impact of human resource management practices on perceptions of organizational performance // Academy of Management Journal. — 1996. — № 4. — Vol. 39. — P. 949–969.
11. Havlovic S.J. Quality of work life and human resource outcomes // Industrial Relations. — 1991. — № 3. — Vol. 30. — P. 469–479.
12. Huselid M.A. The impact of human resource management practices on turnover, productivity, and corporate financial performance // Academy of Management Journal. — 1995. — № 3. — Vol. 38. — P. 635–672.

13. King A.S., Ehrhard B.J. Diagnosing organizational commitment: an employee cohesion exercise // International Journal of Management. — 1997. — № 3. — Vol. 14. — P. 317–325.

14. Meyer D.G., Cooke W.N. US labor relations in transition: emerging strategies and company perfor-

mance // British Journal of Industrial Relations. — 1993. — № 4. — Vol. 31. — P. 531–552.

15. Roth A.V. Performance dimensions in services: an empirical investigation of strategic performance // Services Marketing and Management. — 1993. — Vol. 2. — P. 1–47.

К ВОПРОСУ О ШЕФСКОЙ РАБОТЕ КАК ФОРМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. В. Вилкова

Аннотация: организация воспитания духовно-нравственных ценностей предполагает всю систему работы шефа с осужденным, так как поведение — внешняя форма проявления внутренних качеств; духовно-нравственной воспитанности личности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, духовно-нравственные ценности, несовершеннолетние осужденные, шефская работа.

Summary: organization of education of spiritual and moral values assumes the entire system of the work of the chief of the convicts, since the behavior is the external form of manifestation of the inner qualities; spiritually-moral education of personality.

Keywords: criminal-executive system, spiritually-moral values, minorprisoners, chefwork.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (УИС) решение педагогической задачи формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных без привлечения широкого круга общественности весьма проблематично.

Анализ нормативных документов и научных источников показывает, что проблема общественного воздействия как средства исправления осужденных имеет немаловажное значение. Это связано с тем, что общественное воздействие как средство исправления, наряду с установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом), воспитательной работой, общественно полезным трудом, общеобразовательным обучением и профессиональной подготовкой, стало рассматриваться только с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в 1996 г. (п. 2 ст. 9).

В научной литературе (В.Е. Матвеевко, В.М. Литвишков, Е.М. Данилин) общественное воздействие рассматривается как педагогический процесс добровольного, безвозмездного влияния благотворительных, общественных и религиозных организаций (объединений) на духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии [1].

Основная функция шефства — воспитательная, поэтому при анализе мы ис-

ходили из понимания его как процесса формирования у осужденных духовно-нравственных ценностей. С позиций системно-структурного подхода к такому процессу считаем возможным схематически представить его как педагогическую систему «шеф-осужденный», составными частями которой является подсистема «шеф» и подсистема «осужденный», и подвергнуть ее теоретическому анализу. Данную микросистему «шеф-осужденный» мы можем рассматривать как управляющую (поскольку шефство как деятельность есть управление), ведущая управляющая функция в которой принадлежит шефу».

Микросистема «шеф-осужденный» характеризуется целостностью (основана на совместной деятельности обеих подсистем); организованностью (как внутри системы, так и вне ее); относительной самостоятельностью, способностью к саморегуляции (воздействия шефа зависят от деятельности и духовно-нравственного поведения осужденного, на которые, в свою очередь, влияет руководящая деятельность шефа); взаимодействием со средой.

Структура микросистемы обусловлена теми отношениями, взаимосвязями и взаимовлияниями, которые возникают в процессе взаимодействия и взаимоотношений между подсистемами «шеф» и «осужденный» и составляют основу ее внутреннего функционирования. Шеф целенаправленно воздействует на осужденного, проектируя его развитие, организует его деятельность, влияет на характер основных структурных ценностей духовно-нравственного воспитания осужденных. Воздействие управляющей подсистемы основывается на информации о состоянии управляемо-

го объекта, выраженной в соответствующей структуре духовно-нравственных ценностей, а также в разнице между проектируемыми и действительными характеристиками подшефного. На основании нашего исследования и выявленного рассогласования вносятся соответствующие коррективы в воспитательные воздействия на осужденного. Шеф выступает как субъект деятельности. Вне его деятельности невозможно педагогическое влияние на формирование духовно-нравственных ценностей подростка в рассматриваемой системе. Объектом его деятельности являются духовно-нравственные ценности воспитанника. Особенности участия общественных организаций, шефствующих над воспитательной колонией, заключаются в том, что, во-первых, процесс формирования духовно-нравственных ценностей происходит в закрытом учреждении среди лиц, лишенных свободы; во-вторых, он детально регламентирован нормами уголовно-исполнительного права; в-третьих, духовно-нравственные ценности личности осужденных деформированы и имеют асоциальную направленность; в-четвертых, воспитательное влияние шефов является глубоко индивидуализированным, связано с условиями, в которых функционирует исправительная система. От деятельности шефа во многом зависят деятельность осужденного, процесс и результаты формирования духовно-нравственных ценностей. Субъектом деятельности в то же время является и осужденный — вне его активности и его деятельности нет духовно-нравственного развития личности: от желания, стремлений, усилий, активности, результатов деятельности подростка в значительной мере зави-

сит характер и результат деятельности шефа. Таким образом, успех шефства зависит от активности в деятельности обеих подсистем.

Центральным звеном шефства как процесса формирования духовно-нравственных ценностей выступает взаимодействие шефа и подростка, развивающееся в определенной системе их взаимоотношений. Шеф воздействует не только на деятельность подростка (управление), но и на его личность (влияние). Управление и влияние рассматриваются как основные параметры взаимодействия в рамках данной системы. Для управления деятельностью, поведением осужденного и соответствующими организациями своей деятельности шефу необходимо отчетливое представление о духовно-нравственных ценностях и их зависимостях (структурной, функциональной), выяснение содержательной их стороны в процессе совместной деятельности.

Мы также выделяем следующие структурные компоненты деятельности по формированию духовно-нравственных ценностей: мотивы, цели, средства, способы, результаты. Для согласованного функционирования системы они должны обладать известной общностью у шефа и подростка. Для успешной деятельности обоих требуется побуждение (желание, стремление), которое зависит от соответствующей мотивации деятельности и основывается на восприятии воздействующих факторов, внутреннем принятии их как соответствующих потребностям, желаниям, опыту, отношениям и оценке значимости. Шефу при этом должны быть понятны мотивы, потребности, социальные ожидания осужденного, побуждающие его

к деятельности. Если мотивы подростка противоречат духовно-нравственным ценностям, шеф приближает их к ним, используя убеждение, внушение, пример и т. п.

Как показывает практика, в частности опыт ФГУ Азовской ВК ГУФСИН России по Ростовской области и ФГУ Рязанской ВК ГУФСИН России по Рязанской области, успешной является лишь целенаправленная деятельность. Роль шефа в организации совместной деятельности по формированию духовно-нравственных ценностей заключается в умении ставить обоснованные цели, задачи деятельности, доводить их до осужденного, побуждать его усилия на достижение цели, создавать его готовность к исполнению, которая основывается на знании средств, способов деятельности; последовательности ее выполнения и предполагаемых результатов (постановка целей, планирование). Шеф в своей деятельности вооружает для этого осужденного соответствующими средствами, способами деятельности в применении к объекту его деятельности, организуя таким образом исполнение осужденными планируемой деятельности. Контроль позволяет предупредить ошибки, своевременно их исправить. Адекватная оценка результатов стимулирует активность субъекта деятельности и вызывает правильное отношение к результату.

Знание основных звеньев деятельности духовно-нравственных ценностей личности осужденного и их значимости позволяет шефу строить свою деятельность, направляя ее на их организацию в деятельности осужденного, то есть позволяет управлять организацией внутренних побуждений осужденно-

го, формировать его внутреннюю активность, самостоятельность в процессе формирования духовно-нравственных ценностей.

Как управляющая система «шеф» строит свою деятельность в соответствии с учетом мотивов, целей, средств, результатов деятельности подростка.

Шефу из числа общественности важно начинать работу с осужденным с налаживания взаимоотношений с ним; выявления положительных черт и качеств его личности, тех благоприятных условий и предпосылок, которые могут способствовать их развитию; привлечения внимания к этим положительным возможностям как самого подростка, так и его окружения; постановки перед осужденным реальных перспектив его духовно-нравственного роста, пробуждения желания стать лучше.

Для этого шеф стремится приблизить к своим духовно-нравственным ценностям, такие как: осознание вины, раскаяние в совершении преступления, нравственная ответственность. В данном случае большое значение имеет постоянный контроль за ходом и результатом деятельности подростка, внесение корректив в деятельность, обучение его навыкам и приемам самоконтроля, самооценки. Причем повышение самостоятельной активности осужденного необходимо не только в процессе деятельности, но и при правильной оценке ее результатов. Важно, чтобы осужденный в силу авторитета личного влияния шефа строго следовал его советам, дорожил доверием, стремился его оправдать. Положительные взаимоотношения шефа с подростком могут сыграть сдерживающую роль в случаях срывов осужденного по тем или иным причинам. Чуткость,

уважение шефа помогут подростку устоять в критическую минуту.

В воспитательном влиянии на духовно-нравственные ценности осужденных большую положительную роль играют эмоции, сильные впечатления, переживания наказания, без них осужденному трудно отойти от привычного образа жизни, побороть лень, упрямство, без них не может быть перестройки мотивов его поведения. Положительное отношение к шефу, благодарность за его внимательное участие, помощь способствуют пробуждению ответного чувства у подростка, комплекса его лучших чувств. При этом центральным звеном в системе «шеф-осужденный» является взаимодействие шефа и осужденного. Следовательно, успех функционирования системы духовно-нравственного воспитания осужденного зависит от эффективного взаимодействия обеих подсистем; ведущая роль в системе принадлежит шефу, его личности, его деятельности, умению включить в совместную деятельность подростка, организовать его духовно-нравственное самовоспитание.

Микросистема «шеф-осужденный» не является закрытой, так как происходит ее постоянное взаимодействие с окружающей средой. Как звено в системе формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных она зависит от управляющих воздействий со стороны государства, общественных организаций коллектива сотрудников колонии, самодеятельных организаций осужденных. На результат шефской деятельности существенное влияние оказывает постановка воспитания в колонии, а также неорганизованное влияние в сфере свободного общения осужденного.

Из этого для шефа вытекает необходимость руководствоваться принудительными положениями по организации воспитательной деятельности (что характерно только для ВК) и координировать свои воспитательные усилия с педагогическим воздействием других сотрудников учебно-воспитательного процесса, вырабатывать у осужденного правильное отношение к соответствующим требованиям с их стороны; учитывать, отбирать, корректировать влияния на осужденного — усиливать положительное действие организованных и стихийных влияний, сдерживать, ослаблять, нейтрализовывать отрицательное действие стихийных неорганизованных влияний, воспитывать у подростка духовно-нравственную устойчивость к отрицательным влияниям.

В случае рассогласования внутри микросистемы «шеф-осужденный» может возникнуть потребность во вмешательстве извне, в компенсации воспитательных влияний на осужденного со стороны другого взрослого, следствием чего может быть как нормализация взаимодействия и взаимоотношений в данной микросистеме, так и включение осужденного в систему взаимодействия и взаимоотношений с другим шефом.

Успешное функционирование воспитательной системы «шеф-подросток» как открытой, подверженной не только внутренним, но и внешним влияниям, зависит от управляющих воздействий со стороны организаторов и руководителей шефства.

Таким образом, организация воспитания духовно-нравственных ценностей осужденного предполагает всю систему работы шефа с ним, так как поведение — внешняя форма проявления внутренних качеств, духовно-нравственной воспитанности личности. Основными моментами при этом являются:

Формирование положительной мотивации духовно-нравственного поведения, побуждение к достойным поступкам через разъяснение, убеждение, приобщение к полезной деятельности, положительный пример.

Создание внутренней готовности подростка к духовно-нравственному поведению на основе обучения его навыкам, приемам поведения, способам выражения своего отношения к окружающим, умению владеть собой в различных ситуациях.

Организация исполнения через включение в дела и заботы коллектива, создание педагогических ситуаций, организацию общения в процессе формирования духовно-нравственных ценностей.

Контроль и оценка духовно-нравственного поведения осужденного шефом и окружающими, организация самоконтроля за своим поведением, анализ поведения других осужденных, коррекция поведения, стимулирование духовно-нравственных поступков.

Литература

1. Матвеевко В.Е. Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система. 2006. № 2. С. 32.

НАРКОТИКИ В МОЛОДЕЖНОМ ДИСКУРСЕ: ПОДХОД ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ¹

И. Б. Бовина, М. Г. Дебольский, Н. В. Дворянчиков, И. Н. Коноплева, А. В. Ильин

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Наркомания и суицид в молодежной среде: междисциплинарное исследование» (№ 12-06-00719а)

Аннотация: в настоящей статье излагаются результаты первых двух этапов исследования социальных представлений о наркотиках, выполненного в рамках динамического подхода теории социальных представлений.

Полученные результаты позволяют выявить «карту» общих точек зрения, на которые представители различных групп молодежи опираются в дискурсе о наркотиках, а также о тех социальных позициях, которые занимают в нем представители разных групп, имеющие различный опыт знакомства с наркотиками.

Ключевые слова: наркотики, молодежь, социальные представления, динамический подход.

Summary: in the present article results of the first two investigation phases of social ideas of the drugs, executed with in dynamic approach of the theory of social representations are stated.

The received results allow to reveal «card» of the general points of view on which representatives of various groups of youth rely in a discourse about drugs, and also about those social positions which are taken in it by representatives of the differ-

ent groups having various experience of acquaintance to drugs.

Keywords: drugs, youth, social representations, dynamic approach.

Выражение основополагающих идей в отношении жизни неизбежно связывается со здоровьем и болезнью. Здоровье в современном мире, несомненно, является социальной ценностью. С нашей точки зрения, говоря о здоровье как ценности, можно различать два аспекта. С одной стороны, здоровье — это абсолютная ценность, ибо само по себе хорошо быть здоровым. Здоровье, безусловно, занимает самую высокую позицию в иерархии ценностей человека. Причем по мере развития общества возрастает осознание ценности здоровья. Однако хорошее здоровье и продолжительная жизнь не являются единственными ориентирами в жизни человека, исключительными регуляторами его поведения [2]. Можно говорить о том, что нередко индивид сталкивается с ситуациями, в которых он готов игнорировать угрозу и риск в отношении здоровья и жизни ради достижения какой-либо дру-

¹ Авторы выражают благодарность и признательность за помощь в сборе данных сотрудникам Фонда А. Рылькова, Санникову Александру Николаевичу, Григорьевой Татьяне Анатольевне (наркологический диспансер, г. Москва), Губо Сергею Юрьевичу (наркологический диспансер, г. Раменское), Киселевой Елене Александровне, Калягину Юрию Сергеевичу, а также сотрудникам психологической службы УФСИН России по Владимирской области.

гой более важной цели. Складывается парадоксальная ситуация: здоровье является ценностью для индивида, но его действия рассогласуются с ней. Для преодоления противоречия индивид вырабатывает некоторое объяснение своему поведению, не прибегая при этом к законам формальной логики.

С другой стороны, здоровье обладает инструментальной ценностью. Тогда акцент делается на тех возможностях, которые дает человеку хорошее здоровье: возможность быть включенным в общество, получать одобрение общества и быть его полноценным членом, возможность активно действовать и работать, добиваясь успехов, иметь семью и друзей, иметь время на досуг, словом, иметь полноценную жизнь.

Как ни парадоксально, но болезнь также можно рассматривать как ценность. Здесь нет разделения на абсолютный и инструментальный аспекты, ибо в данном случае мы имеем в виду то, что болезнь оказывается показателем уровня жизни человека, условий его жизни в обществе. Болезнь обнажает характер взаимодействий индивида с обществом и подчеркивает значимость и ценность здоровья человека. По сути, анализ болезни под таким углом зрения открывает возможности для обсуждения ценности индивида для общества. Фокусируя внимание на социальных аспектах здоровья и болезни, крайне любопытными в этой связи кажутся результаты, полученные в рамках макропсихологического анализа современного российского общества. В частности, было показано, что отношение людей к своему здоровью связано с таким параметром, как психологическое состояние общества. Характер этих связей таков: ухудшение

психологического состояния общества сопровождается безответственным отношением к своему здоровью, что было достаточно ярко продемонстрировано в случае употребления алкоголя и наркотиков [6].

Рассматривая нравственное состояние современного российского общества, А.В. Юревич подчеркивает, что «падение нравов играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев...» [8, с. 76]. Отметим, что согласно статистическим данным за 2011 г., структура зарегистрированных больных наркоманией такова: 1) большинство составляют больные с опиоидной зависимостью (85,6 %); 2) больные с зависимостью от каннабиса (6,8 %); 3) больные, употребляющие другие наркотики и сочетания различных наркотиков (6,2 %). Кроме того, есть основания говорить, что в течение последних шести лет отмечается рост показателей общей заболеваемости каннабиноидной наркоманией. Так, в 2005 г. этот показатель составлял 15,4 больных на 100 тыс. населения, а в 2011 г. — 16,1 больных, увеличившись на 4,5 % за 6 лет [7]. При этом стоит помнить, что статистические показатели относительно потребителей инъекционных наркотиков подобны айсбергу, ибо по эпидемиологическим оценкам реальный уровень распространения ПИН может быть в 4–5 раз выше официального. Более того, в отдельных регионах он может достигать 1–3 % общей численности населения [5].

Вопрос, который возникает в связи с этим — а как люди, которые прибегают к таким действиям, как употребление наркотиков и злоупотребление ал-

коголем, объясняют себе свое поведение, как опасность их поведения и вред, наносимый их здоровью, трансформируется в их картине мира, чтобы позволить им сохранять поведение без изменений. С нашей точки зрения, это ключевой вопрос, на который следует ответить, если пытаться формулировать рекомендации для концепции профилактических и превентивных мер. Сужая некоторым образом сформулированный вопрос, отметим, что в настоящей работе мы сфокусируем внимание на той его части, которая касается употребления наркотиков в молодежной среде. Переформулируя задачу, можно сказать, что речь идет об изучении функционирования обыденного мышления, на которое индивиды опираются в повседневной жизни. Среди ряда исследовательских традиций предпочтение в данной работе отдается теории социальных представлений С. Московиси [4; 15]. Итак, в ситуации, когда привычный способ действия в повседневной жизни встречается с некоторыми препятствиями, то есть когда в нее вторгается что-то новое, непонятное, угрожающее, что нарушает этот привычный ритм, то требуется определенная активность индивидов, чтобы пугающее явление или объект сделать понятным посредством вписания его в имеющуюся систему координат. Эта трансформация осуществляется посредством внутригрупповых коммуникаций, она выполняет защитную функцию.

Из подходов к анализу социальных представлений, разрабатываемых в рамках теории социальных представлений, для ответа на наши вопросы наиболее уместными видятся идеи динамического подхода, разрабатываемого В. Дузлом с коллегами. Социальные пред-

ставления здесь можно рассматривать как «организующие принципы символических отношений между индивидом и группой» [13, р. 7]. Одной из ключевых проблем, стоящих перед исследователями в рамках данного подхода, оказывается изучение связей между социальной регуляцией и когнитивным функционированием. По сути, требуется ответить на вопрос о том, «какая когнитивная функция вовлекается какой социальной регуляцией и в каком контексте» [12, р. 158]. Если переформулировать этот вопрос в рамках теории социальных представлений, то требуется изучать отношения между социальной метасистемой и когнитивной системой. В основе функционирования когнитивной системы лежат такие процессы, как категоризация, умозаключение и другие, которые, в свою очередь, контролируются и направляются метасистемой [9], а регулирование осуществляется посредством двух социокогнитивных процессов: *объектификации* и *анкеровки*.

В результате процесса объектификации происходит трансформация абстрактного в конкретное посредством коммуникации. Социальное представление на этом этапе являет собой словарь значений, возникающих в результате превращения абстрактного в конкретное. Причем разделенное знание, в соответствии с динамическим подходом, не означает консенсуса. Для того чтобы участвовать в дебатах, его участники должны опираться на некоторые общие опорные точки, ибо позиция индивида, несмотря на свою оригинальность и индивидуальность, предполагает опору на что-то известное всем, в противном случае — он будет исключен из дискуссии. Позиция, которую занимает

индивид, связана и управляется более общими принципами мышления, и степень структурированности этих принципов определяется тем, насколько он вовлечен в дискуссию с другими.

Социальное позиционирование является результатом «захватывания» разделенного знания в различных группах. Группы отличаются друг от друга не только в силу того, что не имеют доступа к одной и той же информации, но и в силу того, что они разделяют специфические убеждения и опыт.

В. Дуаз предлагает трехэтапную стратегию изучения социальных представлений: 1) изучение организации поля представления; 2) выявление организующих принципов, которые надстраиваются над различиями между индивидами; 3) анализ якорения в соответствующих символических системах значений [16].

На *первом этапе* требуется выявить «карту» общих точек зрения.

На *втором этапе* изучается социальное позиционирование, выявляются те принципы, которые организуют различия в позициях, занимаемых индивидами или группами.

На *третьем этапе* исследуется структура и происхождение этих позиций. Принятие одних позиций сопровождается отвержением других; таким образом, посредством систематического анализа связей между позициями индивидов открывается возможность выявить представления в отношении интересующего объекта (то есть изучить организующие принципы). Идеи этой модели и служили ориентиром в нашем эмпирическом исследовании, *цель* которого заключалась в изучении социальных представлений (говорая словами данного подхода — ор-

ганизирующих принципов) о наркотиках в различных группах молодежи.

По сути, с одной стороны, реализация поставленной цели дает возможность ответить на теоретический вопрос относительно динамики социальных представлений, получаемой путем сравнения структуры организующих принципов в различных группах. С другой стороны, мы имеем эмпирическую основу, столь необходимую для разработки превентивных мер в рамках борьбы с наркоманией в молодежной среде. Социальные представления и исполняют роль тех самых фильтров, через призму которых преломляется информация, касающаяся наркотиков, их опасности для здоровья.

Обратим внимание на тот факт, что согласно модели В. Дуаза достижение этой цели предполагает реализацию трех этапов. В нашей работе мы ставили перед собой цели, соответствующие только первым двум этапам, то есть выявление «карты» общих точек зрения, которые используются молодежью в дискурсе о наркотиках, а также анализ специфики социальных позиций, которые занимают представители различных групп в силу своего опыта и убеждений.

Объектом исследования выступали различные группы молодежи.

Употребление наркотиков — это определенная социальная практика. Есть основания говорить о том, что история существования как наркотиков, так и практики их употребления, столь же продолжительна, что и история человечества, ибо наркотические вещества использовались для совершения ритуалов [3]. Другой вопрос состоит в том, что в современном мире использование этих веществ направляется иными целями,

которые преследуют различные участники, вовлеченные в эту социальную практику. Таким образом, наркотики и практика их употребления — это социально, культурно и исторически локализованное явление [14]. Оно не существует вне социокультурного контекста, в который включены потребители наркотиков, равным образом, как и те, кто их не употребляет [11]. На основе опыта знакомства с наркотиками можно выделять ряд категорий в молодежной среде.

Выборку составили представители ряда групп молодежи. Обратим внимание на тот факт, что это разделение на подгруппы было необходимо только на втором этапе исследования, ибо на первом, согласно стратегии исследования, нам требовалось выявить «карту» общих точек зрения: *группа 1* — группа молодежи, не имеющей опыта употребления наркотиков; *группа 2* — группа молодежи с опытом употребления инъекционных и неинъекционных наркотиков. В исследовании приняли участие 257 человек (мужчины и женщины), в возрасте от 16 до 35 лет (медиана — 24 года). Группу 1 составили 83 человека (62 мужчины и 21 женщина), группу 2 — 51 человек (20 мужчин и 31 женщина); группу 3 — 71 человек (48 мужчин и 23 женщины), наконец, группу 4 — 52 человека (32 мужчины и 20 женщин). Респонденты группы 1 и 2 были опрошены в московских вузах; респонденты группы 3 — на улицах Москвы при содействии сотрудников фонда А. Рылкова, а также в двух наркологических диспансерах Москвы и Московской области, наркологической больнице Москвы; респонденты группы 4 — в колониях. В нашей выборке преобладали осужденные по ст. 228 («Незаконное приобретение,

хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»), ст. 158 («Кража»), ст. 161 («Грабеж») и ст. 162 («Разбой»). Три последних статьи в нашем исследовании соответствовали преступлениям ради денег для приобретения наркотиков.

Предметом исследования явились особенности дискурса о наркотиках в различных группах молодежи.

Наркотики — это полиморфный объект, который объединяет две сферы: *публичную и частную* [11]. В публичной сфере можно рассматривать как минимум три контекста — медицинский, юридический и социальный. Заметим, что Л. Дани и Т. Апостолидис [11] предлагают рассматривать два контекста — медицинский (связанный с общественным здоровьем) и юридический. С нашей точки зрения, предлагается возможным говорить и о социальном контексте. Употребление наркотиков, с одной стороны, является болезнью, борьба с которой обсуждается на самых высоких уровнях, а палитра разрабатываемых и реализуемых мер профилактики достаточно широка и разнообразна, с другой — сопряжено с незаконными, противоправными действиями. Социальный контекст связан с тем, что употребление наркотиков ассоциируется с маргинальными группами, нарушением морали и соответствующей реакцией общества на нарушителей.

Частная сфера — это стиль жизни, который связывается с употреблением наркотиков; например, можно говорить о молодежной субкультуре и молодежной моде.

Соответственно, на первом этапе исследования, где нашей основной зада-

чей было выявление «карты» общих точек зрения, мы исходили из того, что она будет включать понятия, указывающие на публичную (в частности, медицинский, юридический и социальный контексты) и частную сферы.

Основным методом нашего исследования было анкетирование. Анкета состояла из четырех частей. В ее *первой части* использовалась методика свободных ассоциаций для выявления лексики, которая используется в дискурсе о наркотиках. Во *второй части* использовалась методика незаконченных предложений (на основе проведенных ранее исследований было сформулировано 7 предложений) [2]. Предназначение этой методики заключалось в уточнении результатов ассоциативной методики. В *третьей части* анкеты содержался ряд вопросов для выявления групп, в которых обсуждаются проблемы наркомании, а также определения источников информации о наркомании. В *последней части* испытуемым задавались социально-демографические вопросы. В фокусе нашего внимания на первом этапе будут результаты, полученные с помощью ассоциативной методики, на втором этапе — также и результаты, полученные с помощью незаконченных предложений. В данной работе мы уделим внимание рассмотрению результатов, полученных по методике свободных ассоциаций.

Описание и анализ результатов

Всего от респондентов было получено 1188 понятий, наиболее частотными из них были следующие: смерть — 72 упоминания, зависимость — 55 упоминаний, героин — 46 упоминаний, шприц — 40 упоминаний, кайф — 39 упоминаний,

болезнь, ломка, — соответственно — 27 и 25 упоминаний (здесь мы указываем только те понятия, которые упоминаются не менее чем 10 % респондентов). Даже на основе этих понятий, которые наиболее часто ассоциируются с понятием «наркотик», несложно заметить, что респонденты в первую очередь подразумевают внутривенное использование наркотиков (героин, шприц). При сопоставлении этого факта с результатами, полученными Е.Б. Березиной в диссертационном исследовании по представлениям о социально значимых болезнях [1], где было показано, что зону ядра представления о наркомании составляют понятия — *зависимость, шприц, болезнь*, можно сказать, что согласованность достигается на уровне именно такой схемы. Отождествление с наркотиками других психоактивных веществ является менее согласованным. Если обратиться к нашим данным, то можно заметить, что среди частых понятий были следующие: марихуана, кокаин и гашиш — 21, 13 и 6 упоминаний соответственно. Было бы интересно понять, означает ли это, что водораздел между тем, что считается наркотиком в молодежной среде, и тем, что к таковым не относится, проходит именно на уровне героина. Среди высокочастотных упоминаний присутствуют указания на медицинский контекст (*зависимость и болезнь*).

Далее все полученные понятия подвергли частотно-смысловому анализу, в результате которого понятия были категоризованы следующим образом: *негативные последствия принятия наркотиков* (смерть, ВИЧ/СПИД, болезни и др.) — 196 упоминаний; *собственно наркотики* (героин, марихуана, кокаин, гашиш, ЛСД и др.) — 170 упоминаний;

состояния, ассоциирующиеся с принятием наркотиков (кайф, ломка и пр.) — 139 упоминаний; *морально-оценочные аспекты принятия наркотиков* (деградация личности или общества, грязь, аморальность, дрянь, мерзость и др.) — 102 упоминания; *медицинский контекст* (болезнь, зависимость и наркомания) — 83 упоминания; *эмоциональные реакции* (в эту категорию были объединены позитивные и негативные реакции, ассоциирующиеся с употреблением наркотиков: веселье, радость, хорошее настроение, волнение, страх, горе, ужас и др.) — 71 упоминание (28 из них отражают аффективно-эмоциональную реакцию на людей, употребляющих наркотики — страх, ужас, горе, ненависть); *характеристики индивида, принимающего наркотики, особенности его поведения* (сюда попали психологические и поведенческие особенности, а также внешность наркомана: слабохарактерный, отчужденный, несостоявшийся, необузданные поступки, худой, пустой взгляд и пр.) — 66 упоминаний; *интенция принять наркотик* («ужалиться», «курнуть», «шибануть» и пр.) — 48 упоминаний; *средства, необходимые для принятия наркотика* (шприц, игла, жгут и пр.) — 47 упоминаний; *юридический контекст* (преступность, противозаконность, проблемы с правоохранительными органами, арест, тюрьма и пр.) — 34 упоминания; *финансовая сторона употребления наркотиков* (где деньги взять, деньги, украсть что-то, одолжить, собрать деньги, долги и пр.) — 26 упоминаний.

В оставшиеся категории попадают *места употребления наркотиков* (клуб, двор, подъезд, подвал и пр.) — 15 упоминаний, *понятия, указывающие на желание принять наркотик* (тяга), — 11 упо-

минаний, *позитивная оценка принятия наркотиков* (приятное времяпрепровождение и др.) — 11 упоминаний, *переживание близких наркомана* (боль близких, трагедия в семье и пр.) — 9 упоминаний, *социальная принадлежность наркомана* (молодежь, хиппи, тусовка и пр.) — 9 упоминаний, *использование наркотических средств в медицинских целях* (обезболивающее и др.) — 6 упоминаний.

В целом эти категории охватывают 88 % от всех высказанных понятий. Остальная часть ответов, представленных единичными понятиями, были помещены нами в категорию «другое».

Для того чтобы сделать некоторые выводы относительно нашего исходного предположения, обратим внимание, что публичная и частная сферы, связанные с наркотиками, представлены здесь рядом категорий. После соответствующих преобразований получаем, что соотношение публичной и частной сфер примерно одинаковы — 43,6 и 43,7 % от всех полученных ответов. Медицинский, социальный и юридический контексты публичной сферы соответственно составляют: 53,86; 39,58 и 6,56 %. Таким образом, наше изначальное предположение, что в силу того, что наркотики являются полиморфным объектом, их обсуждение в молодежной среде будет касаться двух сфер — публичной и частной, причем в публичной сфере он будет апеллировать к различным контекстам — медицинскому, социальному и юридическому, получает эмпирическую поддержку. Заметим, что в частной сфере вырисовывается скрипт действий наркомана, включающий: тип наркотика, желание его принять, поиск средств для приобретения наркотиков, интенция к дей-

Таблица 1

**Представленность категорий частной и публичной сфер
в дискурсе респондентов в четырех группах**

	Доля понятий, %			
Сфера	группа 1	группа 2	группа 3	группа 4
частная	30,72a	32,79a	66,17b	47,39c
публичная	62,07d	50,61e	20,47f	40,43e

Примечание: значения с различными индексами различны, по крайней мере, на уровне ($p < 0,05$)

Таблица 2

**Представленность категорий социального, медицинского и юридического
контекстов в дискурсе респондентов в четырех группах**

	Доля понятий, %			
Контекст	группа 1	группа 2	группа 3	группа 4
социальный	24,45a	22,67a	8,90b	14,35b
медицинский	34,48c	19,75d	10,03e	14,73e
юридический	3,13	1,88	2,19	4,08

Примечание: по строкам — значения с различными индексами различны, по крайней мере, на уровне ($p < 0,05$).

ствию, состояния, связанные с приемом наркотика.

На втором этапе, в соответствии со стратегией изучения социальных представлений в рамках динамического подхода, нам требуется исследовать то, как в этом дискурсе соотносятся позиции представителей различных групп.

Из выборки были исключены 12 респондентов из первой группы (4 женщины и 8 мужчин) в силу отсутствия информации на вопросы-фильтры. Таким образом, выборка включала 245 респондентов.

Мы исходили из общего предположения, основанного на идеях теории социальных представлений, что по мере приближения к объекту представлений будет происходить смещение позиций в дискурсе (от доминирования публичной сферы до преобладания частной сферы, с одной стороны, и снижения выражен-

ности социального контекста, с другой стороны). Иными словами:

– гипотеза 1: в позициях респондентов в третьей и четвертой группах будет в большей степени выражена частная сфера по сравнению с позициями респондентов в первой и второй группах;

– гипотеза 2: в позициях респондентов в первой и второй группах будет в большей степени выражен социальный контекст по сравнению с позициями респондентов остальных групп;

– гипотеза 3: в позициях респондентов всех групп юридический контекст будет представлен в меньшей степени по сравнению с другими контекстами.

Для проверки этих гипотез нами был предпринят анализ ассоциаций по каждой группе респондентов. В первой группе было дано 319 ответов, во второй — 247 ответов, в третьей — 337, в четвертой группе — 230.

Мы опирались на выделенные ранее категории, после частотно-смыслового анализа было получено следующее распределение ответов по всем группам респондентов (табл. 1).

Сравнение показателей с помощью фи-критерия позволяет говорить о различиях в позициях респондентов в первой и второй группах от респондентов в третьей и четвертой группах: позиции респондентов первых двух групп в меньшей степени опираются на категории частной сферы, в большей — на категории публичной сферы (социальный, медицинский и юридический контексты). Респонденты этих двух групп демонстрируют взгляд извне на проблему наркотиков, в то время как респонденты из последних двух групп демонстрируют взгляд изнутри. Этот факт говорит в пользу нашей первой гипотезы.

Сравнение показателей по трем контекстам публичной сферы позволяет говорить о различиях в использовании категорий (табл. 2).

Сравнение показателей с помощью фи-критерия опять же дает основания говорить о различиях в использовании социального контекста респондентами первых двух групп от респондентов последних двух групп. Этот факт говорит в пользу второй гипотезы. Обращение к социальной сфере позволяет выстраивать защиту на символическом уровне от такого явления, как наркотики, а также от людей, их использующих.

Обращение к юридическому контексту достаточно мало во всех группах, он не является определяющим в дискурсе о наркотиках, его роль не изменяется от группы к группе. Этот факт говорит в пользу нашей третьей гипотезы.

Обращает на себя внимание и тот

факт, что опора на медицинский контекст в меньшей степени используется в третьей и четвертой группах, в то время как в первых двух — он активно используется при обсуждении темы наркотиков.

Кроме того, было замечено, что в группах с опытом употребления наркотиков респонденты используют сленг для указания на наркотики, а также обозначение того или иного типа, выражения желания употребить наркотик и интенцию к действию. Активное использование сленга также отличает позиции респондентов из третьей и четвертой групп по сравнению с первыми группами. Этот факт демонстрирует действие еще одной функции социальных представлений — выработку специальных кодов во внутригрупповой коммуникации, которые облегчают процесс коммуникации.

Выводы

Итак, нами было предпринято два этапа исследования в рамках идей динамического подхода теории социальных представлений.

На первом этапе было выявлено существование двух сфер — публичной и частной, к понятиям которых апеллируют респонденты при обсуждении проблемы наркотиков. Публичная сфера объединяет три контекста — социальный, медицинский и юридический, которые в разной степени используются респондентами в этом обсуждении. Эти категории, по сути, отражают «карту» общих точек зрения, которые известны респондентам, однако не предполагают консенсуса.

На втором этапе проанализирован вопрос о том, какие позиции занимают респонденты на «карте» этих точек зрения. Как и предполагалось, группы с опы-

том потребления наркотиков отличаются от групп без опыта по тому, какую позицию они занимают в обсуждении проблем наркотиков. Если для групп с опытом употребления наркотиков дискуссия о них скорее опирается на частную сферу, где можно выделить скрипт действий наркомана, включая тип наркотика, желание его принять, поиск средств для приобретения наркотиков, интенцию к действию, состояния, связанные с приемом наркотика, то для групп без опыта использования наркотиков основной оказывается публичная сфера.

Выдвинутые нами гипотезы получили эмпирическую поддержку.

Полученные результаты служат основанием для проведения заключительного этапа изучения социальных представлений, следуя идеям динамического подхода.

Литература

1. Березина Е.Б. Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2011.
2. Бовина И.Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2009.
3. Григорец Ф.И. Наркотизация молодежи: характеристики, причины, профилактика. — Владивосток, 2012.
4. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. — М.: Ин-т психологии РАН, 2006.
5. Киржанова В.В. Медико-социальные последствия инъекционного употребления наркотиков в России (методы оценки и предупреждения): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. — М., 2009.
6. Макропсихологическое состояние общества // Макропсихология современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. — М.: Ин-т психологии РАН, 2009. — С. 279–300.
7. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2010–2011 годах: стат. сб. — М., 2012.
8. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социол. исследования. — 2009. — № 10. — С. 70–79.
9. Clémence A. L'analyse des principes organisateurs des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S. Moscovici, F. Buschini. P. Presses Universitaires de France, 2003. — P. 393–410.
10. Clémence A. Social positioning and social representations // Representations of the social: bridging theoretical traditions / Eds. by K. Deaux, G. Philogène. — Oxford: Blackwell Publishers, 2001. — P. 83–85.
11. Dany L., Apostolidis T. L'étude des représentations sociales de la drogue et du cannabis: un enjeu pour la prévention // Santé publique. — 2002. — Vol. 14. — № 4. — P. 335–344.
12. Doise W. Debating social representations // Empirical approaches to social representations / Ed. by G.M. Breakwell, D.V. Canter. — Oxford: Blackwell Publishers, 1993. — P. 157–170.
13. Doise W., Clémence A., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales et analyses de données. — Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1992.
14. Hadley C., Stokdale J.E. Children's representations of the world of drugs // Journal of community and applied social psychology. — 1996. — Vol. 6. — № 1. — P. 233–248.
15. Moscovici S. La Psychanalyse: Son image et son public. — P. Presses Universitaires de France, 1976.
16. Spini D., Doise W. Organising principles of involvement in human rights and their social anchoring in value priorities // European journal of social psychology. — 1998. — Vol. 28. — P. 603–622.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ СИМПТОМОВ «ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ» ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СЛУЖАЩИХ

О. Ю. Лукшина

Аннотация: статья содержит результаты эмпирического исследования различий симптомов «выгорания», установок и оценок личности осужденного пенитенциарными служащими в связи с их профессиональной ролью. Раскрыты значение профессиональной роли и специфики службы в исправительном учреждении в формировании и развитии профессиональных установок служащих и развитии симптомов «выгорания».

Ключевые слова: пенитенциарные служащие, профессиональная роль, профессиональные установки, синдром «выгорания».

Summary: the article contains the results of empirical research of differences of “burnout” symptoms, attitudes and assessment of personality of condemned by prison officials in connection with their professional role. It also presents the importance of professional role and specific of service in correctional facility on formation and development of professional aims and their influence on the development of «burnout» symptoms.

Keywords: prison officials, professional role, professional aims, syndrome of «burnout».

Современные преобразования пенитенциарной системы в России предполагают изменение требований как к личности сотрудника, так и к его профессиональному уровню. Ориентация на Европейские стандарты содержания и обращения с осужденными предпола-

гает владение сотрудниками уголовно-исполнительной системы новейшими психологическими и педагогическими методиками и технологиями [3, с. 20]. Немаловажной составляющей является психологическое здоровье пенитенциарного персонала. И здесь возникает проблема «профессионального выгорания» и вопросы по его предупреждению и профилактике.

Ф. Зимбардо при описании результатов Стэнфордского тюремного эксперимента отмечал позицию, существующую в обществе: насилие и жестокость в тюрьме порождены тем, что надзиратели — необразованные и бесчувственные садисты. «Именно «менталитет тюремщика», то есть присущая данному человеку совокупность отрицательных черт, вызывает бесчеловечное обращение с заключенными» [4].

В психологии существует множество теорий и классификаций причин формирования и развития синдрома «выгорания». Мы рассмотрим данный вопрос в ракурсе специфики выполнения профессиональных обязанностей и профессиональной роли сотрудника.

Согласно С.А. Дружилову, профессиональная роль работника — это набор определенных правил поведения («правил игры»), принятых на данном предприятии, содержащихся в официальных документах или закрепленный традициями и обычаями. Работник может исполнять свою роль как сознательно, так и неосознанно. Профессиональная роль

предъявляет к сотруднику определенные требования, тем самым преобразует его облик. В режимных учреждениях исполнение профессиональной роли строго контролируется окружающими, поэтому человек должен хорошо знать, что от него ожидают окружающие, когда он выступает исполнителем той или иной роли. Владение профессиональной ролью включает построение во внутреннем плане работника адекватной модели профессии и модели профессиональной деятельности, освоение необходимых знаний, умений и навыков, выработка собственного стиля деятельности, позволяющего успешно справляться с профессиональными задачами [2]. С.А. Дружилов рассматривает профессиональную роль как необходимое условие профессионализма.

Профессиональная роль сотрудника уголовно-исполнительной системы зависит от того, к какой профессиональной группе он относится и какие функциональные обязанности выполняет. Деятельность представителей разных групп сотрудников пенитенциарных учреждений имеет порой существенные различия. В деятельности исправительного учреждения участвуют специалисты почти 50 профессий [1, с. 578]. Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак разделили пенитенциарных специалистов на 3 группы. Мы разделили пенитенциарных служащих на 4 группы на основе выполняемых ими профессиональных функций и степени их включенности во взаимодействие с осужденными.

Охрана. Основной функцией данной группы сотрудников является охрана учреждения, они осуществляют розыск бежавших осужденных во взаимодействии с внутренними войсками и тер-

риториальными органами внутренних дел. Они несут службу с оружием, в составе караула. График несения службы суточный, либо 12-часовой. Их контакт с осужденными резко ограничен, либо исключен.

Режим и безопасность. Основной функцией является надзор за выполнением осужденными правил внутреннего распорядка в учреждении, профилактика правонарушений, пресечение преступлений среди осужденных. Сотрудники обеспечивают режим содержания осужденных, предупреждают и раскрывают преступления в местах лишения свободы, осуществляют профилактические мероприятия по ликвидации группировок отрицательной направленности. Организуют и проводят обыски, осмотры осужденных, помещений и территорий. Осуществляют организационные мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций при массовых беспорядках, неповиновениях администрации, захватах заложников. Службу несут в составе дежурной смены. Это наиболее подверженная негативному влиянию со стороны спецконтингента группа сотрудников, так как большая часть их деятельности насыщена коммуникациями с осужденными.

Сотрудники штаба учреждений (юристы, канцелярия, сотрудники отдела специального учета, бухгалтерия и т. д.). Служащие этого звена комплектуются в основном за счет специалистов, окончивших гражданские вузы и техникумы. Их деятельность в основном связана с ведением необходимой документации, как на осужденных, так и на сотрудников. В служебное время данный персонал взаимодействует со всеми службами исправительного учреждения, обе-

спечивающими режим содержания, обучения, воспитания, коррекции поведения осужденных. Должности являются как аттестованными, так и вольнонаемными. Их профессиональные функции либо не связаны с общением с осужденными, либо значительно ограничены.

Сотрудники воспитательного отдела, социальные и медицинские работники, психологи. Указанные сотрудники выполняют схожие функции, и их деятельность непосредственно связана с ежедневным взаимодействием с осужденными и помощью в решении их социальных и личных проблем. Должности являются как аттестованными, так и вольнонаемными. Данным сотрудникам свойственно выполнять профессиональные функции, связанные с большим количеством контактов с осужденными на индивидуально-личностном уровне.

Для понимания особенностей в формировании и развитии симптомов «выгорания» у различных профессиональных групп сотрудников нами было проведено эмпирическое исследование. Мы предположили, что формирующиеся в процессе адаптации к профессиональной деятельности профессионально-ролевые установки, предубеждения к личности осужденного у сотрудника УИС влияют на развитие максимальной социальной дистанции, что негативно отражается на выполнении им профессиональных обязанностей, снижает профессиональную самооценку, детерминируя формирование синдрома «выгорания».

В исследовании приняло участие 182 респондента из 6 учреждений и подразделений уголовно-исполнительной системы Удмуртской Республики. Из них 56 женщин и 126 мужчин. Возраст испытуемых от 20 до 50 лет. Сравнитель-

ный анализ был проведен с использованием непараметрического метода U-критерия Манна-Уитни.

В результате исследования были получены достоверно значимые различия. Так, сравнивая показатели групп сотрудников *охраны и режима (безопасности)*, нами были выявлены различия в уровне развития эмпатийных способностей, оценках и установках к личности осужденного и симптомах «выгорания».

Уровень развития эмпатийных способностей оказался выше у сотрудников отдела охраны (32,2632, $p=0,010$), нежели у сотрудников режима и безопасности (23,6774, $p=0,010$). Эти различия объясняются отличиями в требованиях при профессиональном отборе, а также спецификой профессиональной деятельности сотрудников, их профессиональными и функциональными обязанностями. Сотруднику режима, обладающему высокими эмпатийными способностями, будет сложно устоять перед просьбой или давлением осужденного, что повлечет за собой вступление во внеслужебную связь.

В ходе несения службы на посту и в караульном помещении сотрудник охраны выполняет обязанности согласно строгим требованиям приказов и служебных инструкций. Вероятность возникновения экстремальных ситуаций в его деятельности не слишком высока, так как они находятся практически на последнем, внешнем рубеже учреждения, а также благодаря применению видеонаблюдения и различных современных инженерно-технических средств охраны. Коммуникации указанных сотрудников ограничены общением с коллегами, входящими в состав караула и непосредственным руководством. Обще-

ние с осужденными полностью исключено, что выступает лимитирующим фактором, снижая тем самым возможность проникновения во внутренний мир осужденного. Это и объясняет большее количество лиц с высоким уровнем развития эмпатийных способностей (в сравнении с сотрудниками режима и безопасности), так как от наличия эмпатии зависит и уровень группового взаимодействия, слаженность и быстрота действий сотрудников при возникновении экстремальных ситуаций.

Основная нагрузка по надзору за осужденными приходится на сотрудников отдела режима и безопасности. Эта группа сотрудников осуществляет непосредственное общение с осужденными, но оно, как правило, носит негативный характер. Согласно функциональным обязанностям, сотрудники режима и безопасности обязаны проводить допрос и обыск как осужденных, так и их личных вещей. Процедура обыска вызывает у осужденных негативную реакцию, а порой и агрессию по отношению к сотрудникам отдела режима и безопасности, что выражается в словесных оскорблениях, угрозах сотрудникам, отказах им подчиняться. В связи с этим сотруднику режимной службы, имеющему высокий уровень развития эмпатийных способностей, достаточно сложно адаптироваться к данной деятельности.

Оценивая личность осужденного, сотрудники отдела режима и безопасности, опираясь на опыт общения со спецконтингентом, дали наиболее отрицательные оценки их личностным качествам ($-10,9355$, $p=0,000$). Каждодневное наблюдение сотрудниками «изнанки жизни» оставляет отпечаток в восприятии «другого» и во многом определяет от-

рицательное отношение к осужденным.

В то же время сотрудники отдела охраны дают хоть и невысокую, но в целом позитивную оценку личности осужденного ($2,7368$, $p=0,000$), так как их восприятие лиц, находящихся в местах лишения свободы, ограничено сторонним наблюдением за ними с высоты наблюдательной вышки или экрана монитора.

У сотрудников, несущих службу в отделах режима и безопасности, наблюдается также высокий уровень выраженности симптома «выгорания» — «деперсонализации» ($12,3871$, $p=0,000$). Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что независимо от стажа службы в уголовно-исполнительной системе у сотрудников режима и безопасности за достаточно непродолжительный период формируется негативизм, цинизм и стремление ограничить продолжительность контакта с осужденными. Их отношение можно описать как «субъект-объектное», так как осужденный воспринимается сотрудником как бесчувственный объект, который полностью виноват в своих проблемах и трудностях и который, по их мнению, не обладает качествами, свойственными полноценной, социализированной личности. У сотрудников отдела охраны также наблюдается сформированность «деперсонализации», но на среднем уровне ($6,8421$, $p=0,000$). Этим сотрудникам тоже свойственна черствость и циничность в общении, взаимодействии, но направлена она на своих коллег. К этому приводит длительное нахождение и взаимодействие в условиях «узкого» коллектива, где коммуникации ограничены.

При сравнении показателей *сотрудников отдела охраны и служащих шта-*

ба более негативные оценки личности осужденного дают служащие штаба ($-7,3$, $p=0,001$). Деятельность сотрудников штаба связана с ведением, хранением и обработкой документации осужденных. Изучая личные дела осужденных, они оценивают личность каждого осужденного, опираясь на описанные факты совершенного им преступления, а не на собственные ощущения и впечатления от общения с ним. Сотрудники же отдела охраны практически лишены возможности оценить личность осужденного, так как в процессе своей деятельности не взаимодействуют с ним ($2,7368$, $p=0,001$).

Оценивая активность личности осужденного, сотрудники отдела охраны дают хоть и невысокую, но все же положительную оценку ($3,2632$, $p=0,001$). Это связано с тем, что, во-первых, действует механизм стереотипизации, а во-вторых, сотрудник отдела охраны всегда обязан находиться в некотором тоне, чтобы быть готовым к возникновению экстремальной ситуации, спровоцированной осужденным, при этом он не должен недооценивать возможности осужденного, особенно при совершении побега.

Служащие штаба дают отрицательную оценку активности личности осужденного, так как имеют возможность наблюдать и иметь информацию из документации о предшествующей осужденному жизни, о ведении осужденными паразитического образа жизнедеятельности, об их несамостоятельности в решении своих социальных и бытовых проблем ($-0,7$, $p=0,001$).

В группе служащих штаба наблюдается сформированный симптом «редукция личных достижений» ($28,15$, $p=0,002$). Вероятно, это связано с ру-

тинным характером деятельности, отсутствием возможности творчества и новаторства в ней, а также с неоправданными ожиданиями, построенными в начале профессионального пути. Нередко сотрудники штаба, имея за плечами большой опыт, ограничены в возможности продвинуться по карьерной лестнице, что и определяет их неудовлетворенность своими профессиональными достижениями.

При сравнении групп *сотрудников отделов охраны и сотрудников воспитательного отдела (ОВРО), психологических лабораторий (ПЛ), социальных и медицинских работников* было выявлено, что наиболее негативную оценку личности осужденного дают сотрудники ОВРО, ПЛ и социальные работники, которые непосредственно общаются с осужденными ($-12,3750$, $p=0,000$). Они сталкиваются не только с насущными проблемами осужденных, но и с их прошлым: совершенными ранее преступлениями, жестокостью и циничностью деяний осужденных, злоупотреблением ПАВ, особенностями поведения в исправительном учреждении. Именно сотрудники ОВРО, ПЛ и социальные работники в процессе своей деятельности сталкиваются и взаимодействуют с «криминально зараженными» людьми, имеющими различные отклонения в психическом развитии. Наблюдение особенностей взаимодействия осужденных, их криминальных традиций и формирует негативное восприятие личности осужденного, установку на его несправимость.

Сотрудникам ОВРО, ПЛ и социальным работникам также свойственно занижать уровень развития волевых качеств личности осужденного ($0,333$,

$p=0,017$). В процессе взаимодействия с осужденными данные сотрудники сталкиваются не только со сложными личными и социальными проблемами спецконтингента, но и с отсутствием активности и желанием преодолеть их со стороны лиц, лишенных свободы, с так называемым иждивенчеством. Подобное отношение к жизни со стороны представителей спецконтингента формирует уверенность у сотрудников этой группы в том, что осужденные несамостоятельны и не способны взять на себя ответственность за построение правопослушной, социально одобряемой собственной жизни. Низкая оценка силы личности указывает и на то, что у сотрудников наблюдается доминантная позиция во взаимоотношениях с осужденными, которая обусловлена профессиональными обязанностями, функциями и профессиональной ролью сотрудников, наделенностью их определенной властью над осужденными как в решении их проблем, так и в обеспечении условий отбывания наказания в учреждении.

Сотрудники отдела охраны склонны давать хоть и невысокие, но в целом положительные оценки личности осужденного, так как негативная оценка его волевых качеств и активности может привести к снижению бдительности со стороны сотрудника и возможной слабой реакции при возникновении экстремальной ситуации ($3,2632$, $p=0,017$).

У сотрудников ОБРО, ПЛ, социальных и медицинских работников развитие симптома «эмоциональное истощение» связано с эмоциональным перенасыщением коммуникаций с коллегами и осужденными ($21,83$, $p=0,029$). Влияние оказывает также стрессовая среда, то есть совокупность стрессогенных опасных

(сложные, опасные для жизни и здоровья условия труда) и социальных (психологические особенности взаимодействия с осужденными, индивидуально-психологические особенности подопечных и т. д.) переменных внешнего мира.

Можно также отметить сформированный симптом «редукция личных достижений» в группе сотрудников ОБРО, ПЛ, социальных и медицинских работников ($25,33$, $p=0,001$). Детерминантами этого симптома является отсутствие положительного результата в итоге профессиональной деятельности данных сотрудников. Общество ставит именно перед этими сотрудниками задачу ресоциализации осужденных, но часто положительные результаты носят неустойчивый характер или отсутствуют, так как процент рецидива очень высок. Негативным фактором, детерминирующим указанный симптом «выгорания», являются и низкий социальный статус службы и престижность профессии. Общество традиционно негативно относится к «тюремщикам».

При сравнении групп *сотрудников отдела безопасности и режима и сотрудников ОБРО, ПЛ, социальных и медицинских работников* наиболее высокие показатели развития уровня эмпатийных способностей наблюдаются у сотрудников ОБРО, ПЛ, социальных и медицинских работников, так как эмпатия выступает в качестве важного качества личности помогающего специалиста ($34,1250$, $p=0,000$).

При сравнении уровня сформированности симптомов «выгорания» наиболее высокие показатели симптома «деперсонализация» оказались в группе сотрудников отдела режима ($12,3871$, $p=0,001$), тогда как у сотрудников ОБРО,

ПЛ, социальных и медицинских работников выделяются симптомы «эмоциональное истощение» (21,83, $p=0,001$), «редукция личных достижений» (25,33, $p=0,000$). Это связано с тем, что помогающие специалисты в большей степени, чем другие, чувствительны к жесткости ограничений в деятельности, а также строгой регламентированности и эмоциональной насыщенности общения как между осужденными и сотрудниками, так и между коллегами по работе. Перечисленные требования к деятельности в ИУ находят свое отражение в формировании профессиональной самооценки помогающего специалиста, снижая его удовлетворенность деятельностью.

В установках к личности осужденного различия не обнаружены. У сотрудников из обеих групп превалируют негативные установки.

Таким образом, в разных профессиональных группах наблюдаются различия в оценках личности осужденного. Это обусловлено не только спецификой службы, но и профессиональной ролью, которая требует от сотрудника соответствия ей, ее нормам и стереотипам поведения.

Нами также обнаружено влияние деятельности на структуру «выгорания» в каждой профессиональной группе. Так, у сотрудников, чья деятельность связана со взаимодействием с осужденными, как правило, симптомы «выгорания» складываются и формируются более стремительно.

Негативные установки сотрудников пенитенциарных учреждений к осужденным выявлены вне зависимости от их принадлежности к конкретной профессиональной группе. Однако мож-

но отметить большую степень негатива в оценках у сотрудников, непосредственно взаимодействующих с осужденными: отделов режима и безопасности, воспитательной, психологической, социальной и медицинской служб. Деятельность человека, связанная с жестким контролем над другой личностью, обличенная властью над ней, формирует почву для развития негативных установок у пенитенциарных служащих по отношению к осужденному, конструируя в сознании образ «ненормального», «чужого», обладающего только отрицательными качествами человека. Данные установки деформируют не только сферу общения, отношений, но и систему ценностей сотрудника. Личностные деформации, в свою очередь, не позволяют сотруднику в полной мере реализовывать аффилиативные потребности, тенденции к самоактуализации личности, профессиональную роль, а также поставленные перед ним профессиональные задачи, снижая тем самым общую эффективность пенитенциарной системы в целом.

Литература

1. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 688 с.
2. Дружилов С.А. Становление профессионализма человека как реализация индивидуального ресурса профессионального развития. — Новокузнецк: Изд-во ИПК, 2002. — 242 с.
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
4. Хэйни К., Бэнкс К., Зимбардо Ф. Стэнфордский тюремный эксперимент. Изучение поведения заключенных и надзирателей в условиях, имитирующих тюремное заключение [Электронный ресурс]. — URL: <http://psyfactor.org/lib/zimbardo2.htm>.

СОВМЕСТНЫЙ ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ И МОТИВАЦИИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

О. А. Рожков

Аннотация: в статье описывается эмпирическое исследование взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации личности сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от условий несения службы. Анализируются ценностные ориентиры, ведущие и вытесняемые мотивы, преобладающие признаки профессиональной деформации.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, профессиональная деформация, ценности, мотивы.

Summary: *empirical study of intercommunion between professional deformation and motivation personality of penal system employees depending on service conditions are described in the article. Value orientations, leading and excluded motives, prevailing signs of professional deformation are analyzed.*

Keywords: *penal system employees, professional deformation, values, motives.*

Анализ ряда работ (С.П. Безносков, 1997; С.Е. Борисова, 1998; И.М. Долматова, 2001; О.В. Крапивина, 2004; Е.А. Кузина, 2004) свидетельствует о большом интересе к проблеме профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Степень изучения взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации личности сотрудников УИС по

вопросам психодиагностики, ее значимость в связи с особыми должностными обязанностями (жесткая алгоритмизация, вероятность применения огнестрельного оружия на поражение человека) и условиями профессиональной деятельности (замкнутость и ограниченность пространства мест несения службы, длительная изоляция от социума) представляется нам недостаточно разработанной.

Для решения поставленной задачи нами использовался следующий методический инструментарий: наблюдение, анкетирование, тестирование (тест А.Г. Шмелева «Структура трудовой мотивации (СТМ-2)» [2], методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» [5], тест В.В. Бойко «Диагностика эмоционального выгорания» [1], тест В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» [3]), экспертная оценка руководителями качеств и психических состояний, индивидуально-психологических характеристик сотрудников, предложенная С.Д. Хачатуряном, С.А. Худоконенко, В.А. Гришиным [6], метод расчета психодинамических коэффициентов Д.В. Сочивко (на основе восьмицветового теста Люшера) [4], методы математико-статистического анализа с применением компьютерной программы STATISTICA 6.0.

Исследование взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации личности было проведено в результате обследования 351 сотрудника УИС Оренбургской области. В результате применения метода наблюдения и анализа научной литературы по теме исследования мы пришли к выводу, что наиболее значимыми представляются различия в группах сотрудников по двум внешним критериям. Первый определяет особенность профессиональной деятельности, в процессе которой сотрудники взаимодействуют с осужденными. В слу-

жебных обязанностях непосредственное взаимодействие со спецконтингентом обозначено у сотрудников воспитательного отдела, оперативно-режимных служб (ВиОР), уголовно-исполнительных инспекций (УИИ). Второй обусловлен границами режимной территории подразделений, закрытостью и замкнутостью пространства при передвижении в период несения службы, а также изолированностью от внешнего мира (так, например, запрещены использование и пронос на территорию исправительных учреждений средств мобильной свя-

Таблица 1

Психологические особенности статистически значимых различий в зависимости от принадлежности к отделу сотрудников УИС

Психологические особенности	ВиОР	УИИ	Охр
Ценности – ориентиры	<i>Счастливая семейная жизнь*</i>	Здоровье, интересная работа	Счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь
Вытесняемые ценности	<i>Творчество</i>	Наличие хороших и верных друзей	Активная, деятельная жизнь
Доступные ценности	<i>Счастливая семейная жизнь</i>	Интересная работа, познание	Счастливая семейная жизнь
Недоступные ценности	<i>Творчество</i>	Материально обеспеченная жизнь	<i>Творчество</i>
Ведущие мотивы по методике Мильмана	<i>Социальная полезность</i>	Творческая активность, общение	Социальная полезность, жизнеобеспечение
Вытесняемые мотивы по методике Мильмана	Комфорт, общение	<i>Комфорт</i>	<i>Комфорт</i>
Ведущие мотивы по методике Шмелева	<i>Включенность в команду</i>	Признание	Деньги
Вытесняемые мотивы по методике Шмелева	Служение обществу	Включенность в команду	<i>Признание</i>
Признаки профессиональной деформации	Переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, загноанность в клетку и др.	Психосоматические и психовегетативные нарушения	Эмоциональный дефицит

* Курсивом выделены характерные психологические особенности (статистически не значимые).

зи). Ограниченность передвижения, обусловленная должностными инструкциями и структурностью подразделений, определена у сотрудников ВиОР, охраны (Охр). Количественно указанные группы в исследовании составляют: ВиОР — 141 сотрудник, УИИ — 51, Охр — 159.

Тестирование осуществлялось путем выборки по гендерному признаку (объем выборки — 263 мужчин и 88 женщин); возраст респондентов колеблется от 18 до 47 лет, средний возраст составляет 32 года.

Приведем обобщенные результаты исследования по указанным психодиагностическим методикам в исследуемых группах сотрудников (табл. 1).

Результаты экспертной оценки качеств и психических состояний сотрудников, данной их руководителями, свидетельствуют о системном преобладании негативных особенностей в группе ВиОР. Исключения составляют два показателя с обратным значением: «критическое отношение к субкультуре» и «ориентация на положительном в осужденном», которые имеют максимум в группе УИИ. Так, статистически значимы различия в группе ВиОР по следующим особенностям: перенос стиля общения вне работы (на уровне значимости $p < 0,001$ для обеих групп), заимствование жаргона ($p < 0,001$ для УИИ и $p < 0,01$ для Охр), отсутствие психологической гибкости ($p < 0,01$ для УИИ), склонность к применению насилия ($p < 0,001$ для УИИ и $p < 0,05$ для Охр), авторитаризм в общении с осужденными ($p < 0,01$ для обеих групп), преобладание силовых методов ($p < 0,001$ для УИИ и $p < 0,05$ для Охр), воинствующее бескультурье ($p < 0,01$ для УИИ и $p < 0,05$ для Охр).

В ходе исследования нами были также рассчитаны психодинамические коэффициенты (168 коэффициентов), отражающие все пространство цветовых предпочтений по тесту Люшера (по методике Д.В. Сочивко) [4]. Проведенный факторный анализ данных объединил коэффициенты по соответствующим цветам, стоящим в числителе. Различия между сотрудниками проявляются по темно-синему, оранжево-красному, желтому, фиолетовому и серому факторам. Представим наглядно результаты приведенного ранее системного различия в группах сотрудников УИС (табл. 2).

Обобщим выявленные психологические особенности в группах сотрудников ВиОР, УИИ и Охр.

Согласно результатам сравнительного анализа группа сотрудников *воспитательного отдела, оперативно-режимных служб* обнаруживает выраженность формирования фазы напряжения в контексте признаков эмоционального выгорания. Вся энергия личности сотрудника ВиОР поглощена защитой от нарастающего напряжения. Страх перед утратой стабильности ситуации на службе, потребность в опоре на партнера сопровождается повышенной требовательностью к окружающим. Борьба с напряжением, востребованность значительных внутренних ресурсов обуславливает ориентацию уже не на служение обществу, а на пользу хотя бы себе и кругу близких ему людей. В результате происходит снижение уровня общительности. Однако в силу должностных обязанностей коммуникативное взаимодействие сотрудников ВиОР со спецконтингентом является основным методом воздействия на их личность. Как следствие, сотрудники переходят к тактике «лучшая

Таблица 2

Психодинамические особенности в группах сотрудников УИС

Группы сотрудников	Предпочтение — отвержение цветов (плюс — минус)	Психодинамические силы
ВиОР	Минус — желтый	Страх перед утратой
	Минус — фиолетовый	Повышенные требования к окружающим как защита от собственной доверчивости
	Минус — серый	Выраженная общительность, активность, обращенность в мир окружающих явлений
УИИ	Минус — темно-синий	Страх пустоты
	Плюс — оранжево-красный	Мания к раздражению
	Плюс — желтый	Стремление к свободе
Охр	Минус — оранжево-красный	Страх перед избытком раздражения
	Плюс — темно-синий	Стремление к удовлетворению
	Плюс — фиолетовый	Эмоциональность и субъективность пристрастий превалируют над рассудочностью
	Плюс — серый	Отход от контактов, снижение социальной активности

защита — нападение». Данное явление характеризуется выраженностью «общительности», «активности», обращенностью всего потенциала личности на окружающий мир. Выявленное противоречие в выстраивании системы взаимодействия обуславливает следующие негативные особенности: заимствование жаргона, отсутствие психологической гибкости, склонность к применению насилия, авторитаризм в общении с осужденными, преобладание силовых методов, воинствующее бескультурье, перенос стиля общения вне работы.

При определении особенностей в группах сотрудников по ценностям-ориентирам прослеживаются статистически значимые различия в группе сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по ценности: «интересная работа». Причем при проявлении доступности интересной работы и возможности расширения своего образования, круго-

зора, общей культуры отсутствует ощущение возможности удовлетворения материальных потребностей в полном объеме. Такие ценностные ориентиры определяются страхом перед опустошенностью и скукой, безразличием в профессиональной сфере. Среди вытесняемых ценностей доминируют отличия по параметру «наличие хороших и верных друзей». Вместе с тем прослеживается вытеснение мотива «включенность в команду». Сотрудник с такой мотивацией предпочитает, чтобы результат деятельности зависел только от него и, как правило, не принимает решений на основе чьих-либо советов. При системных цветовых предпочтениях — отвержениях подобные особенности проявляются в стремлении к свободе. Потребность к раздражению также определяется значимостью мотивов «творческой активности» и «общения». Здесь же обнаруживает себя высокая потребность в пу-

бличной похвале и одобрении. Чрезмерные амбиции могут служить источником конфликта в социальной среде, а при выявленной значимости ценности «здоровье» — и к ощущению психосоматических и психовегетативных нарушений.

В группе сотрудников отдела охраны не только значима, но и доступна ценность «счастливая семейная жизнь». Ценностный ориентир на материально обеспеченную жизнь также нашел свое отражение в ведущем мотиве — деньгах. Вспомогательными мотивами для достижения материального достатка здесь выступают ценности «социальная полезность», «жизнеобеспечение». При системных цветовых предпочтениях — отвержениях проявляется стремление к удовлетворению так называемого гедонизма для тела и нарциссизма для души, стремлению убежать в иллюзорный мир детства; эмоциональности и субъективности и пристрастий, превалирующих над рассудочностью. Указанные особенности компенсируются страхом перед избытком раздражения, плохо контролируемых эмоций гнева, аффекта, бегством от проблем. В свою очередь, эти процессы обуславливают вытесняемые ценности: активная, деятельная жизнь; отход от контактов, снижение социальной активности.

Таким образом, в нашем исследовании выявлены статистически значимые различия в группах сотрудников воспитательного отдела, оперативно-режимных служб, уголовно-исполнительных инспекций, отдела охраны

при изучении взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации личности. Проанализированы психодинамические силы в контексте системных цветовых предпочтений — отвержений в изучаемых группах респондентов. Обозначены ценностные ориентиры сотрудников, а также ведущие мотивы личности, актуализация которых будет содействовать снижению выраженности профессиональной деформации и повышению эффективности профессиональной деятельности. Определены преобладающие признаки профессиональной деформации, требующие особого внимания при построении коррекционных программ в работе с сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — СПб., 1999. — 105 с.
2. Зеличенко А.И., Шмелев А.Г. К вопросу о классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. Психология. — 1987. — № 4. — С. 33–43.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2000. — 512 с.
4. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2009. — 432 с.
5. Фанталова Е.Б. Диагностика внутреннего конфликта // Приложение № 2 к Журналу практического психолога. — М.: Фолиум, 1997. — 48 с.
6. Хачатурян С.Д., Худоконенко С.А., Гришин В.А. Исследование взаимосвязи уровня выраженности профессиональной деформации и индивидуально-психологических особенностей сотрудников УИС (с использованием элементов математической статистики) // Правоохранительная деятельность в России и США. — Владимир, 1999. — С. 83–97.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСОВ ПЕРЕГОВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В СИТУАЦИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

В. В. Вахнина

Аннотация: в статье рассматриваются особенности решения задач, стоящих перед органами внутренних дел в ситуации захвата заложника, особенности психологического обеспечения переговорного процесса, правовые основы деятельности подразделений органов внутренних дел и внутренних войск при выполнении задач в условиях чрезвычайных обстоятельств. Отмечается, что в практике деятельности правоохранительных органов эффективно используются переговоры с преступниками, основной целью которых является сохранение жизни и здоровья заложников.

Ключевые слова: переговоры, переговорщик, переговорная компетентность, группа ведения переговоров, субъекты переговорного процесса, захват заложников.

Summary: the article considers the features of the solution of the tasks facing the bodies of internal Affairs in the situation of the capture of the hostage, especially psychological support of the negotiation process, the legal framework for the activity of subdivisions of agencies of internal Affairs and internal troops when fulfilling tasks in conditions of emergency. It is noted that in the practice of the law enforcement bodies are used effectively negotiations with criminals, the main objective of which is the preservation of life and health of hostages.

Keywords: negotiations, a negotiator, a meeting competence, the group of negotiations, the subjects of the negotiation process, capture of hostages.

Переговоры с преступниками в кризисных ситуациях стали привычным явлением социальной и правовой деятельности, характерной чертой современного общества, одним из основных направлений правоохранительной деятельности.

Проблема переговоров с преступниками как юридико-психологический феномен требует углубленного научного изучения, теоретических исследований, анализа и обобщения практического опыта, разработки необходимых рекомендаций, подготовки специалистов соответствующего профиля. Механизмы, технологии государственного реагирования на потенциальные или свершившиеся преступления террористического характера позволяют разработать стратегические и практические модели переговоров, определить перспективы освобождения заложников. Например, выработка гибких принципов ведения переговорного процесса об освобождении заложников: минимизация жертв и ущерба, частичные уступки (выполнение требований о предоставлении денежных и транспортных средств), невыполнение требований политического характера (изменения политического строя, бес-

препятственное освобождение их или сообщников).

Анализ мотивационно-ценностной основы преступлений террористического характера имеет существенный практический смысл для разрешения конфликтных ситуаций, предупреждения и диагностики террористической угрозы. Таким образом, необходимо для предотвращения и борьбы с акциями захвата заложников выработать комплекс мероприятий, который включал бы различные меры, в том числе и психологического характера. Например, проводить специальную профессионально-психологическую подготовку сотрудников, осуществляющих переговорный процесс в ситуациях, связанных с захватами заложников. Успешность решения задач, стоящих перед органами внутренних дел в «ситуации заложника», во многом зависит от эффективности переговорного процесса. В практике деятельности правоохранительных органов в «ситуации заложника» эффективно используются переговоры с преступниками, основной целью которых является сохранение жизни и здоровья заложников.

Процесс ведения переговоров в кризисных ситуациях включает следующие основные этапы: до прибытия оперативной группы, после прибытия оперативной группы и начало ее работы, принятие решения по выдвинутым требованиям, завершение переговоров и проведение силовой операции (при острой необходимости).

На группу ведения переговоров возложены обязанности по оценке полученной в ходе переговоров и других мероприятий, информации по: личности, планах, намерениях и поведении преступ-

ников; по разъяснению им последствий их действий, склонению к отказу от преступных действий и получение необходимых данных для осуществления различных мероприятий по освобождению заложников.

Руководители и сотрудники органов внутренних дел должны осознавать, что основой мотивации ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, является то, что переговоры фактически являются единственной гарантией жизни заложников. Пока ведутся переговоры, есть надежда на освобождение и сохранение их жизни. Именно сохранение жизни заложников является основной целью переговоров в кризисных ситуациях, предусмотренной законом. [1]

Нормативно-правовые акты устанавливают, что основными целями ведения переговоров с преступниками являются: сохранение жизни и здоровья заложников; склонение преступника к отказу от дальнейших действий; получение дополнительных сведений, позволяющих идентифицировать преступников и заложников; установление имеющегося у правонарушителя оружия и взрывчатых веществ; снижение требований преступников, и выдвижение им встречных условий с целью освобождения заложников; затягивание времени для подготовки соответствующих действий оперативного штаба по освобождению заложников.

Нормативно-правовые акты определяют, что на первоначальном этапе ГВП оценивает общую обстановку, осуществляет сбор первичной информации, организует переговорный процесс, вносит предложения по уточнению плана специальной операции. При проведении заключительной стадии ведения переговоров ГВП необходимо получить информа-

цию, которая позволяет прогнозировать дальнейшее поведение преступников. Полученная информация позволит уточнить время начала проведения спецоперации (немедленно или затянуть). ГВП осуществляет контроль над ситуацией, поведением преступника.

В нормативно-правовых документах четко не определен количественный состав ГВП. В зависимости от специфики криминальной ситуации количественный состав ГВП может изменяться. Практика показывает, что в состав группы переговорщиков, как правило, включаются четыре сотрудника. Первый переговорщик, второй переговорщик, консультант-психолог и руководитель группы. Первый переговорщик осуществляет все контакты с преступником(ми), захватившими заложников. Второй переговорщик ведет журнал учета всех контактов, угроз преступника или соглашений с ним. Записывает все устные контакты с преступниками, дискуссии и решения, сделанные группой переговорщиков, а также передает первому переговорщику всю новую информацию. Консультант-психолог анализирует психологическое состояние преступников и переговорщика. Он не включается непосредственно в переговоры, чтоб сохранить объективность и рекомендует использование определенных тактических приемов. Руководитель группы организует работу группы, направляет и контролирует ее деятельность. Он передает вышестоящему руководителю необходимую информацию о ходе переговоров и информирует группу о решениях руководителя.

Особое значение придается выбору переговорщика (переговорщиков) для непосредственного контакта с террори-

стами. Считается, что им, как правило, является официальное лицо, имеющее опыт общения с преступниками, необходимые для ведения переговоров профессиональные качества (ПВК) и подготовку. Зачастую, сотрудники группы по ведению переговоров в критических ситуациях подбираются из числа оперативных сотрудников подразделений, занимающихся контрразведкой, борьбой с терроризмом, следственной работой. В ее состав входят представители национально-этнических групп. При зачислении в группу учитываются профессиональные показатели на прежнем месте работы, результаты психологических тестов, личное желание стать переговорщиком. Переговорщик должен обладать конфликтной компетентностью, коммуникативной компетентностью (специфика экстремальной деятельности) и переговорной компетентностью (особенности ситуации), т.к. переговорщик осуществляет не только передачу информации, он обеспечивает решение специальной задачи. Наличие системы профессионального мышления у переговорщика, обладание специальными знаниями по криминальной психологии, этнопсихологии (законы, традиции особенности религии) позволяет эффективно проводить линию ОШ, добиваться поставленных целей. [2]

Подготовка к действиям при чрезвычайных обстоятельствах является частью системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Подготовка сотрудников к переговорной деятельности в экстремальных ситуациях включает технологическую составляющую: необходимые знания, умения и навыки, и содержательную составляющую: знакомство с «ма-

трицей ситуаций», т.е. какова стратегия и тактика ведения переговоров в различных криминальных ситуациях. Важно учитывать, что ведение переговоров в экстремальных условиях это, прежде всего, состязание личностных качеств переговорщика и преступника. [3]

С 2008 года в Академии управления МВД России осуществляется подготовка к ведению переговоров в ситуации захвата заложников в рамках спецкурса «Переговорная деятельность сотрудников ОВД в ситуации захвата заложников» со слушателями Академии управления МВД России. В процессе подготовки формируются умения и навыки ведения переговоров в различных криминальных ситуациях, что позволяет развивать переговорную компетентность руководителей ОВД. Осуществляется подготовка сотрудников — переговорщиков на базе ВИПК МВД России с 2009 года. Регулярно проводятся курсы повышения квалификации психологов спецподразделений, в частности ОМОН, участвующих в психологическом обеспечении переговорного процесса при захвате заложников.

Высокое качество подготовки сотрудников было подтверждено тем, что в ситуациях криминального характера, связанных с захватом заложников, был успешно осуществлен переговорный процесс, жертв среди заложников удалось избежать. [4] В частности, начальником отделения психологической работы отдела воспитательной работы УК УВД по Калининградской области Т.В.Щеголевой были проведены переговоры, в результате была предотвращена попытка суицида. В УВД по Приморскому краю поступило сообщение о захвате заложников в коммерческой

организации. Переговоры успешно провел начальник отделения организации психологической работы отдела воспитательной работы УК УВД О.В. Гаевой. Заложники не пострадали, преступник был задержан. В УВД по Омской области поступило сообщение о захвате вооруженным курсантом двух заложниц. Переговоры было поручено вести начальнику отделения психологического обеспечения Квяту Г.Л. В ходе переговоров удалось освободить заложниц и убедить преступника добровольно сдаться сотрудникам милиции.

Важно отметить, что во многом успех проведенных переговоров обусловлен тем, что под руководством ДКО МВД России, на базе Академии управления МВД России и ВИПК МВД России в марте 2008 года и на последующих сборах руководителей подразделений психологического обеспечения были проведены совместные командно-штабные учения, которые позволили сформировать и развить необходимые умения и навыки по установлению коммуникативного контакта, методов психологического воздействия и т.д.

Совершенствование профессиональной психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел, повышение эффективности их деятельности в ситуациях захвата заложников. Использование современной психологической технологии формирования навыков ведения переговоров в ситуации захвата заложников позволяет повысить эффективность антитеррористической деятельности по сохранению жизни и здоровья заложников, обеспечению безопасности и поддержанию общественного порядка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Ст. 2 от 12 декабря 1993 С. 3.

2. Вахнина В.В. Психология переговоров с преступниками в ситуации захвата заложников. М.: Академия управления МВД России, 2011.

3. Вахнина В.В. Организация психологического обеспечения переговорного процесса сотрудников органов внутренних дел. Монография. М.: Академия управления МВД России, 2010.

4. Илларионов В.П. Психологические основы ведения переговоров с преступниками / Прикладная юридическая психология. Под ред. А.М.Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА МЕНЕДЖМЕНТА

Е. Н. Богданов, Г. П. Иванов, Л. Н. Митюхина

Аннотация: вопросы профессионализма и личностно-профессионального развития в последнее десятилетие стали предметом пристального внимания психологической науки: что психологически означает человек как профессионал, его индивидуальное развитие и становление как профессионала. В статье рассматриваются психологические и личностные особенности студентов на завершающем этапе обучения, то есть когда выбор профессии уже в полной мере осознан и получен основополагающий массив информации для дальнейшего профессионального развития и трудовой деятельности. Анализируя индивидуально-психологические особенности развития личности студентов-выпускников, мы попытались раскрыть психологические механизмы формирования профессионализма, что является неотъемлемой частью создания или внесения коррективов в уже существующие обучающие модели, способствующие повышению эффективности профессионального обучения.

Ключевые слова: профессионализм, профессиональное развитие,

профессиональное образование, личность.

Summary: issues of professionalism and personal professional development in the last decade have been the subject of close attention to the science of psychology: that means a person psychologically is considered as a professional, with his individual development and its emergence as a professional. The article deals with the psychological and personal characteristics of students in the final stage of training, that is, when the choice of a profession is fully realized and a basic amount of information is obtained for further professional development and employment. Analyzing the individual psychological characteristics of personality development of graduate students, we attempted to reveal the psychological mechanisms of professionalism that is an integral part of the creation or adjustments to existing training models that improve the efficiency of training.

Keywords: professionalism, professional development, professional education, personality.

В настоящее время профессиональная деятельность становится все более сложной и ответственной, что привело к увеличению внимания к исследованиям в области психологии развития личности, ее профессионального пути, генезиса мотивационно-потребностной сферы, способностей. Вопросы профессионализма и профессионального развития в последнее десятилетие стали предметом пристального внимания психологической науки (Е.Н. Богданов, Е.А. Климов, А.К. Маркова, Л.М. Митина, Е.С. Романова и др.). Однако в большинстве случаев исследователи ограничиваются изучением набора профессионально важных качеств (ПВК), их формирования и оценки. Остается не ясным, что психологически означает человек как профессионал, его личностное развитие и становление как профессионала. В связи с этим прежде необходимо обратиться к общим представлениям о данной категории. «Профессионал» в Словаре русского языка С.И. Ожегова определяется как «человек, избравший какое-либо занятие своей профессией; специалист своего дела». Таким образом, в обыденном понимании понятие «профессионал» связывается с фактом принадлежности к какой-либо профессиональной деятельности.

Успешное становление профессионала в отечественной психологии рассматривается как составная часть общего развития личности. Индивид, участвуя в учебно-профессиональной деятельности, приобретает знания не только о своей профессии, но и о своих возможностях, развивая их, формируясь как субъект профессиональной деятельности, активно развивается как личность

(Л.И. Божович, В.С. Мерлин, В.В. Чебышева, В.Д. Шадриков и др.).

Иными словами, профессионал — это специалист, обладающий необходимым багажом теоретической информации, овладевший высокими уровнями профессиональной деятельности, сознательно изменяющий и развивающий себя в ходе обучения и осуществления труда, нашедший свое индивидуальное предназначение (профессионал — это специалист на своем месте), интересующийся результатами своей профессиональной деятельности.

Наша работа посвящена анализу психологических и личностных особенностей студентов на завершающем этапе обучения, то есть когда выбор профессии уже в полной мере осознан и получен основополагающий массив информации для дальнейшего профессионального развития и трудовой деятельности. Анализ и изучение психологических и личностных качеств студентов-выпускников вуза позволит выявить психологические механизмы формирования профессионализма, что может послужить отправной точкой для создания или внесения коррективов в уже существующие обучающие модели, способствующие повышению эффективности профессионального обучения. Нами была обозначена следующая выборка: студенты КФ МГЭИ факультета менеджмента и психологического факультета V курсов, в возрасте от 21 до 25 лет, а также успешные учащиеся с выбранных курсов (студенты, имеющие оценки «отлично» и «хорошо»).

Мы использовали следующий набор (батарею) диагностических методов: факторный личностный опросник Р. Кеттелла, тест возрастающей труд-

ности Дж. Равена, опросник ценностных ориентаций М. Рокича, опросник МИС и FPI.

В ходе исследования личности респондентов V курса факультета менеджмента по результатам методики Р. Кеттелла (табл. 1) было выявлено наличие следующих выраженных черт личности: конкретность мышления, при которой могут возникнуть затруднения в решении абстрактных задач, сниженная оперативность мышления (фактор В), озабоченность, подверженность настроению, чувствительность к одобрению окружающих (фактор О). Респонденты склонны к риску, упорны, умеют выдерживать эмоциональные нагрузки (фактор Н), проявляют зависимость от мнения и требований группы, социальность, следуют за общественным мнением, комфортнее себя чувствуют в группе (фактор Q2), импульсивны, слабо умеют контролировать свои эмоции и поведение (фактор Q3). У студентов психологического факультета доминирующими являются факторы: С, Н, I, М и Q1, то есть для большинства учащихся характерна выдержанность, эмоциональная зрелость и устойчивость в интересах (фактор С); смелость, предприимчивость, активность, готовность к риску и сотрудничеству с незнакомыми людьми в незнакомых обстоятельствах (фактор Н); самоуверенность, гибкость в суждениях, практичность (фактор I); восприимчивость к переменам, новым идеям, недоверие к авторитетам, направленность на аналитическую, теоретическую деятельность (фактор Q1); могут обладать развитым воображением, быть мечтательными, ориентированными на свой внутренний мир (фактор М).

Обобщенные данные, полученные по результатам тестирования студентов-менеджеров с использованием прогрессивных матриц Дж. Равена, свидетельствуют о среднем уровне невербального интеллекта. Качественнее всего респондентами факультета менеджмента выполняются задания на дополнение недостающей части изображения (серия «А») и на нахождение аналогий между парами фигур с разными элементами (серия «В»). Снижены показатели развития динамической наблюдательности и прослеживания непрерывных изменений, динамическая внимательность и воображение, способность представлять (серия «С») и схватывать количественные и качественные изменения в упорядочении фигур согласно закономерности используемых изменений (серия «D»). Учащиеся со слабой успеваемостью выполнили задания серии «Е» на обнаружение количественных и качественных изменений, происходящих одновременно по нескольким направлениям, определение логических закономерностей, анализ и синтез. Респонденты психологического факультета хорошо справились с заданиями не только серий «А» и «В», но и серии «D». Аналогично у студентов факультета менеджмента наблюдаем пониженные показатели по сериям «С» и «Е».

Респонденты-менеджеры обнаруживают тенденцию к наличию у них положительного самоотношения (тест МИС): выражено чувство симпатии к себе, согласия со своими внутренними импульсами, они принимают себя такими, какие есть, пусть и с недостатками, одобряют свои планы и желания, снисходительно относятся к себе. Студенты в большинстве своем не сомневаются в своей способности вызывать уважение, в нали-

Таблица 1
Средние показатели психологических и личностных особенностей структуры личности студентов-выпускников

№	Тест	Код	Среднее значение			ПДС-07 (успеш.)	ПДС-07 (успеш.)	Название переменной
			МДС-07	ПДС-07	МДС-07 (успеш.)			
1	16PF	MD	3,75	5,85	4,14	6,00	«Мотивационное искажение». Желание выглядеть лучше	
2	16PF	FB	3,55	3,54	3,66	2,67	«Выглядеть плохо». Желание выглядеть хуже	
3	16PF	A	5,80	5,38	5,57	5,00	Доброга, середичность +, Обособленность, Отчужденность –	
4	16PF	B	3,60	4,62	3,29	4,67	Интеллект +	
5	16PF	C	6,05	7,08	7,29	7,33	Эмоциональная устойчивость +, Эмоциональная неустойчивость –	
6	16PF	E	5,95	6,00	6,57	6,00	Доминантность +, Конформность –	
7	16PF	F	5,70	5,92	5,71	6,00	Беспечность +, Озабоченность –	
8	16PF	G	4,90	4,69	4,14	4,00	Добросовестный +, Недобросовестный –	
9	16PF	H	6,75	6,69	7,14	6,33	Социальная смелость +, Робость –	
10	16PF	I	5,05	3,38	3,14	3,00	Мягкосердечность +, Жесткость –	
11	16PF	L	4,65	5,85	4,00	6,33	Подозрительность +, Доверчивость –	
12	16PF	M	6,00	6,00	7,14	6,67	Мечтательность +, Практичность –	
13	16PF	N	5,50	4,92	5,00	5,67	Расчетливость +, Наивность –	
14	16PF	O	6,75	5,54	6,14	2,33	Чувство вины +, Уверенность –	
15	16PF	Q1	6,35	7,23	7,29	7,67	Гибкость +, Консерватизм –	
16	16PF	Q2	4,15	4,62	4,00	7,67	Самостоятельность +, Зависимость от группы –	
17	16PF	Q3	4,60	5,62	4,00	6,33	Контроль желаний +, Импульсивность –	
18	16PF	Q4	4,54	4,71	4,71	3,33	Напряженность +, Расслабленность –	
19	РАВЕНА	SET 1	10,00	11,23	11,00	12,00	Тест Равена. Set A	
20	РАВЕНА	SET 2	10,30	10,62	10,86	11,33	Тест Равена. Set B	
21	РАВЕНА	SET 3	7,80	9,31	8,14	10,33	Тест Равена. Set C	
22	РАВЕНА	SET 4	7,50	10,31	9,43	10,67	Тест Равена. Set D	
23	РАВЕНА	SET 5	5,69	4,25	4,66	6,33	Тест Равена. Set E	
24	РАВЕНА	SETGEN	39,85	47,15	44,29	50,67	Тест Равена. Сумма	
25	МИС	I	5,85	6,62	5,86	6,33	Открытость Я	
26	МИС	II	5,60	6,29	6,29	7,33	Самонадежность	
27	МИС	III	5,90	6,31	6,66	6,00	Саморководство	
28	МИС	IV	6,40	6,08	6,71	7,33	Зеркальное (ожидаемое) Я	
29	МИС	V	6,15	6,38	7,00	6,67	Самощенность	
30	МИС	VI	5,15	5,15	6,14	5,33	Самоприятие	
31	МИС	VII	5,95	6,08	6,29	5,33	Самоприязанность	
32	МИС	VIII	4,90	4,69	4,29	3,33	Конформность	
33	МИС	IX	4,05	4,46	3,14	3,00	Самообвинение	
34	ФР1	I	5,95	6,46	4,71	8,00	Невропичность	
35	ФР1	II	6,00	6,00	6,00	7,33	Спонтанная агрессия	
36	ФР1	III	5,75	5,77	4,14	6,67	Депрессивность	
37	ФР1	IV	6,00	6,08	5,43	6,00	Раздражительность	
38	ФР1	V	6,75	7,92	4,71	3,67	Общительность	
39	ФР1	VI	5,85	5,54	6,14	5,33	Уваженность	
40	ФР1	VII	6,60	6,92	6,43	7,00	Реактивная агрессивность	
41	ФР1	VIII	5,65	5,92	4,71	6,00	Застенчивость	
42	ФР1	IX	5,40	5,63	5,66	7,33	Открытость	
43	ФР1	X	5,00	4,38	5,71	4,33	Экстраверсия – Интроверсия	
44	ФР1	XI	5,80	5,46	4,71	6,33	Эмоциональная лабильность	
45	ФР1	XII	5,40	5,00	6,00	4,67	Маскулинизм – Феминизм	

чи у себя качеств, достойных уважения окружающих. Они ощущают удовлетворение от сложившейся жизненной ситуации. У психологов же значения параметров по 9 шкалам оказались в пределах среднего уровня выраженности определенных аспектов самоотношения. Эти данные позволяют сделать вывод о позитивной и адекватной самооценке у студентов-психологов, что выражается в уверенности в себе, адекватном отношении к себе, позитивном оценивании себя и своего «Я» по внутренним критериям духовности, богатства внутреннего мира, способности вызывать в людях положительные эмоции.

Анализ результатов исследования по опроснику FPI свидетельствует о достаточно высоком уровне у выпускников-менеджеров спонтанной агрессивности (шкала II), общительности (шкала VI) и реактивной агрессивности (шкала VII). Это говорит о повышенном уровне импульсивного, агрессивного поведения по отношению к социальному окружению с выраженным стремлением к доминированию, авторитарности, о неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к аффективному реагированию, проявляющемуся в частых колебаниях настроения, повышенной возбудимости, раздражительности, недостаточной саморегуляции. В то же время присутствует выраженная потребность в общении и постоянная готовность к удовлетворению этой потребности. Интерпретация результатов учащихся V курса психологического факультета также выявила наличие повышенных показателей по шкалам V (общительность) и VII (реактивная агрессивность). Высокие оценки по шкале реактивной агрессивности свидетельствуют о завышенном уровне

не психопатизации, характеризующемся агрессивным отношением к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию. Высокие оценки по шкале «общительность» позволяют говорить о наличии у респондентов выраженной потребности в общении с окружающими людьми.

Первые места в списке значимых терминальных ценностей методики Рокича (табл. 2) для выделенных нами групп студентов V курса занимают следующие ценности: «здоровье» и «интересная работа», третье и четвертое места поделили у студентов-менеджеров «активная деятельная жизнь» и «наличие хороших друзей», а у студентов-психологов «любовь» и «счастливая семейная жизнь». Такие ценности, как «красота природы и искусства» и «счастье других» занимают в иерархии ценностей последние места. В группе инструментальных ценностей у учащихся по специальности «менеджмент» лидируют «жизнерадостность», «образованность» и «воспитанность», а у студентов-психологов — «воспитанность», «аккуратность» и «самоконтроль». На основании того что значимыми ценностями для респондентов являются «ответственность» и «образованность», можно говорить о значимой позиции образования для реализации своих возможностей в будущем.

В контексте нашего исследования отдельно рассмотрим личностные и психологические особенности успешно обучающихся студентов (табл. 1 и 2), которые могут послужить в качестве эталонных в процессе профессионального обучения. Для этого из ранее обозначенной выборки мы будем анализировать индивидуально-психологические особенности студентов V курсов, име-

Таблица 2

Результаты теста ценностных ориентаций М. Рокича студентов V курсов

Терминальные ценности	МДС		ПДС		Инструментальные ценности	МДС		ПДС	
	МДС	ПДС	МДС (усеш.)	ПДС (усеш.)		МДС	ПДС	МДС (усеш.)	ПДС (усеш.)
Активная деятельная жизнь	6,90	9,54	5,71	10,67	Аккуратность	8,50	6,38	7,86	9,67
Жизненная мудрость	8,00	8,38	9,00	6,00	Воспитанность	6,35	4,38	5,86	3,33
Здоровье	2,20	1,62	2,57	1,00	Высокие запросы	13,05	15,00	12,86	16,67
Интересная работа	5,15	5,77	4,00	6,67	Жизнерадостность	5,55	8,77	4,86	10,33
Красота природы и искусства	12,35	14,46	10,71	11,67	Исполнительность	10,60	11,92	12,43	10,67
Любовь	8,20	6,38	7,43	6,33	Независимость	10,40	9,23	13,00	11,00
Обеспеченная жизнь	8,05	10,46	8,57	11,33	Непримиримость к недостаткам	14,50	12,54	15,00	9,33
Наличие хороших друзей	6,95	9,08	5,71	12,00	Образованность	5,90	7,38	5,86	9,67
Общественное признание	11,90	13,54	12,71	12,67	Ответственность	7,95	7,00	8,86	8,67
Познание	11,30	9,15	10,57	8,00	Рационализм	8,75	10,38	7,14	6,33
Продуктивная жизнь	10,55	10,08	10,00	10,00	Самоконтроль	7,10	6,46	6,71	6,33
Развитие	8,25	8,00	8,43	10,00	Смелость в отстаивании мнения	10,25	10,85	10,29	9,00
Развлечения	11,45	14,23	12,14	15,33	Твердая воля	11,70	8,46	11,71	10,67
Свобода	12,65	9,62	13,29	11,33	Терпимость	9,00	11,77	8,86	13,00
Счастливая семейная жизнь	8,20	7,54	10,43	9,33	Широта взглядов	10,75	11,92	9,00	9,00
Счастье других	13,35	14,15	13,71	14,00	Честность	7,35	7,54	7,14	8,67
Творчество	13,80	11,31	13,86	11,67	Эффективность в делах	12,20	11,00	12,71	12,67
Уверенность в себе	11,75	7,69	12,14	3,00	Чуткость	11,10	10,00	10,86	6,00

ющи[преимущественно оценки «отлично» и «хорошо».

Данные, полученные в ходе исследования личности успешных студентов факультета менеджмента по методике 16 PF Кеттелла (табл. 1 и рис. 1), говорят о наличии у них следующих характерных черт личности: конкретность и ригидность мышления (фактор В); эмоциональная устойчивость (фактор С); способность принимать самостоятельные, неординарные решения, склонность к авантюризму и проявлению лидерских качеств (фактор Н). Респондентам присуща независимость, ответственность, уверенность в себе и своих силах, гибкость в суждениях (фактор I); открытость, терпимость, уступчивость (фактор L); богатое воображение, умение оперировать абстрактными понятиями (фактор

M); критичность, склонность к экспериментам и к новым идеям (фактор Q1), конфликтность (фактор Q3). Успешные учащиеся V курса психологического факультета по данным теста Р. Кеттелла также характеризуются некоторой ригидностью мышления (фактор В), склонностью к непостоянству, подверженностью влиянию чувств и обстоятельств, импульсивностью поведения (фактор G), самоуверенностью, гибкостью в суждениях, практичностью, иногда может наблюдаться некоторая жесткость и черствость по отношению к окружающим, рациональность, логичность (фактор I). Для них свойственна жизнерадостность, бодрость и активная жизненная позиция (фактор O) свободомыслие, экспериментаторство, наличие интеллектуальных интересов, восприимчивость к перемене

Рис. 1. Графическое представление средних показателей психологического и личностного развития успешных студентов V курса факультета менеджмента и психологического факультета по результатам методики Р. Кеттелла

нам, новым идеям (фактор Q1), спокойствие, невозмутимость (фактор Q4).

Интерпретация результатов успешных пятикурсников-менеджеров по методике Равена свидетельствует о наличии у них среднего уровня интеллекта, а студенты-психологи лучше справились с заданием (табл. 1). Лучшее всего испытуемые справились с дополнением недостающей части изображения (серия «А»), нахождением аналогии между парами фигур (серия «В») и перестановкой фигур по вертикальному и горизонтальному направлению (серия «D»), что говорит о достаточном уровне развития внимательности, уровня статистического представления, воображения и уровня визуального различия, способности к линейным умозаключениям. У студентов факультета менеджмента, в отличие от успешных учащихся-психологов, невысокими оказались результаты серии «С», в основе которой лежит принцип прогрессивных изменений в фигурах матриц, определяющий степень развития динамической наблюдательности, способности представлять. Хуже всего вы-

глядят показатели, полученные при работе респондентов с заданиями серии «Е», показывающие степень развитости способности к аналитико-синтетической деятельности. Полученные данные для наглядности можно представить графически (рис. 2).

Данные, полученные в ходе тестирования успешных респондентов-менеджеров при помощи методики МИС, характеризуют их как склонных воспринимать все стороны своего «Я», положительно оценивать и принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений, что выражается в ощущении симпатии к себе, высокой оценке своего духовного потенциала, богатства внутреннего мира, уверенности в себе, в большинстве случаев помогающей противостоять средовым воздействиям, рационально воспринимать критику в свой адрес.

Анализ данных по тесту МИС показал, что у успешных студентов V курса психологического факультета наблюдается позитивное самоотношение, включающее в себя осознанность того, что

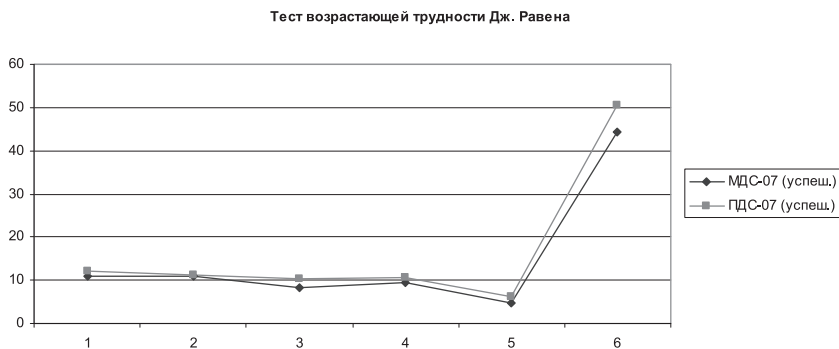

Рис. 2. Графическое представление средних показателей психологических и личностных особенностей структуры личности выпускников психологического факультета и факультета менеджмента по методике Дж. Равенна

основным источником активности и результатов, касающихся как учебной деятельности, так и собственной личности, являются они сами. Отмечается тенденция к личностному росту, так как самопринятие — залог личностного развития. Высокий уровень самооценки свидетельствует о повышении эмоциональной оценки себя, своего «Я».

Обработка результатов успешных студентов V курса факультета менеджмента по опроснику FPI свидетельствует о наличии значимых различий по таким шкалам, как депрессивность (шкала IV), уравновешенность (шкала VI), реактивная агрессивность (шкала VII). Иными словами, для учащихся свойственно хорошее настроение, энергичность и самоуверенность, устойчивость эмоционального состояния, упорность в достижении поставленной цели, хорошая защищенность от воздействия стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующаяся на уверенности в себе. Кроме того, респонденты часто оптимистичны и активны, обладают лидерскими качествами и склонностью к доми-

нированию. У студентов-психологов результаты тестирования свидетельствуют о наличии значимых показателей по следующим шкалам методики: I (невротичность), II (спонтанная агрессия), V (общительность), VII (реактивная агрессивность), IX (открытость). Респондентов можно описать как тревожных, уделяющих повышенное внимание собственным чувствам, иногда склонных к самокритике и самообвинению, не испытывающих сильной потребности к общению с окружающими людьми, отстаивающих свое мнение, эгоцентричных, в чем-то авторитарных.

Анализ результатов исследования ценностных ориентаций по тесту М. Роккича показывает, что в целом у успешных выпускников-менеджеров среди терминальных ценностей, в числе наиболее предпочитаемых оказываются «здоровье», «интересная работа», «наличие хороших друзей», «любовь». Наименее предпочтительными для учащихся ценностями-целями оказались «творчество», «счастье других», «свобода», «общественное признание». У успеш-

ных респондентов-психологов верхнюю часть рейтинга терминальных ценностей занимают ценности «здоровье», «уверенность в себе», «интересная работа» и «жизненная мудрость». В нижней части рейтинга находятся ценности «общественное признание», «развлечение», «счастье других» и «красота природы и искусства».

Среди ценностей-средств у студентов факультета менеджмента наиболее значимы «жизнерадостность», «воспитанность», «самоконтроль» и «честность». Отвергаемыми инструментальными ценностями стали «непримиримость к недостаткам», «независимость», «высокие запросы», «эффективность в делах». Лидирующее положение среди инструментальных ценностей у студентов психологического факультета занимают «воспитанность», «ответственность», «рационализм» и «аккуратность». Наименее значимыми инструментальными ценностями являются «высокие запросы», «терпимость», «эффективность в делах», «исполнительность».

По результатам исследования можно выделить, что успешные студенты более интеллектуально развиты, рациональны, логичны, эмоционально устойчивы, то есть в процессе обучения эти особенности оказались наиболее значимыми для успешного профессионального становления.

Таким образом, студенты-выпускники эмоционально зрелые и хорошо приспособленные, в целом умеют контролировать свои эмоции и поведение, уверены в себе, легко вступают в контакты и любят быть на виду. Полученные результаты успешных студентов выпускного курса (менеджеры и психологи) могут служить эталонной моделью личностных и психологических особенностей, а также быть использованы как средства для оценки уровня личностной подготовки выпускников и оптимизировать образовательный процесс для формирования требуемых качеств личности, навыков, развития интеллектуальный уровень и дать необходимую для профессионального саморазвития базу.

ПРОБЛЕМА НАРУШЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ПОБЕГОВ И БРОДЯЖНИЧЕСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Г. В. Кондратьев

Аннотация: в статье рассматривается связь различных видов нарушенного развития и одной из распространенных форм отклоняющегося поведения — побегов и бродяжничества подростков. Подчеркивается, что данная форма девиантного поведения может встречаться с той или иной вероятно-

стью при различных видах дизонтогенеза: при умственной отсталости, эпилепсии, резидуально-органическом поражении ЦНС, шизофрении, различных типах расстройств личности (в подростковом возрасте при дисгармоничном развитии личности) и акцентуациях характера. Отмечается, что эффективность кор-

реакционных и реабилитационных мероприятий, проводимых с этой формой девиантного поведения, во многом зависят как от точности диагностики основного заболевания, так и от причин побегов и бродяжничества, которые на фоне одной и той же патологии могут быть и одинаковыми, и различными, так же и при различных заболеваниях причины уходов могут быть сходными и могут отличаться.

Ключевые слова: подростковые побеги и бродяжничество, социальные изменения, феноменологические особенности, модифицированная типология побегов, побеги и типы дизонтогенеза, причины побегов и тип дизонтогенеза, эффективность коррекции.

Summary: *in article considering a connection different forms dysontogenes and widespread form deviation conduct — adolescent runaways. Draw attention to the chance combine with a various probability teenage escapes and vagrancy and a different forms dysontogenes: a feeble-mindedness, an epilepsy, a residual-organic affection, a schizophrenia, a different form mental cases and accentuation's character. Take note that an effectiveness of the correction and of the rehabilitation, employing for this form deviation conduct, very dependent on a precision diagnostic basic disease so and on a causes runaways which may be the same type with a different pathology or on the contrary.*

Keywords: *juvenile escapes and vagrancy, social changes, phenomenological features, modified typology of escapes, escapes and types of dysontogenes, reasons of escapes and type of dysontogenes, efficiency of correction.*

Исследование закономерности проявления побегов и бродяжничества несовершеннолетних невозможно без методологического анализа проблемы развития и поведения личности в системе сложившихся общественных отношений. Необходимо также учитывать, что данный феномен это достаточно сложное социально-психологическое явление, обусловленное различными причинами и требующее комплексного подхода при решении проблем психологической коррекции и реабилитации детей и подростков, совершающих побеги из дома.

В отечественной психиатрии и психологии широкое распространение получила типология побегов и бродяжничества подростков А.Е. Личко (1983/2010), выделенная на основании данных А.У. Нураевой (1973), но она не учитывает происшедшие изменения, что подтвердилось и в ходе нашего исследования в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) при ГУВД Волгоградской области, в котором были проанализированы побеги 429 подростков в возрасте от 12 до 17 лет включительно. Значительную часть составили лица мужского пола (299 человек), меньшую — женского пола (130 человек). Большой удельный вес составили несовершеннолетние 14–16 лет (59,1 %), подростки до 14 лет встречались реже (26,8 %), старше 16 лет имели меньший удельный вес (14,1 %).

Данная работа показала, что в популяции существует много несовершеннолетних, чей уход не вписывается в рамки существующих типологий побегов. Так, кроме известных специалистам типов побегов (эмансипационных, импуни-

тивных, демонстративных, дромоманических), которые с течением времени тоже претерпели определенные изменения, на современном этапе можно выделить следующие типы: амбулаторные (от лат. *ambulo* — гулять, ходить), коммунитивные (от англ. *community* — община), спровоцированные.

Следует отметить, что рассматриваемая форма отклоняющегося поведения несовершеннолетних изменилась не только количественно, но и качественно. В нашей работе наиболее частыми были побеги и бродяжничество, которые, в соответствии с классификацией А.Е. Личко, могли быть отнесены к эмансипационному типу (135 подростков), реже — импунитивному (67 человек) и демонстративному (61 человек), в меньшей степени встречались дромоманические побеги (5 подростков).

Сопоставляя полученные результаты с результатами проведенных ранее исследований, в частности А.Е. Личко (1983/2010), можно констатировать определенные изменения.

Эмансипационные уходы уменьшились почти в 1,5 раза (процентное содержание снизилось с 45 до 31,5 % и были представлены 135 подростками). Произошло и качественное изменение этого типа, в частности, в советское время практически не отмечались или встречались крайне редко эмансипационные побеги в компании наркоманов, проституток, неформальных молодежных групп (байкеров, рокеров и др.), в которых также могут отмечаться различные формы девиаций.

Импунитивный тип побегов и бродяжничества ранее стоял на втором месте после эмансипационных и составлял 26 % от общего числа побегов (А.Е. Лич-

ко, 2010), а в настоящем исследовании этот тип побегов занял третье место (67 человек) — 14,5 % от всех побегов и бродяжничества несовершеннолетних, то есть почти в 2 раза реже. Импунитивный тип также изменился качественно по сравнению с советским временем: в подростково-юношеской среде стали модными, если можно так выразиться, американские манеры поведения гипертимно-демонстративного характера: часто проявляются циничные насмешки над слабыми сверстниками или как их называют в молодежной среде «лохами».

Демонстративный тип побегов и бродяжничества занимал четвертое место (61 подросток). В настоящем исследовании он составил 14,2 %, по данным А.Е. Личко — 20 % [2]. Качественное изменение этого типа побегов и бродяжничества в основном связано с социально-экономической дифференциацией нашего общества, выраженным расхождением потребностей и возможностей, элементами зависти к богатым сверстникам, что иногда приводит к конфликтам с родителями и может достигать уровня аффективных реакций демонстративного типа.

Дромоманический тип побегов и бродяжничества (вагабондаж) отмечался реже всего — 1,2 % (5 человек). Во время дромоманического побега часто нарушаются витальные потребности (снижаются инстинкт самосохранения, аппетит, продолжительность сна и др.). Исследования клиницистов показывают, что формирование синдрома дромомании наблюдается при различных нервно-психических заболеваниях. В нашем исследовании дромоманические побеги отмечались при

резидуально-органических поражениях ЦНС и подростково-юношеской шизофрении.

Как отмечалось ранее, кроме типов побегов, подходящих под классификацию А.Е. Личко, был выявлен 161 случай рассматриваемой формы девиантного поведения, который не вписывался в названную типологию. На основе психологических особенностей данных видов побегов и провоцирующих их социально-психологических факторов нами были выделены среди них следующие: коммунитивный, спровоцированный, амбулаторный.

Амбулаторный тип побегов и бродяжничества по частоте занимал второе место (69 человек — 16,1 %) после эмансипационных уходов. В средствах массовой информации и комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав для обозначения этого феномена используется термин *скрытое бродяжничество*, но он не имеет четких границ и иногда под ним понимают миграцию взрослого населения в поисках лучшей жизни, в связи с чем этот тип был нами уточнен и назван *амбулаторным*. Проявляется чаще всего на фоне инфантилизма и начинается с хронических школьных прогулов. Убегая с занятий, несовершеннолетние бродят в поисках развлечений и, как правило, проводят весь день вне семьи, а домой приходят только переночевать.

Коммунитивный тип побегов и бродяжничества стоял на пятом месте и был представлен 54 подростками (12,6 %), напоминал бродяжничество, встречавшееся в дореволюционной России и первые годы советской власти, в том числе с которым работал А.С. Макаренко. К этому типу были отнесены случаи,

когда одна-две и более семей уходили из села или маленького города. В крупном городе снимали недорогое жилье, чаще в частном секторе. Занимались попрошайничеством в подземных переходах, на вокзалах, около рынков, церквей, имели место и случаи криминальных заработков.

Спровоцированный тип побегов и бродяжничества занимал шестое место (38 человек) и составил 8,8 %. Его особенностью являлось то, что кто-либо из членов семьи (чаще всего отчим или мачеха), побуждал подростка переселиться к другим родственникам, поступить на работу или в учебное заведение с общежитием, начать более ранний самостоятельный образ жизни. В большинстве случаев этот тип уходов отмечался в семьях, состоящих во втором браке и пытающихся избавиться от ребенка от первого брака, в семьях с невысоким уровнем социального интеллекта. Встречался также в семьях с низким экономическим статусом, в которых подростка посылали на заработки в крупный город с кем-либо из родственников или знакомых. К спровоцированному типу побегов и бродяжничества следует относить девиации, вызванные локальными военными конфликтами, экологическими катастрофами и т. п.

Таким образом, произошедшие общественно-экономические и социокультурные изменения в российском обществе, естественно, трансформировали и феноменологические особенности побегов и бродяжничества подростков, что подтвердилось и в ходе нашего исследования в ЦВСНП. Знание специфики проявления данной девиации, ее сочетания или трансформации в другие формы отклоняющегося поведения может помочь

Таблица 1

Взаимосвязь видов дизонтогенеза и типов побегов и бродяжничества

Вид дизонтогенеза	Типы побегов													
	Эмансипационный		Амбулаторный		Имунитивный		Демонстративный		Коммунистивный		Спровоцированный		Дромоманический	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
Характерологические реакции	8	5,9	4	5,8	--	--	3	4,9	--	--	--	--	--	--
Патологические реакции и патохарактерологическое развитие	83	61,5	38	55,0	31	46,2	45	73,8	24	44,4	29	76,3	--	--
Резидуально-органическое поражение ЦНС (без интеллектуального снижения)	44	32,6	21	30,4	27	40,3	13	21,3	19	35,2	7	18,5	--	--
Резидуально-органическое поражение ЦНС (со снижением интеллекта)	--	--	3	4,3	3	4,5	--	--	5	9,3	--	--	3	60,0
Умственная отсталость	--	--	--	--	4	6,0	--	--	6	11,1	1	2,6	1	20,0
Шизофрения	--	--	--	--	2	3,0	--	--	--	--	1	2,6	1	20,0
Другие формы дизонтогенеза	--	--	3	4,3	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
Всего	135	100	69	100	67	100	61	100	54	100	38	100	5	100

в разработке эффективных коррекционных программ, профилактической и реабилитационной работе, при прогнозировании особенностей поведения в дальнейшем. Разработка и реализация таких программ также перспективна и в будущем, поскольку побег и бродяжничество несовершеннолетних распространены не только в развивающихся и/или переживающих кризисные годы странах, но и в относительно стабильных и экономически сильных государствах [1, 4, 5].

При изучении психологических черт личности несовершеннолетнего, склонного к уходам и бродяжничеству, пристальное внимание уделяется типу нарушенного развития, так как от последнего зависит (в большой или меньшей степени) риск возникновения девиантного поведения в целом и побегов из дома в частности, включая и их типо-

логические особенности.

Побеги и бродяжничество несовершеннолетних могут встречаться при различных видах дизонтогенеза. Действительно, проявление этой формы девиантного поведения на фоне умственной отсталости, эпилепсии, резидуально-органического поражения ЦНС, шизофрении, различных типов расстройств личности (в подростковом возрасте при дисгармоничном развитии личности) и акцентуаций характера отмечают многие исследователи [2–4 и др.].

Побеги и бродяжничества не являются девиацией, специфичной для какого-либо конкретного психоневрологического заболевания, но совпадают с возрастными фазами развития, особенно если последние протекают дисгармонично. При этом в психотерапевтической работе акцент делается на основном заболевании (например, расстройстве лич-

ности, умственной отсталости), а не на особенностях реагирования и социальных причинах, толкающих к уходу.

В таблице 1 приведены данные, показывающие численное и процентное соотношение при различных видах дизонтогенеза у несовершеннолетних, совершивших побег и бродяжничество различного типа.

Из таблицы 1 видно, что основную часть в популяции несовершеннолетних, совершивших побег и бродяжничество, составили подростки с патологическими реакциями и патохарактерологическим развитием. Почти в 2 раза реже встречались несовершеннолетние с резидуально-органическим поражением ЦНС (без снижения интеллекта). Подростков с характерологическими реакциями, резидуально-органическим поражением ЦНС (снижением интеллекта), умственной отсталостью в популяции несовершеннолетних, совершивших побег и бродяжничество, отмечалось на много меньше. Подростки, больные шизофренией, и с другими видами дизонтогенеза встречались в ЦВСНП редко.

Необходимо отметить, что эффективность коррекционных и реабилитационных мероприятий, проводимых с дан-

ной формой девиантного поведения, во многом зависит как от точности диагностики основного заболевания, так и от причин побегов и бродяжничества, которые на фоне одной и той же патологии могут быть как одинаковыми, так и различными, так же и при различных заболеваниях — причины побегов и бродяжничества могут быть одни и те же.

Таким образом, в работе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, рассматривающих дела подростков, совершающих побег и бродяжничество, большое значение имеет выявление патологии, глубокое исследование причин уходов, правильность выбора субъекта профилактики.

Литература

1. Дольто Ф. На стороне подростка / пер. с фран. А.К. Борисовой. — СПб.: Петербург — XXI век, 1997. — 278 с.
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — СПб.: Речь, 2010.
3. Нураева А.У. Побег из дома при патологических нарушениях поведения у подростков. — Л., 1973.
4. Ремшмидт Х. Детская и подростковая психиатрия / пер. с нем. Т.Н. Дмитриевой. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. — 626 с.
5. Violence in families of adolescent runaways / E.D. Farber, C. Kinast, W.D. McCoard, D. Falkner // Child abuse and neglect. — USA, 1984. — Vol. 8.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

А. А. Канчурина

Аннотация: в статье представлены результаты исследования социально-психологических аспектов и детерминант совершения насильственных пре-

ступлений против близких родственников. Рассмотрены особенности взаимоотношений в родительской семье осужденных и их влияние на формирование

психодинамических комплексов личности, направляющих характер внутри-семейного взаимодействия в насильственное русло.

Ключевые слова: насильственные преступления в отношении близких родственников, психодинамика личности и поведения в сфере внутрисемейного взаимодействия, криминальная социализация, семейная социализация, психодинамический комплекс, самооценка дефицитов.

Summary: *this article presents the results of research on the socio-psychological aspects and determinants of violent crime against a close relative. The features of the relationship in the family of the convicted and their influence on the formation of complexes of psychodynamic personality, character guides intra interaction in violent course.*

Keywords: *violent crimes against relatives, psychodynamics of personality and behavior in the field of intra-interaction, criminal socialization, family socialization, self-esteem deficits, psychodynamic complex.*

Все имеющиеся на сегодняшний день исследования проблем психологии внутрисемейного насилия объединяет актуализация разных видов ущерба (психологического, социального, материального и др.), который обуславливают различные проявления семейного насилия. Однако построение целостной объективной картины состояния семейного насилия в современном обществе затрудняется очевидным креном в самой формулировке вопроса гендерных исследований такого рода. Подавляющее большинство работ посвящено изучению особенностей насилия мужчин

над женщинами при их совместном проживании и психологических трудностей, возникающих у женщин — жертв насилия. Исследования же насилия в отношении близких родственников женщинами в современной юридической психологии исследуются достаточно редко.

Предпринятое нами исследование проблем насилия над близкими родственниками проведено на экстремальной выборке, выборке осужденных (по ст. 105 и 111 УК РФ), отбывающих наказание за совершение насилия, повлекшего смерть близких родственников. При этом первым, лежащим на поверхности фактом, который нам удалось установить, что осужденных за насильственные преступления против близких родственников среди женщин в абсолютных цифрах приблизительно на порядок (почти в десять раз) больше, чем среди мужчин. В процентном соотношении в женских колониях число осужденных, отбывающих наказание за подобные преступления, доходит до 15%. Во время как в мужских колониях этот показатель значительно ниже (до 3%).

В нашем исследовании было опрошено 310 респондентов женщин и 100 респондентов мужчин, отбывающих наказание за насильственные преступления в отношении близких родственников.

В качестве сравнительных выборок мы использовали данные диагностики женщин, осужденных за насильственные преступления, где потерпевшими явились не близкие родственники (то есть за насилие над чужими людьми), а также женщин, отбывающих наказания за корыстные преступления.

Поскольку именно для женской преступности характерно ярко выраженное

близкородственное насилие значительная часть нашего исследования посвящена рассмотрению именно социально-психологических особенностей осужденных женщин.

В научной литературе приведено множество детерминант семейного насилия. Это и социокультурный контекст, и социально-экономический статус супругов, и опыт переживания и наблюдения насилия в детстве, и алкоголизм и др. Иными словами, на возникновение насилия в семьях влияют как объективные причины, так и индивидуальные особенности личности [2].

Показательно, что среднее число судимостей в исследуемой группе осужденных женщин, совершивших насилие в отношении близких людей, самое маленькое — 1,1, по сравнению с 1,7 у совершивших кражи и 2,1 у совершивших насилие над чужими людьми и 2,49 у мужчин, совершивших близкородственное насилие.

Так, если мужчины к 36 годам имеют более 2 судимостей, женщины, осужденные за кражу, к 35 годам уже имеют в среднем 1,7 судимости и опыт отбывания наказаний в местах лишения свободы, а осужденные за насилие над чужими людьми к 35 годам имеют 2 судимости, то осужденные за насилие над близкими к 38 годам имеют всего 1,1 судимости. Иными словами, по сравнению с мужчинами, женщинами, осужденными за кражи, и женщинами, осужденными за насилие над чужими людьми, женщины, совершившие насилие над близкими, имеют меньше всего криминального опыта и являются самыми криминально незараженными. Таким образом, степень влияния криминальной социализации на близкородственное насилие ми-

нимальна и причины такого преступного насилия лежат скорее в области индивидуальной психологии и особенно психодинамики личности и поведения в сфере внутрисемейного взаимодействия.

Обратимся теперь к сравнительному анализу некоторых социально-демографических особенностей осужденных за преступления против близких родственников женщин. Данные распределения осужденных по возрасту показывают, что средний возраст женщин, совершивших насилие над близкими родственниками, — 38 лет, что выше среднего возраста осужденных за кражи (35,26 лет) и за насилие над чужими людьми (36 лет). Итак, насилие над родственниками совершают женщины разных возрастов, в то время как обычное насилие и кражи — более молодые женщины.

Средний возраст мужчин, осужденных за близкородственное насилие, — 35,5 лет, что указывает на то, что насилие над родственниками мужчины совершают в более раннем возрасте и вероятнее всего внутренняя готовность к такому поступку формируется у мужчин быстрее и является следствием криминальной социализации личности, а у женщин она формируется дольше и выступает следствием влияния индивидуально-психологических и социально-психологических факторов.

Образование женщин, осужденных за насилие над близкими родственниками, значимо не отличается от образования осужденных женщин сравнительных групп. Этот факт может свидетельствовать об отсутствии связей уровня образования и особенностей криминального поведения в отношении близких родственников у женщин. Это гово-

рит о меньшей роли в формировании данного преступного типа женщин фактора внешней социализации и большей роли семейного воспитания и семейной социализации.

Статистически значимы более низкий уровень образования мужчин и большее количество судимостей, говорящее о том, что насильственные преступления против близких родственников у мужчин носят несколько иной характер, обусловленный, в том числе социально-педагогической запущенностью (во всяком случае, что касается образования), и ранней криминализацией личности.

Процент женщин, состоявших в браке, совершивших насилие в отношении близких людей, самый низкий среди всех групп испытуемых и значительно более низкий по сравнению с другими группами преступниц. Это указывает на отсутствие опыта именно женской гендерной социализации, неспособности строить и поддерживать брачные отношения. Данный факт косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что женщины, склонные к насилию относительно близких людей, лично утратили женскую сущность с ее естественными потребностями и поведенческими проявлениями. При этом частота встречаемости работающих до осуждения выше всего в группе женщин, совершивших преступное насилие против близких людей.

Итак, они реже состоят в браке и чаще работают. Если исходить из естественного стремления женщин к семье и детям, то эти характеристики тоже можно оценить как наименее женские, что также косвенно подтверждает нашу гипотезу. Наличие работы у почти половины группы испытуемых женщин, совершивших преступное насилие про-

тив близких людей, говорит и о большей вероятности получения некриминальных средств к существованию и косвенно подтверждает наличие у них низкой криминальной зараженности. Женщины, отбывающие наказание за насилие в отношении близких родственников, реже представителей других групп совершают преступление в соучастии. При этом также редко это делают мужчины в отношении близких родственников. Таким образом, большинство мужчин и женщин, совершающих преступления против близких, избегают стороннего участия и действуют в одиночку, что свидетельствует о некоей глубоко скрытой интимности совершаемого, очень личном характере преступного поступка. Напротив, корыстные преступления и насилие в отношении сторонних лиц гораздо чаще совершаются женщинами в соучастии.

Женщины, отбывающие наказание за насилие в отношении близких родственников, реже представителей других групп испытуемых воспитывались в полной семье, при этом неполная семья редко была семьей без матери. Особенности взаимоотношений между родителями в таких семьях, согласно нашему опыту работы с осужденными женщинами, совершившими преступное насилие в отношении близких людей, действительно носили конфликтный, насильственный характер и могли определять модель поведения испытуемых в отношении близких людей.

Напротив, для испытуемых мужчин, совершивших насилие в отношении близких, значимо выше частота встречаемости воспитания в семье бабушкой и дедушкой, что в значительной мере способствует развитию чувства бес-

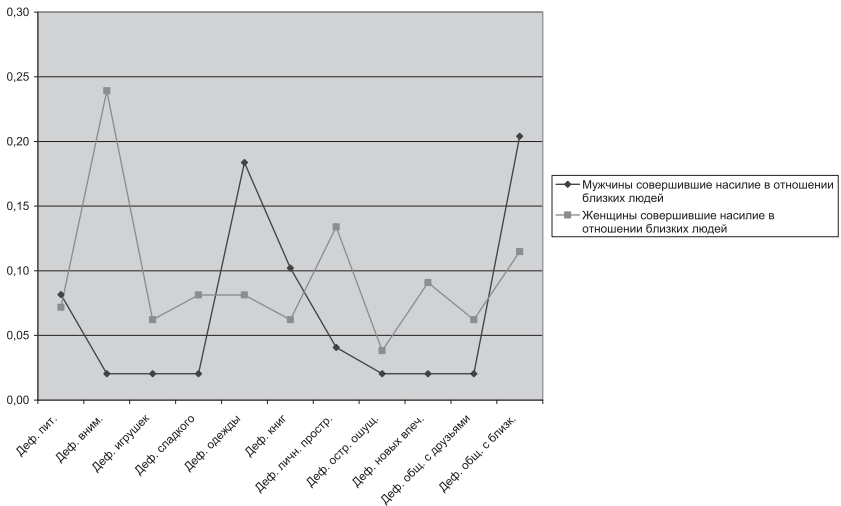

Рис. 1. Средние показатели самооценки дефицитов в детстве в группах испытуемых осужденных мужчин и женщин

контрольности и в целом социально-педагогической запущенности.

Из этого можно сделать вывод, что воспитание мальчиков в среднем закладывает иные социально-психологические основы для совершения преступления против близких, а именно социально-педагогическая запущенность, вседозволенность, низкий уровень образования и социализации, в то время как воспитание девочек формирует у них гораздо более глубокие психодинамические комплексы.

Очень хорошей иллюстрацией только что сделанному выводу являются результаты исследования самооценки дефицитов, испытываемых в детстве. По опыту использования этой методики в пенитенциарных психологических исследованиях (в частности, в лаборатории «Криминальная деструктивность личности» Академии ФСИН России) можно сказать, что видение своих де-

фицитов в детстве существенно зависит и от наличной ситуации, в которой находится испытуемый. Так, Д.В. Сочивко и Н.А. Поляниным было показано, что оценки изменяются у одних и тех же курсантов на первом и втором курсе обучения. Однако в этих изменениях можно видеть и некоторое постоянство. Метод отражает отношение и к своему детству, и к наличной ситуации. Точнее именно отношение к дефицитам в детстве через призму наличного состояния. Для нас это особенно важно, так как анализируя полученные результаты, мы можем говорить о том, как женщина, совершившая преступное насилие в отношении близких, в сравнении с другими группами испытуемых, переживает и ощущает тот личностный комплекс, который был заложен в ней с детства, в процессе воспитания.

Из рисунка 1 можно увидеть, что для мужчин, совершивших насилие в отно-

шении близких, имеют место дефицит одежды и дефицит общения с близкими. Это хорошо согласуется с интерпретацией бабушкиного и дедушкиного воспитания, данного ранее. Бабушки не позволяют надевать одежду, которая воспринимается их ровесниками, а общение с ними как с близкими практически невозможно из-за полного отсутствия понимания, обусловленного межпоколенческими различиями.

У женщин же эти показатели значительно ниже, чем у мужчин. Однако имеются два других дефицита (у мужчин эти показатели, напротив, низкие) — дефицит внимания и дефицит личного пространства.

С детства лишенная внимания окружающих, в том числе, видимо, родственников, включая мать, погруженную в проблемы семейных конфликтов, воспитание которой сводится лишь к ограничениям (дефицит личного пространства), подрастающая женщина сохраняет этот комплекс «никому ненужности» и защищается от него, нападая и агрессивно на своих же близких (родственников), которые ущемляют ее в личностном пространстве.

От самооценки дефицитов, испытываемых в детстве, логично перейти к анализу еще больших неприятностей, которые мог испытывать ребенок, а именно самооценки наказаний, их частоте, справедливости и несправедливости.

В работах исследователей, изучающих дезадаптированные семьи, криминологов и психологов, оценивающих роль семьи в генезе преступного поведения, накоплено значительное количество подтверждений межпоколенной передачи образцов насильственного поведения в семьях. В нашем эмпириче-

ском исследовании мы отдельно анализировали особенности картины внутрисемейного насилия в детстве у женщин и мужчин, осужденных впоследствии за тяжкое насилие в отношении близких родственников.

Полученные данные подтверждают, что женщин, впоследствии совершивших тяжелое насилие над близкими, наказывали в семье гораздо чаще, чем мужчин. Причем мать чаще инициировала наказание, чем отец, видимо, активно привлекая отца. Сам отец берет на себя ответственность за наказание гораздо реже. В целом роль матери в наказаниях у будущих осужденных данной категории выше, чем у отца. Возможно, это играет определенную роль в формировании комплекса неприятия близких людей. Мать гораздо чаще, по мнению осужденных, осуществляет справедливые наказания и совсем мягкие. Отец склонен чаще осуществлять не слишком мягкие наказания. Эти данные говорят об определенной тенденции к манипулятивности при применении наказания со стороны матери и большей прямолинейности и последовательности в наказаниях отца.

Характерно, что отец в целом чаще склонен наказывать мальчиков, применяя справедливые и относительно мягкие наказания. В то время как девочек чаще наказывает мать. Различия оценки осужденным справедливых наказаний матерью и отцом статистически значимо. В целом отец реже наказывает девочек, чем мать.

Такое положение дел является полностью противоположным тому, каким оно должно быть согласно современным представлением мировой психологии о роли отца и матери в воспитании.

Так, Э. Фромм подчеркивает, что «отцовская любовь по сравнению с материнской — любовь «требовательная», условная, которую ребенок должен заслужить. Отцовская любовь не является врожденной, а формируется на протяжении первых лет жизни ребенка. Для того чтобы заслужить отцовскую любовь, ребенок должен соответствовать определенным социальным требованиям и отцовским ожиданиям в отношении способностей, достижений, успешности. Любовь отца служит как бы наградой за успехи и хорошее поведение».

Согласно представлениям А. Адлера, роль отца в воспитании также заключается в поощрении активности, направленной на развитие социальной компетентности. Если мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, то отец проторяет ему путь к человеческому обществу. Отец является для детей источником познаний о мире, труде, технике, способствует формированию социально полезных целей и идеалов, профессиональной ориентации.

А. Греймс отмечает: *«Материнская забота обеспечивает возможность принятия, отцовская же забота побуждает к отдаче. И то и другое необходимо для развития личности».*

Психиатр Р. Кэмпбелл отмечает, что влияние отца на половую идентификацию девочки наиболее значительно проявляется в период юности. *Половая идентичность девочки есть одобрение себя самой как достойной представительницы женского пола.* Именно в этом возрасте (13–15 лет) она должна получить признание своей значимости как будущей женщины в основном от отца. Он способствует формированию у до-

чери позитивной самооценки, выражая одобрение ее действиям, способностям, внешности. У девочек, воспитывающихся без отцов, при отсутствии реальной модели отношений между мужчиной и женщиной может сформироваться нереалистичное отношение к лицам мужского пола [1].

Итак, наши испытуемые — осужденные за тяжкое насилие в отношении близких родственников, согласно полученным результатам, оказываются как раз в среднем в значительной своей части лишенными материнской интимности и направляющей функции отца. Это подтверждается большей частотой воспитания в неполных семьях. Однако и в полных семьях, где воспитывались будущие осужденные за подобные преступления, картина взаимоотношений с отцом и матерью оказывается извращенной. Мать берет на себя несвойственные ей функции отца, то есть большей требовательности и наказания, причем особенно это касается воспитания девочек, более всего нуждающихся в интимности как образце будущего отношения с близкими.

Лишенные же этого девочки копируют образ карающей матери, и подсознательно принимают на себя эту модель поведения в отношении близких. Собственно же потребность в близких интимных отношениях подавляется. Напротив, мальчики, лишенные материнской интимности, позже входят в более или менее естественную для себя роль требовательного и карающего члена семьи. В связи с этим совершение тяжкого насилия в отношении близких не противоречит их мужской сущности, но противоречит нравственным нормам и уголовному законодательству.

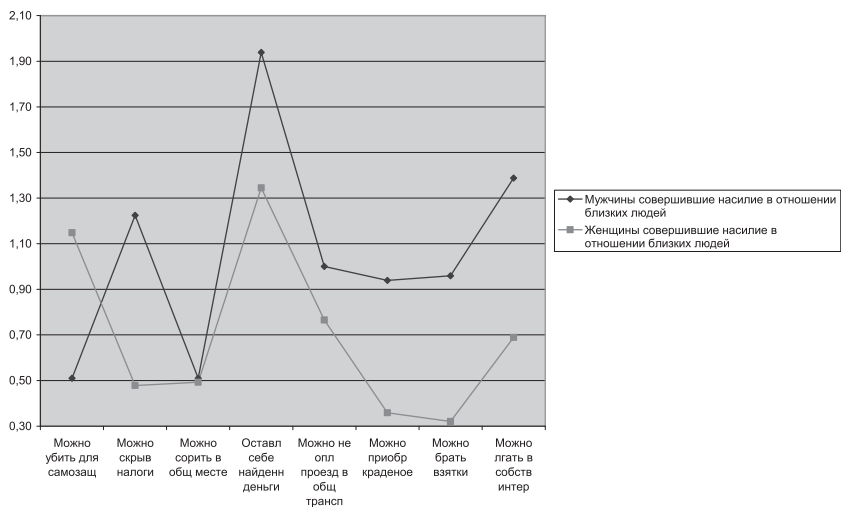

Рис. 2. Средние показатели к социальным и правовым нормам общества в группах испытуемых мужчин и женщин

То, что они способны на такие преступные действия, скорее объясняется указанной и проанализированной ранее социально-педагогической запущенностью, несформированностью морально-нравственных норм. У женщин же, повторим еще раз, подобное преступление является еще и следствием внутриличностного надлома, утраты женской сущности, специфического женского ресурса личностного развития.

Чтобы увидеть эти картины воспитания еще более отчетливо обратимся к анализу ненаказательных, а «фоновых» физических воздействий на осужденных исследуемой категории в детстве.

Подзатыльники и наказания ремнем девочки чаще получали от матери, а не от отца. Девочек чаще, чем мальчиков, именно мать душила и сильно избивала.

Отец чаще использовал подзатыльники и ремень в отношении мальчиков, мать же чаще лишала мальчиков жи-

на, была предметами (возможно опасаясь сопротивления) и швыряла на пол.

Следствием такой атмосферы в семье для мальчиков, видимо, стало зачатое желание мести по отношению к близким, для девочек это же желание является одновременно и личностной деструкцией, утратой способности обретения женственности. Естественная для мальчиков агрессивная самозащита, отнюдь не является такой же естественной для девочек. Для мальчиков уже в раннем подростковом возрасте становится естественным помышлять об ответной агрессии в отношении родителей, вопрос только в реальной возможности, которая появится по мере взросления в ближайшем будущем.

Для девочек ответное насилие в подростковом возрасте все еще остается неприемлемым. Что-то должно окончательно сломаться в ее гендерном типе, чтобы женщина пошла на насильственные действия в отношении близ-

ких. В результате исследования выявлено, что максимум, что может позволить себе девочка, будучая осужденная за насильственные преступления в отношении близких, наравне с мальчиками, это накричать на отца. Причем именно на отца, а не на мать.

В подростковом возрасте девочки все еще тяготеют к матери, сочувствуют ей в сложной семейной ситуации, видимо, ожидая той самой интимности, которой они не получили и скорее всего не получат.

По какой-то странной закономерности именно будущим осужденным за насильственные преступления над близкими женщинам довелось расти в семьях, где отец в гораздо большей степени, чем в семьях с мальчиками оскорблял мать, отец толкал мать, отец бил мать, отец угрожал матери.

Таким образом, совершение преступлений насильственного характера в отношении близких родственников мужчинами обусловлено в первую очередь затаенным чувством мести близким за жестокие наказания детства, а также социально-педагогической запущенностью и несформированностью морально-нравственных норм, ранней криминализацией. Это хорошо иллюстрируют результаты, представленные на рисунке 2.

Как можно видеть, в отношении всего комплекса самых простых моральных норм мужчины проявляют большую готовность их нарушать, чем женщины. Исключение составляет убийство в целях самозащиты, в этом случае именно женщины проявляют большую готовность. Что является причиной таких различий отношения к убийству? На наш взгляд, мужчины более трезво оцени-

вают последующую уголовную ответственность за убийство (самозащиту еще надо доказать, тем более криминально зараженному человеку).

Женщины скорее ориентируются на внутрилличностные установки, в частности на сформировавшийся в детстве дефицит личностного пространства, которое они и намерены защищать, не думая о последующем наказании.

В целом женщины совершают насильственные преступления в отношении близких не по причине моральной недоразвитости (хотя и это присутствует, но не на первом плане), а по причине несформированности естественной женственности, свободы интимных проявлений, несформированности женского нежного и охраняющего отношения к близким. По существу такие женщины принимают на себя мужскую роль мстителя, но если она естественна для мужчин, для женщин она является следствием деформации и даже деструкции женской сущности.

Остановимся теперь коротко на вопросе различий социально-психологических и социально-демографических различий между осужденными, совершившими преступления в отношении разных категорий лиц, а именно: отца, матери, мужа/жены (партнера), собственных детей.

Особенности взаимоотношений между членами семьи для исследователей — относительно закрытое явление. Неприкосновенность и независимость семей ценят во всех обществах, право на невмешательство в частную и семейную жизнь гарантируется документами по правам человека. Между тем факты, касающиеся преднамеренного оставления детей без внимания и насилия в от-

Рис. 3. Средний возраст осужденных женщин, совершивших насильственные преступления в отношении разных категорий родственников

ношении детей, совершаемого родителями и другими близкими членами семьи, с огромной частотой попадают на страницы научной и новостной печати. С рождения и до совершеннолетия дети уязвимы в отношении различных форм насилия в их семьях. Если учесть, что внутрисемейное насилие характеризуется значительной латентностью, то становится очевидной актуальность исследования проблем внутрисемейного насилия в отношении детей и его профилактики.

В большинстве случаев физическое насилие в отношении детей в семьях не носит смертельного характера и не влечет за собой нанесения постоянных или серьезных видимых телесных повреждений. Вместе с тем в некоторых случаях насилие в отношении детей в семье становится причиной их гибели, хотя часто родственники не планировали таких последствий.

В рамках проводимых нами исследований проблем психологии внутрисемейного насилия показана высокая частота совершения насилия над близкими родственниками со стороны женщин.

Ранее нами были рассмотрены некоторые социально-психологические и социально-демографические особенности личности осужденных женщин в сравнении с мужчинами и другими осужденными женщинами, совершившими насилие в отношении близких родственников, независимо от того, кем именно приходится жертва осужденной.

Теперь представим сравнительный анализ социально-психологических особенностей осужденных женщин в зависимости от того, в отношении кого было совершено преступление.

Рассматривая социально-демографическую характеристику осужденных женщин, мы видим, что преступления в отношении детей совершаются женщинами в более раннем возрасте, чем преступления в отношении мужей и сожителей, но несколько позже, чем в отношении родителей (рис. 3).

При этом уровень образования несколько выше, чем у опрошенных из других групп. Характерно, что более высоким уровнем образования обладают насильницы, совершившие преступление в отношении мужа и детей. В отношении

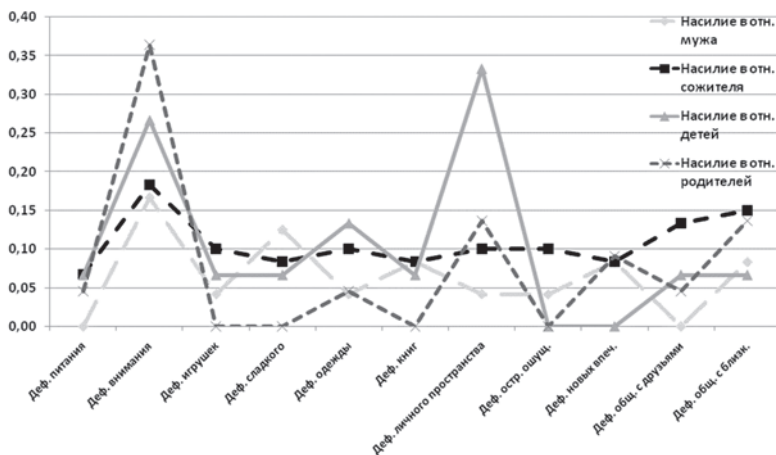

Рис. 4. Структура дефицитов, которые испытуемые испытывали в детстве

сожителей и родителей совершают преступления менее образованные женщины. Вероятно, им не хватает интеллектуальных возможностей просто уйти от сожителя или родителей, что труднее сделать в отношении мужа или ребенка.

Анализ дефицитов, которые испытывали наши респонденты в детстве, показывает, что выборка женщин, осужденных за насилие над своими детьми, характеризуется значительным пиком по шкале «дефицит личного пространства» (рис. 4). В профиле дефицитов испытуемых также выражен дефицит внимания. Те же респонденты указывают, что в детстве проживали в одном жилом помещении совместно с другими родственниками. Таким образом, факт скученного проживания в детстве и субъективного дефицита личного пространства, переживаемый женщиной, вероятнее всего приводит ее к подсознательному гипертрофированному стремлению оберегать личностное пространство. Ребенок же по определению долгое время значительно

вторгается в личное пространство матери, серьезно ограничивая эту потребность, что может приводить к ее хроническому перераздражению и подсознательному стремлению удалить ребенка.

На гипотезу о значимости фрустрации личного пространства в генезе насильственного поведения в отношении собственных детей указывает и тот факт, что данные испытуемые чаще испытываемых из других групп имели младших братьев или сестер и старших сестер. Иными словами, уже в детстве, помимо собственного желания, они постоянно вынуждены были делить личное пространство с другим человеком, и конкурировать с ним за внимание близких, дефицит которого также характерен для испытуемых.

Интересным является факт, что женщины, совершившие насилие в отношении детей, чаще имели старших сестер, а совершившие насилие в отношении мужей и сожителей — старших братьев. Можно предположить, что старшие бра-

тя демонстрировали модель насильственного поведения, которая способствовала формированию у женщин ответного агрессивного поведения, что впоследствии выразилось в повышенном уровне насилия в отношении близких мужчин. Старшие сестры в семьях, вероятно, осуществляли опеку над младшими детьми и в меньшей мере демонстрировали физическое насилие, скорее это была гиперопека, которая часто связана с вторжением в личное пространство опекаемых сестер. В выборке нашего исследования были опрошены несколько испытуемых, совершивших тяжкое насилие в отношении братьев, но мы не рассматриваем данную группу в качестве сравнительной из-за незначи-

тельного размера. В выборку исследования не попали испытуемые, осужденные за насилие в отношении сестер, что может говорить о незначительном количестве подобных преступлений в структуре близкородственного насилия в целом. Таким образом, в перспективных исследованиях весьма интересно определить особенности сиблингового насилия мальчиков и девочек в дезадаптивных семьях.

Литература

1. Солодников В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи. — СПб., 2007.
2. Авдеева Н.Н. Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/10371.php>.

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ

О. Э. Скопчик

Аннотация: в статье описываются особенности психического развития в подростковом и юношеском возрасте. Представлены эмоционально-волевая, познавательная, ценностно-смысловая и мотивационно-потребностная сферы личности, особенности самосознания. Указывается на возрастные особенности несовершеннолетних, которые оказывают наиболее значимое влияние на функциональное проявление правосознания и сознательно-волевою саморегуляцию поведения. К ним автор относит: эмоциональную неустойчивость и преобладание импульсивности поведения; притязания на признание взрослости,

потребность в самоутверждении и независимости; слабо развитое практическое и правовое мышление; потребность быть членом значимой группы и в самовыражении перед ее членами, стремление идентифицировать себя с ней.

Ключевые слова: возрастные особенности психики, несовершеннолетние, подростковый и юношеский возраст, эмоционально-волевая, познавательная, ценностно-смысловая и мотивационно-потребностная сферы личности, правосознание, сознательно-волевая саморегуляция.

Summary: the article describes the characteristics of psychological develop-

ment during adolescence and young adulthood. Presented emotional-volitional, cognitive, value-sense and need-motivational sphere of the individual, especially the self-consciousness. Points to the age characteristics of juveniles that have the most significant effect on the functional expression of justice and conscious and volitional self-regulation of behavior. These author includes: emotional instability and the prevalence of impulsive behavior, claims for recognition of adulthood, the need for self-assertion and independence; poorly developed practical and legal thinking, the need to be a member of the relevant group, and self-expression to its members, the desire to identify with it.

Keywords: *age-appropriate mental, juvenile, adolescence and early adulthood, emotional and volitional, cognitive, value-sense and need-motivational sphere of the individual, legal awareness, conscious-volitional self-regulation.*

Согласно правовому определению несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет считаются подростками. В психологии данный возраст относят к подростковому и юношескому периоду развития человека [8].

Подростковый и юношеский возраст считается важным этапом в становлении личности и представляет собой сложный период в процессе ее развития. Это связано с физиологической перестройкой организма, началом полового созревания подростков, которые повышают восприимчивость организма к действию разнообразных факторов среды и снижают его сопротивляемость, а также с психическим развитием подростка, основная роль в котором принадлежит социальной ситуации раз-

вития подростка — складывающейся новой системе его взаимоотношений с обществом [2].

Следствием гормональных и физиологических процессов считают изменения, происходящие в эмоционально-поведенческой сфере подростка, являются психическая неуравновешенность и эмоциональная неустойчивость, раздражительность, утомляемость, перепады настроения [2; 8; 11; 12]. И.А. Фурманов отмечает, что эмоциональные и поведенческие особенности подростков нередко могут носить агрессивный характер [14]. Эмоциональной неустойчивость, преобладание импульсивности поведения снижают рациональный, в том числе правовой самоконтроль несовершеннолетних. Вероятность импульсивного поведения особенно высока в сложных для подростка обстоятельствах: ситуациях конфликтного взаимодействия с другим человеком, остро переживаемой потребности, что может выражаться в нерациональных способах разрешения проблемных ситуаций, трудностях произвольного сдерживания удовлетворения потребностей в случае невозможности их реализации в данный момент. При столкновении с подобного рода жизненными ситуациями несовершеннолетние используют ограниченный набор социально приемлемых способов разрешения либо прибегают к неконструктивным стратегиям поведения [9; 11]. Неразвитость сознательной воли препятствует всесторонней оценке обстоятельств и учету последствий собственного поступка, способствует психологическому заражению и податливости чужому влиянию.

Существенные изменения происходят в познавательной сфере несовер-

шеннолетних. Характеризуя уровень когнитивного развития в отрочестве и юности, авторы отмечают, что это «абстрактное, теоретическое, гипотетико-дедуктивное мышление, не связанное с конкретными условиями социальной среды, существующими в данный момент» [15, с. 270]. У них не достаточно развиты теоретическое понятийное и вербальное мышление, обобщение, образный анализ и синтез, а также различными являются познавательные потребности. У старших подростков выявлен чуть более высокий уровень интеллектуального развития, но его также недостаточно [15]. Считается, что в данном возрасте начинает формироваться социальное мышление — важнейший компонент социального интеллекта личности, необходимого в решении сложных жизненных ситуаций: выборе поступка, обдумывании собственных действий в соотношении с действиями другого человека и т. п. [9]. У подростков отмечаются трудности в прогнозировании последствий своего поведения, которые рассматриваются ими в основном в отношении себя [1]. По мнению Г.М. Кучинского, именно социальное, а не формально-логическое мышление способно решать подобного рода жизненные задачи [9]. Социальный интеллект представляет собой интеллектуальные способности, определяющие адекватность понимания поведения людей, и обеспечивает адаптацию личности к социальной среде [5]. Было установлено, что для большинства современных старшеклассников свойственен заниженный и низкий уровни развития эмпатии. Одну из причин этого усматривают в наличии предубеждений по отношению к людям, слабом развитии способности иденти-

фицировать себя с другим человеком, сопереживать, ожидании негативного к себе отношения, неприятии и непонимании себя [10]. Вместе с тем общевозрастные особенности развития мышления у подростков и юношей имеют индивидуальные различия.

Таким образом, подростковый и ранний юношеский возраст представляют собой период интенсивного развития когнитивной сферы, и прежде всего интеллектуальных возможностей. Обучение создает условия для развития абстрактного и формально-логического мышления, что способствует формированию умений рассуждать, оперировать понятиями и гипотезами. Однако в действительности наблюдаются существенные индивидуальные различия в развитии мышления. Новые формы и операции мышления, которыми овладевают несовершеннолетние, преимущественно реализуются на занятиях в процессе обучения, при столкновении же с реальными проблемными жизненными ситуациями подростки испытывают трудности. Включение несовершеннолетних в социально-правовые отношения предполагает не только овладение нравственными и правовыми понятиями, но обязательно осмысление и постижение их ценностного смысла, умение использовать знания при решении конкретных жизненных задач. Невысокий уровень развития практического мышления, глубины и критичности ума, несформированность социального интеллекта и волевых качеств, крайне малый жизненный опыт несовершеннолетних делают проблематичным успешное решение подобного рода задач. В правовом поведении данные особенности личности затрудняют всесторонний анализ обстоя-

ятельств, предвидение развития событий, прогнозирование и учет возможных последствий. Недостаточно развитая способность понимать другого человека создает трудности в построении конструктивных способов взаимодействия с различными людьми и в различных ситуациях. Слаборазвитая эмпатия не позволяет подросткам предвидеть последствия собственных действий, которые могут коснуться не только их самих, но и других людей.

У подростков и юношей начинают складываться собственные представления о ценностях, идеалах, социальных ролях, поведении, своем образе жизни. Однако исследования показали, что нравственные убеждения, мировоззренческие принципы и в целом система ценностных ориентаций подростков несформированны и неустойчивы [1; 4; 6]. Данные особенности объясняются отсутствием опыта разрешения жизненных ситуаций нравственного характера, когда и происходит реализация, проверка своих принципов и ценностей, трудностями обоснования частных правил поведения, их «узнавания» в реальных обстоятельствах [6], «недостаточной обобщенностью нравственного опыта» [1], социально-психологической незрелостью подростков. В юности происходит становление мировоззрения, что предполагает осознание себя частью общества, выбор своего будущего и способов его достижения. [6]. В то же время отмечается категоричность оценок окружающего, демонстративное отвержение нравственных норм, моральный релятивизм, которые связывают с интеллектуальным и моральным поиском [15], несформированностью ценностной системы. В целом неравномер-

ность развития ценностно-смысловых ориентаций характерна как для подросткового, так и для юношеского возраста.

Анализ особенностей развития личностных ценностей в подростковом и юношеском возрасте позволяет сделать вывод, что этот период является благоприятным временем для формирования системы ценностных ориентаций как свойства личности, способствующего становлению отношения к окружающей действительности и другим людям. Однако на данном возрастном этапе система ценностей еще не сформирована, и потому не устойчива, что делает несовершеннолетних более подверженными как положительному, так и отрицательному влиянию. В правосознании от характера и содержания ценностных ориентаций зависит оценка подростком различных социально-правовых явлений: правомерных и противозаконных действий, последствий противоправного поведения, отношение к законопослушным гражданам и преступникам, а также формирование личностных норм поведения.

Одним из ведущих элементов психологического склада личности, регулирующих деятельность и поведение человека, выступает самосознание, проявляющееся в самооценке и личностной рефлексии, требованиях к себе и другим, идеалах, мотивах деятельности и т. д. [1]. В подростковый период процесс самопознания проходит на качественно новом уровне. С представлениями индивида о себе, своих возможностях соотносится его мотивация и моральное поведение [6]. Для несовершеннолетних характерна недостаточно развитая способность к саморефлексии, не-

устойчивость самооценки и несформированность Я-концепции [10], что делает проблематичным развитие у подростков осознанного представления о себе как субъекте правового поведения, своих правах и обязанностях, а также формирование антикриминальной устойчивости личности, выражающейся в неподатливости отрицательному влиянию криминогенных факторов. Развитие самосознания определяет необходимость решения одной из центральных задач взросления — обретение подростком адекватной личной идентичности [16–18]. В период взросления на фоне физических и психических преобразований происходит выбор качественно новой, взрослой идентичности. Зрелая идентичность характеризуется выбором идеального «Я» и позитивного пути развития, обретением личностной целостности и уверенности, принятием самостоятельных решений с учетом возможных последствий собственных действий [2]. Формирование негативной идентичности тесно связано с включением подростка в группу асоциальной направленности [6].

Таким образом, подростковый и юношеский возраст — период активного формирования самосознания. Для несовершеннолетних характерна недостаточно развитая способность к саморефлексии, неустойчивость самооценки и несформированность Я-концепции. Установка на идентификацию со значимой группой способствует повышенной податливости подростков ее влиянию, в том числе противоправному. Данные особенности развития самосознания несовершеннолетних способны затруднять развитие представлений о себе как субъекте исключительно законопос-

лушного поведения, своих правах и обязанностях, а также антикриминальной устойчивости, выражающейся в неподатливости отрицательному влиянию криминогенных факторов.

Важнейшим новообразованием самосознания выступает чувство взрослости. Подросток хочет быть похожим на взрослых, начиная с внешнего вида и заканчивая желанием иметь их права и привилегии. В то же время чувство долга и ответственности у него формируется позже. Ограниченность возможностей в реализации потребности быть в роли взрослого (несформированное чувство ответственности, неумение действовать самостоятельно, искаженное понимание качеств взрослого человека: смелости, независимости и т. п.) может проявляться во внешних признаках «взрослого» поведения и «взрослой» жизни (употребление алкоголя, курение, жаргон, особенности развлечений и отдыха, сексуальные отношения) [6; 12].

Переход из одного физического или психологического возраста в другой может сопровождаться кризисом. Л.С. Выготский причину всех возрастных кризисов усматривает в назревшем противоречии между новыми потребностями личности и старыми условиями их удовлетворения, которые перестали ее устраивать. В кризисе 13 лет внутренняя дисгармоничность личности подростка приводит к противопоставлению себя взрослым, что может выражаться в игнорировании запретов взрослых, стремлении проверить свои силы, нарушая установленные границы [3]. Вместе с тем считается, что возрастные кризисы необходимы для нормального поступательного развития личности, они влекут за со-

бой преобразования в сознании и деятельности человека, сфере его социальных отношений.

Очевидно, что кризис переходного возраста, проявляющийся в несоответствии качественных и количественных преобразований в личности подростка его реальным возможностям в различных сферах, влияет на формирование правосознания и сказывается на поведении. Притязания несовершеннолетних на признание их взрослости и независимости побуждают их к выбору самостоятельных решений и поступков в различных областях жизни, в том числе в правовой сфере. Однако социальная незрелость, искаженное понимание качеств взрослого человека, недостаточный жизненный опыт затрудняют осознание и интериоризацию другой стороны взрослого поведения, которая заключается в принятии ответственности за свои поступки, свой выбор, свое будущее, в чувстве долга и проявляется в устойчивости такого поведения. Подобные личностные особенности, а также стремление продемонстрировать «взрослое» поведение способствуют игнорированию обстоятельств и последствий совершаемых поступков, а также совершению рискованных, в том числе социально негативных действий.

Формирование потребностей у несовершеннолетних происходит очень интенсивно, появляется ряд новых, многие из которых не могут быть удовлетворены в полной мере. Наряду с потребностью в автономии, появляется потребность в принадлежности значимой группе сверстников, где подростки стремятся найти признание, понимание, поддержку и самоутвердиться в ней [2; 12].

Стремление принадлежать значимой группе, найти там свое место, идентифицировать себя с ней обуславливают податливость молодых людей влиянию референтной группы, в том числе противоправному, и подражание групповому поведению. Интерес ко всему необычному или запрещенному, потребности в самоутверждении и автономии повышают предрасположенность подростков и юношей к рискованным, в том числе социально негативным действиям. Притязания на признание взрослости и независимости наряду с искаженным пониманием качеств взрослого человека, недостаточным жизненным опытом затрудняют осознание и интериоризацию другой стороны взрослого поведения, заключающейся в принятии ответственности за свои поступки, свой выбор, свое будущее, в чувстве долга и способствуют игнорированию последствий совершаемых действий.

Следует отметить, что подростки не всегда могут и желают соотносить свои притязания с реальными возможностями их реализации, а также могут иметь достаточно ограниченный набор социально приемлемых способов удовлетворения потребностей и разрешения проблемных ситуаций, возникающих в связи невозможностью их реализации. И.А. Фурманов полагает, что «реакцией на кризисную ситуацию, возникающую вследствие депривации или фрустрации актуальных потребностей» являются нарушения поведения [14, с. 49]. Возникающие при этом напряженность и переживания могут влиять на появление (усиление) определенных личностных особенностей и поведение субъекта [14]. Неспособность же к продуктивно-

му выходу из ситуации затруднительного удовлетворения потребностей, низкую переносимость трудностей, использование неэффективных усилий, направленных на выход из сложных жизненных ситуаций, выделяют в качестве факторов риска развития девиантного поведения у подростков [7].

Итак, подростковый и юношеский возраст является сложным периодом в становлении личности. Он сопровождается психическим развитием, которое затрагивает все сферы личности. Активное включение несовершеннолетних в социально-правовые связи и отношения требует от них усвоения правовых норм и требований, осмысления с их позиции явлений и ситуаций правового характера и умения применять их при решении определенных жизненных задач. В психологическом плане это связано с формированием правосознания. Его развитие в индивидуально различной степени обусловлено особенностями психического развития, характерными для подросткового и юношеского возраста. Наиболее значимое влияние на правосознание как способности осмысленного, произвольного управления поведением оказывают следующие особенности:

- эмоциональная неустойчивость, преобладание импульсивности поведения, которые снижают способность к рациональной оценке действительности и сознательно-волевой самоконтроль в поведении;

- притязания на признание взрослости, потребность в самоутверждении и независимости, которые способствуют совершению несовершеннолетними рискованных, в том числе социально неодобряемых поступков;

- слабо развитое практическое и правовое мышление, недостаточный жизненный опыт, обуславливающие недостаточную правовую ориентацию и предусмотрительность;

- доминирование потребностей в принадлежности к группе и обеспечении в ней признания, повышающих податливость влиянию референтной группы и снижающих морально-правовое самоопределение.

Литература

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. — М.; Воронеж: Ин-т практической психологии; МОДЭК, 1997. — 352 с.
2. Волков Б.С. Психология подростка: учебное пособие. — М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2005. — 208 с.
3. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. / гл. ред. А.В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982–1984. — Т. 4: Детская психология / под ред. Д.Б. Эльконина. — 1984. — 432 с.
4. Заводская Ж.Е. Определение старшекласниками перспектив своего будущего, как проявления их субъектности // Проблемы выхаванья. — 2009. — № 1. — С. 7–13.
5. Комкова Е.И. Генезис когнитивного и социального развития ребенка. — Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2007. — 202 с.
6. Кон И.С. Категория «Я» в психологии // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия. — Самара: БАХРАХ-М, 2003. — 656 с.
7. Корзун С.А. Совладающее поведение девиантных подростков // Адукацыя і выхаванне. — Минск, 2009. — № 3. — С. 70–74.
8. Крайг Г. Психология развития. — СПб.: Питер, 2000. — 992 с.
9. Кучинский Г.М. Социальное мышление как форма познавательной активности // Психол. журн. — 2006. — № 1. — С. 15–16.
10. Пономарева М.А. Развитие эмпатии в юношеском возрасте // Адукацыя і выхаванне. — 2009. — № 5. — С. 26–32.
11. Простакова Т.М. Кризис подросткового возраста. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 244 с.
12. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. — М.: Мир, 1994. — 320 с.
13. Семенов Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его

коррекции: учеб. пособие. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 1998. — 96 с.

14. *Фурманов И.А.* Психология детей с нарушениями поведения: пособие для психологов и педагогов. — М.: Владос, 2004. — 351 с.

15. *Шаповаленко И.В.* Возрастная психология (психология развития и возрастная психология). — М.: Гардарики, 2005. — 349 с.

16. *Elkind D.* Children and adolescents: interpretive essays on Jean Piaget. — New York: Oxford Univ. Press, 1970. — 160 p.

17. *Grotevant H.D.* The integrative nature of identity: bringing the soloists to sing in the choir // Discussions on ego identity: conf. publ., New Zealand, Feb. 1992 / Victoria Univ. of Wellington; ed. J. Kroger. — Hillsdale, 1993. — P. 263–271.

18. The ego identity status approach ego identity // Ego identity: a handbook for psychosocial research / ed. J.E. Marcia [et al.]. — New York, 1993. — P. 3–10.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕФОРМАЦИИ СМЫСЛОВЫХ КОНСТРУКТОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Л. А. Бобылева

Аннотация: в статье на основе эмпирического исследования дается психологическая характеристика деформации смысловых конструктов несовершеннолетних осужденных мужского пола, определяются сущность и факторы деформации смысловых конструктов. В этом аспекте вызывают интерес смысловые конструкты, которые существенно сказываются на характере ценностей несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, погружая их в криминальную субкультуру.

Ключевые слова: деформация смысловых конструктов, факторы деформации смысловых конструктов, интеркорреляции смысловых конструктов.

Summary: functioning of the system of values and meanings as an open one is rather complicated by nature. It may be difficult for understanding and cause difficulties when studying. Modification of Kelly G. A he methods of enables to learn structural interconnections of adolescent delinquents' values and meanings system

as an open one and compare it with the one of ordinary adolescents.

Keywords: semantic construct, deformation of semantic constructs of minors condemned.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года указано на необходимость дальнейшего совершенствование исполнения наказаний в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, и содержащихся в воспитательных колониях. Обращается внимание на поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному, с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и индивидуально-психологической характеристики. По статистическим данным ФСИН России на 2012 год в 43-х вос-

питательных колониях для несовершеннолетних осужденных мужского пола содержится 2608 тыс. человек. С 2000 года происходит постепенное снижение количества воспитанников, за счет применения в судебной практике отсрочки исполнения приговора, а также освобождения правонарушителей от наказания или уголовной ответственности с применением к ним принудительных мер воспитательного характера. Однако наблюдается относительный рост наиболее тяжких насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, растет рецидивная преступность, проявляются организованные формы преступности.

Несмотря на очевидную связь между сложным социально-экономическим состоянием общества и преступностью несовершеннолетних, пролонгированные исследования (В.Ф. Пирожков, 1978; А.И. Долгова, 1981; И.П. Башкатов, 1986; А.Н. Сухов, 1998; Ю.М. Антонян, 2000; С.В. Колябин, 2003 и др.) показывают, что внешние объективные причины преступности несовершеннолетних (социально-политические, экономические, идеологические, культурные, демографические, правовые, воспитательно-профилактические) отходят на второй план, а на первый план выдвигаются внутренние факторы преступного поведения, в частности, деформация личности преступника, ее ценностно-смысловой сферы, как важнейшего фактора просоциального или а(анти)социального поведения.

Анализ сущности, механизмов, факторов смысловых конструктов открывает неоднородность их природы, множественность источников порождения, формирования и развития, разноплано-

вость выполняемых ими функций, предполагает их функционирование в качестве сложной системы. Система смысловых конструктов имеет сложную системную организацию и представлена ядерными конструктами, образующим интеркорреляционные связи со всем смысловым репертуаром личности. Терминальные ценности являются смыслозадающими. Сила и диапазон интеркорреляций смыслового конструкта влияют на особенности его функционирования.

Особенности структурной организации смыслового конструкта как динамической системы находят свое отражение в индивидуальном мировоззрении. К структурным показателям смыслового конструкта относят количество предельных, узловых категорий; неповторяющиеся категории; индекс связности, средняя длину смысловой цепи и продуктивность. Выраженность того или иного показателя является критерием при классификации смыслового конструкта. Нейтральные конструкты характеризуются низкими показателями связности, высокой степенью неповторяющихся категорий; однополюсные конструкты обладают выраженной продуктивностью, длинными смысловыми цепями с большим количеством узловых категорий; а ведущий признак двухполюсного конструкта — низкий уровень связности при длинных смысловых цепях.

В качестве определения в нашем исследовании опираемся на определение смыслового конструкта, данное Д.А. Леонтьевым: «смысловой конструкт это устойчивая категориальная шкала, представленная в психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира, выражающая значимость для субъекта определенной характеристики (параме-

тра) объектов и явлений действительности (или отдельного их класса), и выполняющая функцию дифференциации и оценки объектов и явлений по этому параметру, следствием которой является приписывание им соответствующего жизненного смысла» [2]. В ходе теоретического анализа проблемы смыслового конструкта установлено, что смысловые конструкты сформированы на основе личностных ценностей. При этом основными факторами выступают социальные ценности, опосредованным фактором являются личностные особенности, а механизмами формирования — процессы общения, социального мышления и социального познания.

Смысловые конструкты выполняют следующие функции: дифференциация и оценка объектов и явлений по обозначенному параметру, вследствие чего им приписывается соответствующий жизненный смысл (Д.А. Леонтьев); категоризация объектов и явлений действительности на основе эмоционального обобщения (В.Ф. Петренко); связующую и регулятивную функцию иерархизированной смысловой системы (А.А. Бодалев). Критерием классификации смысловых конструктов выступают полюсные корреляции (В. Столин, М. Кальвиньо), согласно которому выделяют три группы смысловых конструктов: нейтральные; однополюсные (последовательные и противоречивые), двухполюсные конструкты (последовательные и противоречивые). Общая черта однополюсных последовательных конструктов это отсутствие ценностной оппозиции позитивному или негативному смыслу данного явления. Двухполюсные конструкты характеризуются одновременной корреляцией ценностного ключево-

го понятия с утверждающим и отрицающим полюсами конструкта. К последовательным двухполюсным конструктам относятся такие, в которых положительная корреляция с позитивным полюсом одновременно соседствует с отрицательной корреляцией с негативным полюсом (утверждающие конструкты) или, наоборот, положительная корреляция с негативным полюсом соседствует с отрицательной корреляцией с позитивным полюсом (отрицающие конструкты). Для двухполюсных противоречивых смысловых конструктов характерно наличие корреляций одного знака одновременно с обоими полюсами конструкта. Выделена группа конфликтных смысловых конструктов — это либо борьба альтернатив, фиксирующая незаконченность выбора между двумя смыслами явления, либо сумма отрицаний (В.В. Столин).

Поведение личности детерминировано смысловыми структурами и процессами, которые осуществляют смысловую или побудительную регуляцию», следовательно, самые отрицательные последствия имеют деформации на высшем уровне структуры личности — личностно-смысловом, в частности, это деформации смысловых конструктов. [4.]. При анализе исследований деформации смысловых конструктов в зарубежной и отечественной психологии, выявлено, что наиболее подробно дана характеристика сущности деформации смысловых конструктов в направлении когнитивной психологии. Деформация смыслового конструкта проявляется в его количественных характеристиках, определяющих его видовую принадлежность, интеркорреляционных показателей.

В ходе анализа исследований деформации смысловой сферы, в аспекте рассмотрения смыслового конструкта как структурной составляющей смысловой сферы, факторами деформации определены: иерархия ценностей и личностные характеристики несовершеннолетних осужденных, а механизмом деформации выступает криминогенное общение и категоризация криминальных ценностей. Возрастные особенности несовершеннолетних осужденных делают их смысловую сферу податливой для деформирующих условий воспитательных колоний. Деформация смысловой сферы, характеризующаяся деструктивностью, может выступать в качестве специфического механизма психологической защиты личности от травмирующих переживаний. Однако психологическая защита в данном случае имеет низкий, деструктивный характер, не обеспечивающей в необходимой мере душевное благополучие человека. Деструкции проявляются в искажении реальности, обесценивании значимости происходящего, неадекватной Я-концепции, циничном отношении к миру, переносе ответственности или ее субъективном неприятии, уплощении смысла и сведении его к ситуативным целям, центрировании на сиюминутных выгодах. Чем шире репертуар смысловых конструктов содержит когнитивная схема индивида, тем более дифференцированным и широким становится поле субъективной реальности, и более интегрированными становятся отношения человека с окружающей действительностью. Ограниченный репертуар смысловых конструктов, низкая интеграция отношений человека с окружающей средой являются признаками деформации смысловых конструктов.

В нашем исследовании мы определяем смысловую деформацию как формирование личностных смыслов на основе усвоенных в ходе криминогенного общения ценностей. Отсюда, под деформацией смыслового конструкта понимается категоризация объектов и явлений действительности на основе шкал, сформированных субкультурными ценностями. Чем ниже уровень когнитивного диссонанса, тем более узкими являются «когнитивные схемы», а смысловые конструкты представлены либо нейтральными либо однополюсными образованиями, такой смысловой конструкт начинает выполнять функцию вторичной асоциализации.

Под деформацией смыслового конструкта мы понимаем количественные и качественные, содержательные изменения его структурно-функциональных показателей, носящих деструктивный характер.

Таким образом, деформированный смысловой конструкт является устойчивой категориальной шкалой, образованную категориями криминальной субкультуры, категориями традиционной культуры, в форме жестких стереотипных представлений, имеющими особые функциональные показатели: длина смысловой цепи с низким количеством узловых категорий; высокими рефлексивными показателями; особой интеркорреляцией между смысловыми конструктами. Атрибутивное смыслообразование происходит под углом криминальных ценностей, т.е. функцией деформированного смыслового конструкта является вторичная асоциализация.

У несовершеннолетних осужденных выявлены ядерные конструкты:

1. «Семья» со значимыми интеркор-

реляционными связями с конструктами «Самоутверждения», «Самореализация», «Высокое материальное положение», «Статус», «Престиж», «Свобода выбора». Данный конструкт со своей интеркорреляционной системой четко обособлен.

2. В интеркорреляциях ядерного конструкта «Честь и Достоинство» наблюдается тенденция к образованию большего количества не взаимосвязанных между собой гроздьев, что означает большее разнообразие смыслового содержания жизни несовершеннолетних основной группы, но компоненты этого содержания разрознены, слабо связаны между собой. Средние статистически значимые интеркорреляционные связи установлены с конструктами «Жизнь», «Статус», «Риск», «Беззаботное существование».

3. Анализ результатов ядерного конструкта «Деньги» обнаруживает высокую степень сходства между несовершеннолетними основной и контрольной групп (в контрольной группе данный конструкт не является ядерным). Деньги дают возможность контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Наблюдается только количественное отличие — уровень близости связей в основной группе ниже, что делает описанную нами тенденцию более яркой.

4. Ядерный конструкт «Свобода» не показывает статистически значимых связей. Он обособлен от других конструктов, образует большое количество связей, но они не имеют значимых показателей. Это говорит о размытом, не сформированном понимании свободы. Она ценна и имеет смысл сама по себе, но понимания возможностей свободы для себя, своей самореализации, зна-

чимости ее для жизни вообще у несовершеннолетних осужденных нет.

5. Ядерный конструкт «Друзья» образует значимые интеркорреляционные связи между конструктами «Веселая жизнь», «с друзьями можно много добиться» «Близкие люди», «Престиж».

Завершая психологическую характеристику ядерных конструктов несовершеннолетних осужденных, отметим их большее количество по сравнению с контрольной группой, ослабленные интеркорреляционные связи и обособленность друг от друга — эти особенности мы относим к признакам деформации смысловых конструктов несовершеннолетних осужденных.

Анализируя структурные характеристики смысловых конструктов основной и контрольной групп, дадим общую сравнительную характеристику их структурно-функциональным особенностям: показатель количества узловых категорий свидетельствует о наличии у несовершеннолетних основной группы достаточно сформированного мировоззрения, но этому противоречит индекс связанности. Как показывает индекс связанности, мировоззрение несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, линейно, мозаично. Смысловые системы раздроблены, смысловые структуры не связаны, изолированы. В совокупности это является признаком незрелости, рассогласованности смысловой сферы, представляющей из себя расколотые смысловые фрагменты. У несовершеннолетних осужденных нарушена интегрированность мировоззренческих представлений в смысловые системы. Их мировоззрение — внешне насыщенное, но внутренне недостаточно

структурированное, дисгармоничное. Отсутствие такого рода категорий может расцениваться, как симптом снижения уровня регуляторных функций сознания по отношению к практической деятельности.

В основной группе несовершеннолетних осужденных, выделены следующие ядерные смысловые конструкции: «Деньги», «Уважение», «Свобода», «Жизнь, здоровье». В контрольной группе мы наблюдаем всего два ядерных конструкта – это «Жизнь, здоровье», «Любовь».

Смысловые конструкты несовершеннолетних осужденных (основной группы) в большинстве своем являются однополюсными, либо нейтральными и констеллятивными. Это является свидетельством расширенной смысловой сферы, насыщенной, но не взаимосвязанной. Смысловые конструкты обладают слабыми связями, интеркорреляциями, отсюда и функции смыслового конструкта (оценочная, регулятивная, интегративная) затруднены, функционируют не в полном объеме. Практически это проявляется кажущейся осмысленностью жизни, наличием четких представлений, но при этом большинство представлений, декларируемых ценностей, смыслов не сформированы, либо категоричны. Интересен тот факт, что даже ядерные конструкты, те которые определяют взаимосвязи, являются базовыми структурными образованиями смысловых конструктов, либо отсутствуют в смысловой сфере как категории, либо являются жесткими, редуцированными, закрытыми для развития (например, смысловые конструкты «Свободы»). Большое количество смысловых конструктов основной группы являются нейтральными, это

свидетельствует о низком уровне когнитивного диссонанса.

Смысловые конструкты контрольной группы отличаются наличием противоречивости, что свидетельствует о постоянном когнитивном диссонансе несовершеннолетних с правопослушным поведением. Им постоянно приходится выбирать, принимать решение, соразмерять свои поступки со шкалой ценностей. Смысловые конструкты контрольной группы двухполюсные, чаще противоречивые, что свидетельствует, как и о несформированности системы ценностей и смыслов, так и о потенциале ее развития. Ядерные конструкты («Жизнь, здоровье»; «Любовь») двухполюсные, что свидетельствует о наличии пусть не четких представлений этих категорий, но значимой представленности в системе ценностей и смыслов. Эти конструкты являются констеллятивными, что свидетельствует о наличии значимых интеркорреляционных системных связей. Смысловые конструкты контрольной группы менее содержательно насыщены, имеют простую структуру, их связи более прочные, хотя и менее разветвленные, в отличие от основной группы. Наличие большого объема двухполюсных противоречивых конструктов в контрольной группе, мы трактуем как их открытость для развития.

Таким образом, смысловые конструкты несовершеннолетних осужденных характеризуются внешней насыщенностью, но структурной рассогласованностью, изолированностью и ригидностью, что проявляется в низком уровне когнитивного диссонанса. Смысловые конструкты несовершеннолетних контрольной группы имеют простую структурную организацию, со значимыми ин-

Таблица 1

Дифференциация несовершеннолетних осужденных по интеркорреляционным взаимосвязям между смысловой направленностью, ядерными конструктами

1-й тип интеркорреляционных взаимосвязей	2-й тип интеркорреляционных взаимосвязей
<ul style="list-style-type: none"> – ориентированность на результат; – направленность на прошлое и удовлетворение им; – ядерные конструкты «Уважение», «Свобода»; – интеркорреляция конструкта «семья» и экстернатности 	<ul style="list-style-type: none"> – ориентированность на процесс; – конструкт «семья» коррелирует с высокими показателями эскапизма и радикализма; – ядерные конструкты: «Деньги», «Честь и достоинство»; – направленность на будущее

теркорреляционными связями, являются окончательно не сформированными.

В группе несовершеннолетних осужденных наблюдается следующая дифференциация особенностей деформации смысловых конструктов (таблица 1)

Содержание таблицы говорит о том, что в зависимости от типа ядерного конструкта, ориентированности либо на прошлое, либо на будущее, интеркорреляционных взаимосвязей между конструктами факторами деформации смысловых конструктов (иерархических взаимоотношений между терминальными ценностями и личностными характеристиками), формируется два типа деформации смысловых конструктов.

Литература

1. *Асмолов, А. Г.* О предмете психологии личности / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. — 1983. — № 3. — С. 118–125.
2. *Братусь, Б. С.* Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания. / Б. С. Братусь // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. — М.: Смысл, 1999. — С. 285–298.
3. *Франселла, Ф., Баннистер, Д.* Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам: / Ф. Франселла, Д. Баннистер. / Пер. с англ. / Общ. ред. и предис. Ю. М. Забродина и В. И. Похилько. — М.: Прогресс, 1987. — 236 с.: ил.
4. *Frankl V.* Man search for meaning: an introduction to logotherapy. 3rd ed., rev. and enl. New York: Simon and Schuster, 1984.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ

В. И. Огородников, В. Н. Летунов

Аннотация: в данной статье раскрываются понятие и сущность систем профессионального роста руководителя, а также требования необходимые при организации карьеры, роль основных служб учреждений УИС, основные задачи по организации карьеры руководителя.

Ключевые слова: карьера, виды карьеры, место сотрудников в новых исправительных учреждениях — тюрьмах нового типа, регулирование и организация карьеры сотрудников, построение карьеры руководителя, основные особенности и направления построения карьеры руководителя.

Summary: in given articles the concept and essence of systems of professional growth of the head, and also the requirement necessary pits reveal at the organization, a role of the main services of UIS institutions, the main objectives on the organization of career of the head.

Keywords: career, types of career, a place of employees in new corrective institutions — prisons of new type, regulation and the organization of career of employees, creation of career of the head, the main features and the directions of creation of career of the head.

Процесс становления уголовно-исполнительной системы в России на новом качественном уровне, отвечающий целям и задачам развития российской государственности, должен учитывать положительный зарубежный опыт, адап-

тировать его к отечественным условиям и формировать кадровое ядро.

Учитывая значительную активизацию исследований в сфере работы с кадрами, следует отметить, что данные исследования качественно меняются и по своей направленности. Речь прежде всего идет о формировании достаточно самостоятельного направления, связанного с управлением персоналом.

Именно в профессиональной деятельности человек становится личностью, полноценным субъектом общественных отношений. Профессия человека является важным фактором и условием развития его индивидуальных способностей, роста интеллекта, в ней он обретает социальную силу, становится хозяином судьбы, но одновременно с этим она до некоторой степени ограничивает его деятельность, как бы замыкает его определенной областью деятельности, делает его как бы «частичным» человеком, выступает как сугубо константный фактор его бытия.

Трудовая функция как сумма знаний и навыков, как общее обязанностей всегда надиндивидуальна, профессия же всегда персонифицирована, личностна, индивидуальна. Трудовые функции изменчивы, подвижны, они могут появляться и исчезать, в то время как профессии константны, устойчивы, постоянны. Роль трудовых функций состоит в том, что они составляют базу для формирования и образования профессий и специальностей.

Следующий важный вопрос, который возникает при исследовании теоретических основ карьеры руководителей в период преобразования УИС, связан с тем, какая из ее классификаций сохранится, ведь с преобразованием структурных подразделений уголовно-исполнительной системы из исправительных колоний (общего, строгого и особого режима) в тюрьмы таких же видов, будет меняться и их организационная структура. Естественно, одним службам будет отдаваться предпочтение, другим нет.

Самыми многочисленными службами будут: отдел режима и надзора, охраны и конвоирования, оперативный отдел, кадровой и воспитательной, психологической и социальной работы, которые будут являться основными для выдвижения их сотрудников в резерв кадров и на вышестоящие руководящие должности, так как они основные и напрямую связаны с работой с осужденными.

Сотрудники, проработавшие в них 3–5 лет, будут обязательно выдвигаться на работу с большим объемом, ибо эти службы выполняют специальные (основные) функции уголовно-исполнительной системы.

Систематизация видов служебной карьеры руководителей УИС не является самоцелью. Классификация позволяет более обоснованно решить прикладные проблемы, связанные с разработкой механизма управления карьерой.

Обоснование видов карьеры определяется теми классификационными критериями, которые при этом используются. Поскольку карьера всегда персонализирована, связана с личностью и ролью руководителя в системе управления УИС, то ее целесообразно пре-

жде всего классифицировать по такому основанию, как уровни должностного роста, в рамках которых происходит продвижение по службе руководителей УИС [1, с. 86–108].

Следовательно, сотрудник, получивший специальность «бакалавр», будет занимать должность инспектора, психолога, инженера, а на старшего инспектора, старшего психолога, старшего инженера будут принимать сотрудника с образованием «специалист», или до старших включительно — «бакалавр», а выше заместителя начальника службы и т. д. — специалист, магистр. Это продвижение может быть как в рамках одного уровня, так и применительно к различным уровням управления УИС. В первом случае речь идет о горизонтальной, во втором — о вертикальной карьере руководителя (в нашем случае УИС).

Так, говоря о карьере, подчеркивают, что сотрудник перемещается по службе в рамках занимаемой должности путем расширения и усложнения полномочий, то есть увеличения объема функциональных обязанностей, которые, как правило, сопровождаются соответствующими изменениями материального вознаграждения (например, инспектор, старший инспектор). В отличие от этого, вертикальная карьера предполагает движение его вверх по иерархической служебной лестнице. Этот вид карьеры наглядно связан со служебным продвижением руководителей. Однако и горизонтальная карьера имеет отношение не только к специалистам узкой специализации, но и к руководителям.

Выделение стадий управления карьерой имеет важное значение для планирования карьеры, стимулирования деятельности сотрудников, составления

индивидуальных программ карьерного роста, в том числе развития профессиональной карьеры сотрудников УИС применительно к конкретным службам.

Рассмотрим понятие карьеры с точки зрения профессионального роста руководителей.

Служебная карьера руководителя предполагает продвижение по службе в соответствии с принятой номенклатурой должностей согласно штатному расписанию. В этом проявляется динамизм карьеры, что имеет существенное значение для организации процесса управления карьерой. Продвижение по службе руководителя — акт выбора не только с его стороны, но и со стороны того структурного подразделения ФСИН России, которое он представляет. Такое понимание карьеры свидетельствует о сложности и противоречивости управления данным процессом.

Служебная карьера руководителя УИС предполагает существенное изменение его правового статуса в системе социального управления, что может выражаться в повышении ответственности, более высокой заработной плате и т. д. Немаловажное значение имеют и социальные последствия таких изменений, как *престиж, власть, высокое положение, звание*.

Служебная карьера руководителя характеризуется также и тем, что она предполагает изменение содержания его деятельности, существенные изменения в технологии труда. Общая закономерность проявляется в том, что чем выше уровень должностного положения, тем больше времени у руководителя занимают вопросы организации работы подчиненных, взаимодействие с другими государственными органами, представи-

тельские функции и т. д. Все это повышает требования к развитию личности руководителя в целом.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение анализируемого понятия.

Служебная карьера руководителя УИС — это его реализованный профессиональный потенциал, основанный на предыдущем обучении, самообразовании, творческом развитии, с соблюдением морально-нравственных качеств, сопровождающийся изменением административно-правового статуса за счет назначения на другую работу с большим объемом.

Приведенное определение не может охватить в полной мере все аспекты этого сложного понятия. Однако в отличие от ранее предлагаемых в литературе определений карьеры сотрудников, оно характеризуется как минимум двумя новыми подходами: 1) служебная карьера руководителя УИС это не просто административно-правовой акт, связанный с занятием определенной должности, а система отношений, в которые вступает руководитель по мере его продвижения по службе; 2) продвижение по службе как существенный признак карьеры предполагает всегда путь, результат его трудовой и профессиональной деятельности [1, с. 279–285].

В связи с этим *первым элементом* системы управления профессиональным ростом (карьерой) руководителя органа и учреждения УИС является определение целей, к которым относятся:

- рациональное использование профессиональных способностей сотрудников в интересах достижения целей системы;

- наличие необходимого количества сотрудников в нужном месте с требуемым уровнем профессионализма и компетентности;

- создание эффективных стимулов для служебной и трудовой отдачи сотрудников;

- обеспечение относительно стабильного состава службы, способного аккумулировать профессиональный опыт и корпоративную культуру службы.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что руководящий состав территориальных органов и учреждений, сотрудники уголовно-исполнительной системы пришли не только к осознанной убежденности в необходимости масштабных, системных преобразований пенитенциарной системы страны, но и к пониманию реальной возможности выполнения поставленных перед системой задач реформирования.

Значительное внимание уделяется работе по обновлению и реформированию кадрового ядра службы.

Принят ряд решений по закреплению специализации за образовательными учреждениями ФСИН России с учетом характера службы в УИС, подготовке кадрового резерва, оптимизации системы образовательных учреждений ФСИН России, разработке новой нормативной базы с учетом проведения реформы, направленной на укрепление практической составляющей учебно-воспитательного процесса и учебной материальной базы [2].

На основе изложенного можно предложить следующее определение анализируемого понятия.

Управление профессиональным ростом руководителя УИС — это деятельность, связанная с организацией про-

цесса прохождения различных этапов (стадий) служебного роста, направленная на повышение и изменение его социального статуса.

От того, насколько сотрудник разделяет эти требования, зависят не только его рост, но и в целом служба. В настоящее время сложилась крайне неблагоприятная ситуация, которая обусловлена утратой нравственно-ценностных ориентаций в обществе. В результате многие выпускники образовательных учреждений ФСИН России увольняются из системы в течение первых 3 лет службы (до 60 % выпускников уволилось в период 2007–2010 гг. из УИС). То, что карьера руководителя УИС и в целом отношение к службе зависят от общей обстановки в стране, подтверждают многие социологические исследования.

Важное значение в этом случае приобретает вопрос о четком выделении тех социальных аспектов, которые непосредственно связаны с профессиональным ростом руководителей.

Прежде всего речь должна идти о параметрах, характеризующих социальный портрет руководителя УИС — это возраст, образование, прошлая профессиональная деятельность (должность, с которой человек принят на службу в УИС). Аналитические материалы ФСИН России, отражающие состояние работы с кадрами, свидетельствуют об определенных тенденциях по данным вопросам. Так, большинство руководителей учреждений УИС — это сотрудники в возрасте от 41 до 50 лет (67 %), имеющие высшее образование (более 97 %), которые ранее прошли почти все должности в структурных подразделениях УИС, и лишь часть 17,2 % — пришли на руководя-

щие должности после военной службы.

Для организации управления карьерой руководителей УИС важное значение имеют и другие социологические аспекты непосредственной организации труда руководителей. К их числу следует отнести такие вопросы, как: изучение профессионального цикла руководителя от поступления на службу до выхода на пенсию; мотивация труда руководителя; удовлетворенность трудом; социологические методы изучения и оценки результативности труда руководителя; изучение престижа профессии руководителя; взаимоотношения руководитель => подчиненные; особенности менталитета руководителей различного уровня; корпоративная культура руководителей; особенности социализации личности руководителя в процессе прохождения службы; разработка организации управления в органе и учреждении при взаимодействии с коллективом; социальной защиты всех сотрудников органа и учреждения [1, с. 119–121].

Сегодня наблюдается тенденция к всевозрастающему осознанию людьми ценности своей жизни. Их желание справедливо, ибо они хотят, чтобы их разум и труд обеспечили им здоровый образ жизни, комфорт общения и эстетику разнообразных удовольствий. Однако в то же время они видят, что их общественное устройство и экономические условия недостаточно благополучны.

Для создания и обеспечения достойного качества жизни людей необходимо творческое переосмысление концепций и технологий современной управленческой деятельности. Она и только она может придать жизнедеятельности людей наилучшее обеспечение.

Для создания общества будущего нужна в первую очередь новая философия менеджмента, в которой принцип сбережения человека как личности стал бы основополагающим, что предполагает признать приоритетной составляющей профессионализма современного менеджера — компетентность.

Управленческая деятельность — это реальная власть одних над другими. Отсюда руководитель призван прежде всего быть социальным архитектором, человековедом с большой буквы [3, с. 3–4].

В данный момент ощущается острая потребность в подготовке нового поколения российских менеджеров-руководителей, а также основательная инвентаризация умственного капитала действующих.

Занимаясь этим постоянно, ежедневно, ежечасно необходимо сформировать в настоящем и будущем управленце глубокий интерес к непрерывности повышения своей разносторонней управленческой, человеческой компетентности.

В настоящее время успех в деятельности любой организации государственного и общественного управления все больше относят к правильной работе персонала и с персоналом. Отражением этого в области науки и образования служит бурное развитие и широкое распространение знаний в области управления персоналом, в том числе в деятельности кадровых аппаратов в работе с сотрудниками органов и учреждений УИС.

«Умение общаться и обращаться с людьми, раскрывать их и свой личностно-деловой потенциал — таково назначение человековедческой компетентности менеджера», — утверждал В.М. Шепель [3, с. 51–68].

Для осуществления управления карьерой руководителя любого уровня ФСИН России важное значение имеет совокупность возможных социологических аспектов, непосредственно связанная с организацией их труда, а именно: изучение профессионального цикла руководителя от поступления на службу до выхода на пенсию; мотивация труда руководителя; удовлетворенность трудом; социологические методы изучения и оценки результативности труда руководителя; изучение престижа профессии руководителя; взаимоотношения руководитель => подчиненные; особенности менталитета руководителей различного уровня; корпоративная культура руководителей; особенности социализации личности руководителя в процессе прохождения службы; разработка научно обоснованных нормативов труда руководителей, а также проблема их социальной защиты.

Вместе с тем эта проблема приобретает в современных условиях исключительно важное значение для формирования профессионального ядра кадров УИС, повышения эффективности функционирования системы в целом. Нельзя не учитывать, что публичная регламентация этого вопроса на уровне закона позволит реально обеспечить принцип гласности в работе с кадрами. Важно подчеркнуть и то, что законодательное закрепление института профессионального роста, служебной карьеры, служебного продвижения будет способствовать обеспечению единства в этой достаточно деликатной и сложной сфере.

Анализ различных вариантов законодательства РФ «О государственной правоохранительной службе Российской Федерации» показывает, что в нем отсутствует гла-

ва: «Профессиональный рост сотрудников уголовно-исполнительной системы».

Управление профессиональным ростом и карьерой в органах и учреждениях ФСИН России может быть реализовано посредством решения следующих задач:

1. Планирование индивидуального профессионального развития и должностного перемещения руководителей после 5 лет работы в данной должности. Это означает, что он должен быть включен в схему карьерного продвижения, которая должна быть составлена на ближайшие 1–5 лет с момента назначения его на должность, и разработана полная схема профессионального продвижения.

2. Приобретение руководителем любого ранга необходимого уровня профессиональной подготовки, профессионального опыта, как внутри организации, так и вне ее, путем организации профессионального обучения, стажировки (в своем или во внешнем органе и учреждении). С учетом процесса профессионального движения и уровня подготовки сотрудника составляется план его дополнительного обучения с указанием возможных сроков учебы, учебного заведения, программ обучения. Повышение квалификации должно предшествовать изменению должностного статуса сотрудника. В этом случае образование станет востребованным на новой должности и факт его получения будет связан с его профессиональным ростом и карьерой.

3. Активизация (мотивация) деятельности сотрудников с целью побуждения раскрытия собственного творческого потенциала — это создание мотивационной среды в системе служ-

бы, в каждом органе и учреждении. Причем эта среда должна быть прозрачной и понятной для каждого сотрудника и, что немаловажно, оказывать преимущественно непосредственное воздействие на поведение каждого сотрудника системы.

4. Регулирование и координация деятельности сотрудника в выполнении задач профессионального роста и карьерной стратегии (например, выполнение плана стажировок по предполагаемым должностям, времени назначения на должность, плана индивидуального профессионального развития), а также усилий сотрудника и возможностей органа и учреждения по выполнению плана индивидуального профессионального развития и плана кадрового обеспечения.

Анализ и оценка результатов и способов деятельности, личностных, деловых и профессиональных качеств со-

трудников ФСИН России, уровня их профессионального опыта.

Контроль за деятельностью сотрудников, их профессиональным и должностным ростом, рациональным использованием их профессионального опыта в органе и учреждении (должностным перемещением, реализацией плана индивидуального профессионального развития и др.).

Литература

1. Огородников В.И. Организация и правовое обеспечение профессионального роста руководящих кадров уголовно-исполнительной системы России (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. — Рязань: Академия ФСИН России, 2009.

2. Реймер А.А. О подведении итогов деятельности уголовно-исполнительной системы в 2011 году и задачах на 2012 год: выступление на расширенном заседании коллегии ФСИН России 9 февраля 2012 г.

3. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. — М.: Дом педагогики, 2000.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СОТРУДНИКОВ УИС РОССИИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИМИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОРУЖИЯ

М. Ю. Конарев

Аннотация: в статье рассматривается проблема обеспечения правомерности применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и оружия посредством формирования у них высокой духовно-нравственной ориентации.

Ключевые слова: формирование

духовно-нравственных ценностей; средства обеспечения правомерности; сотрудники уголовно-исполнительной системы; применение физической силы, специальных средств и оружия.

Summary: the article deals with the problem of ensuring the legality of use of physical force, special warfare and weapons by the personnel of the penal system

through the formation of their high moral and spiritual orientation.

Keywords: *the formation of high moral and spiritual orientation; means of ensuring the legality; personnel of the penal system; use of force, special warfare and weapons.*

Глубокие изменения духовно-нравственной ориентации россиян, произошедшие за постсоветский исторический период¹, отразились во всех сферах их общественной и профессиональной деятельности. Особую значимость проблема формирования духовно-нравственных ценностей приобретает в аспекте профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, поскольку в их должностные обязанности входит ежедневное взаимодействие с правонарушителями, а в определенных законом случаях — применение по отношению к ним физической силы, специальных средств и оружия.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые относятся к числу сотрудников правоохранительных органов, определяется тем, что именно на их плечи ложится нелегкий каждодневный труд, направленный на исправление лиц, содержащихся в исправительных учреждениях ФСИН России, а значит — на обновление и оздоровление российского общества. Их поведение, качества и идеалы обуславливают успех всех форм взаимодействия с лицами, содержащимися в исправительных учреждениях ФСИН России. Поэтому сотрудников УИС Рос-

сии должен отличать такой уровень духовно-нравственной ориентации, который бы, способствовал безошибочному исполнению ими своих должностных обязанностей и служил бы образцом для подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Кроме того, ценностная ориентация сотрудников УИС России определяет модель их поведения при возникновении конфликтных ситуаций во время несения службы, в том числе, в случаях, при которых, согласно действующему законодательству, ими применяется физическая сила, специальные средства и оружие.

При неправомерном применении физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС России при исполнении своих должностных обязанностей, а равно при превышении пределов их правомерного применения, субъекты совершения противоправного деяния подлежат предусмотренной законодательством РФ ответственности, которая, в зависимости от характера правонарушения и наступивших последствий, может быть дисциплинарной, административной, гражданско-правовой или уголовной. В целях обеспечения правомерности действий сотрудников УИС России, связанных с применением физической силы, специальных средств и оружия, следует не только исследовать и совершенствовать действующее законодательство, регулирующее общественные отношения в этой сфере. Важно, чтобы исправительные учреждения ФСИН России были обеспечены квалифицированными кадрами, которые бы руководствовались в своей профессиональной деятельности духовно-нравственными ценностями.

¹ Период с момента распада СССР в декабре 1991 г. по настоящее время.

Формирование ценностей — не единовременный социально-педагогический акт. Это длительный процесс, который, по мере взаимодействия человека с окружающим миром и обществом, проявляется в различных формах на протяжении всей его жизни. Необходимо отметить, что сенситивным периодом при формировании духовно-нравственных ценностей является дошкольный возраст, при этом сформированные ценности обеспечивают человеку каркас для последующего выстраивания личностных качеств, в том числе соответствующих его профессиональной деятельности. При поступлении на службу в уголовно-исполнительную систему у кандидатов уже сформирован определенный набор духовно-нравственных ценностей, выявление которых позволяет определить их уровень и выявить возможность и условия формирования духовно-нравственных ценностей, являющихся в аспекте прохождения службы в учреждениях и органах УИС России профессионально значимыми. В этом смысле следует говорить о необходимости разработки комплекса критериев ценностной ориентации при отборе кандидатов на прохождение службы в УИС России, а также о создании соответствующего диагностического инструментария для осуществления такого отбора.

При формировании духовно-нравственных ценностей у сотрудников УИС России в аспекте обеспечения правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия при исполнении своих должностных обязанностей, следует разделять общие (инвариантные) и профессионально значимые ценности. К числу общих духовно-нравственных ценностей следует отно-

сить честность, добросовестность, вежливость, великодушие, искренность, терпение, уважение традиций и культуры своей страны и народа, а также проявление уважения к обычаям и традициям иных народов Российской Федерации и других стран. К числу профессионально значимых духовно-нравственных ценностей относятся законопослушание, ответственность, патриотизм, гражданственность, трудолюбие, почитание старших (по возрасту, занимаемой должности и специальному званию).

Формирование духовно-нравственных ценностей у сотрудников УИС России происходит на двух основных этапах: в процессе обучения в рамках образовательного процесса вузов ФСИН России и учебных центров территориальных органов ФСИН России и в процессе прохождения службы в учреждениях и органах ФСИН России. Для успешной реализации обеспечения правомерности применения сотрудниками УИС России физической силы, специальных средств и оружия необходимо осуществлять целенаправленный процесс формирования духовно-нравственных ценностей и задействовать все возможные средства на перечисленных этапах прохождения ими службы.

Педагогические технологии обучения в образовательных учреждениях ФСИН России должны быть направлены не только на формирование у обучаемых духовно-нравственных ценностей, но и на разъяснение им необходимости принимать решения (в повседневной жизни и во время осуществления своей будущей профессиональной деятельности в учреждениях и органах ФСИН России), основываясь на этих ценностях. Используемые педагогические приемы следу-

ет формулировать так, чтобы они подчеркивали специфику служебной деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России. В аспекте применения физической силы, специальных средств и оружия важно обращать особое внимание на обязательность минимизации причинения вреда при их применении, оказания пострадавшим первой доврачебной помощи, а также принятие мер по предоставлению им медицинской помощи в возможно короткий срок.

Говоря об условиях формирования духовно-нравственных ценностей у сотрудников УИС России в процессе прохождения ими службы в учреждениях и органах ФСИН России, важно подчеркнуть необходимость проведения психолого-педагогической работы с лицами рядового и начальствующего состава исправительных учреждений. При проведении такой работы особое внимание следует уделить работе с сотрудниками отделов охраны, безопасности и оперативных отделов, поскольку применение физической силы, специальных средств и оружия предусмотрено нормативно-правовыми актами в рамках их должностных полномочий.

При формировании духовно-нравственной ориентации у сотрудников УИС России следует также акцентировать внимание на их подготовку к повседневному общению со спецконтингентом. Зачастую открыто проявляемые сотрудниками УИС России духовно-нравственные качества определяются со стороны лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, как проявление слабости, что способствует проявлению неуважения и раздражительности с их стороны. В этом смысле при

проведении работы с сотрудниками УИС России важно обращать внимание на их психологическую устойчивость и уверенность в собственных действиях. Кроме того, целесообразно осуществлять работу, направленную на формирование духовно-нравственных ценностей у осужденных.

Необходимо особо отметить, что в аспекте специфики профессиональной деятельности, осуществляемой сотрудниками УИС России, важно отслеживать корреляцию религиозных догматов и приверженности высоким нравственным ориентирам — с одной стороны, и безошибочного законного исполнения ими служебных обязанностей в рамках своих должностных полномочий — с другой. Следует подготавливать обучаемых к возможному возникновению таких обстоятельств во время несения службы в исправительных учреждениях, при которых им придется столкнуться с правом (а иногда и с обязанностью) совершать поступки, противоречащие их конфессиональным постулатам или общим представлениям о нравственности. В данном аспекте следует отметить необходимость разъяснения сотрудникам УИС России коллизии духовности и нравственности с одной стороны, и профессионализма в рамках исполнения должностных обязанностей — с другой. При этом важно разъяснить сотруднику, что профессионализм в этом смысле превалирует над конфессиональными догмами. Соблюдение законных требований, определяющих правомерность применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС России в рамках их должностных полномочий будет являться гарантией их реабилитации. В качестве правовой под-

держки следует апеллировать к специальным нормам, подчеркивающим особый правовой статус сотрудников УИС России, или к общим нормам, исключая доминирование любого из религиозных течений (например, к ст. 14 Конституции РФ, где закреплено: «Российская Федерация — светское государство»²). Кроме того, можно найти массу примеров наказания виновных лиц посредством физического воздействия в хрестоматийных конфессиональных писаниях (Библия, Коран, Тора, и т.д.).

Таким образом, для обеспечения правомерности применения сотрудниками УИС России физической силы, специальных средств и оружия, необходи-

мо создать в рамках образовательных и исправительных учреждений ФСИН России непротиворечивые благоприятные педагогические условия для формирования у них духовно-нравственных ценностей и обогащения их такими профессионально значимыми качествами, которые бы способствовали становлению целостной личности, достойной высокого звания сотрудника УИС России, знающего цену слова, ценящего честь мундира и при этом готового применять действующие нормативные документы и уверенно действовать в рамках возложенных на него должностных обязанностей.

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СЛУШАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ ЦЕНТРОВ ФСИН РОССИИ

В. С. Маланьин

Аннотация: в статье анализируется понятие компетентностного подхода, а также психолого-педагогическая компетентность, как социальное явление в контексте применения ее при подготовке специалистов для уголовно-исполнительной системы, а также в их дальнейшей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: компетентностный подход, психолого-педагогическая компетентность, теория, методология, компоненты.

Summary: in article the concept of competence-based approach, and also *psikhologo-pedagogical competence*, as the social phenomenon in a context of its application is analyzed at training of specialists for criminal and executive system, and also in their further professional activity.

Keywords: *competence-based approach, psikhologo-pedagogical competence, theory, methodology, components.*

² Конституция Российской Федерации // Рос. газ. — 2009. — 21 янв.

В условиях реализации Концепции развития УИС Российской Федерации до 2020 года на первый план выдвигается задача повышения квалификации сотрудников УИС, о чем не однократно говорилось как в различного рода документах, так и в средствах массовой информации. Необходимость реализации компетентностного подхода в профессиональной подготовке курсантов и слушателей, а также практических работников, что предусматривает и реформа образования. В связи с этим, к специалистам ФСИН любого профиля предъявляются новые требования, особенно психолого-педагогической компетентности (ППК). Персонал УИС осваивает новые педагогические технологии, в которых упор делается на познавательную деятельность и на выработку социально-профессиональных компетенций, что в конечном итоге обеспечивает мобильность и востребованность специалистов в УИС, и в целом, на рынке труда. Для того чтобы грамотно организовать психолого-педагогическую подготовку персонала в системе высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования, важно разработать модель психолого-педагогической компетентности, опираясь на которую можно было бы комплексно решать поставленную задачу.

Анализ научной литературы показал, что большинство ученых определяет понятие «компетентность» через совокупность знаний, умений и готовности их использовать в деятельности (Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Л.Ф. Красинская, И.Л. Лобанова, Л.К.Маркова, В.Л. Слостенин и др.).

Современные условия развития профессиональной модели сотрудни-

ка УИС таковы, что во главу угла ставится компетентностный подход, важнейшей составляющей которого является психолого-педагогическая компетентность. Под *психолого-педагогической компетентностью сотрудника* понимают комплекс соответствующих знаний, умений, навыков, ценностей, а также готовность их творческой реализации в профессионально-педагогической, воспитательной работе со спецконтингентом, что в совокупности обеспечивает ее высокие результаты. Хочется сказать особенно о психолого-педагогической компетентности, а не просто о педагогической, ведь сотруднику приходится решать не только воспитательные и профессиональные задачи, которые действительно требуют хорошей психологической подготовки, но и выполнять собственно психологические функции, связанные с изучением индивидуальных особенностей осужденных, прогнозированием развития личности различных категорий осужденных, разрешением конфликтных ситуаций, регуляцией собственных психических состояний и т.п.

С одной стороны, компетентность является характеристикой личности специалиста (сотрудника), с другой стороны, она формируется и проявляется именно в профессиональной деятельности, определяя ее результаты. Поэтому наверное правильно было бы рассматривать структурные компоненты компетентности также в деятельностно-личностном аспекте и учитывать наличие у сотрудника мотива, знания способов осуществления профессиональной деятельности, способности ее выполнять с полным пониманием смысла. Поэтому в *структуре психолого-педагогической*

компетентности специалиста УИС можно выделить следующие компоненты:

1) положительную мотивацию к проявлению компетентности (мотивационный компонент);

2) знания, лежащие в основе понимания содержания профессиональной деятельности и выбора способов ее осуществления (когнитивный компонент);

3) умения, навыки, опыт успешного осуществления необходимых действий (операционально-технологический компонент);

4) ценностно-смысловые представления и отношение к содержанию и результату деятельности (ценностно-смысловой компонент).

Критериями оценки сформированности психолого-педагогической компетентности специалиста являются, таким образом, совокупность соответствующих знаний, умении, навыков, ценностей, которыми он руководствуется в своей деятельности, и готовность квалифицированно, с высоким уровнем качества выполнять свои функции.

В свою очередь, профессионально-педагогическая деятельность есть не что иное, как особым образом организованный вид трудовой деятельности специалиста по обучению, воспитанию, развитию личности осужденного, сотрудника. Комплексное представление, о профессиональной деятельности специалиста УИС можно получить, если рассмотреть профессионально-педагогическую деятельность в аспекте содержательного наполнения (структурно-функциональный аспект), в аспекте особенностей ее организации как некоторого процесса (процессный аспект), в аспекте решаемых специалистом психолого-педагогических задач

(задачный аспект), а также с точки зрения уровней освоения этой деятельности (динамический аспект).

Анализ профессионально-педагогической деятельности с точки зрения ее содержательного наполнения (*структурно-функциональный аспект*) предполагает выделение различных направлений этой деятельности и соответствующих им функций, которые выполняет сотрудник. При этом учитывают как индивидуальное развитие каждого осужденного или сотрудника (его познавательных способностей, эмоционально-волевой сферы, личностных качеств и т.д.), так и формирование коллектива осужденных или сотрудников, в том числе, организацию продуктивной совместной деятельности и общения в группе.

Второй аспект получивший широкое распространение в теории менеджмента — это процессный. Обращение к нему пожалуй не случайно, так как ученые рассматривают педагогическую деятельность как метадеятельность, то есть деятельность по управлению деятельностью других людей, обучающихся. Профессионально-педагогическую деятельность целесообразно изучать как процесс, имеющий определенную логику, совокупность этапов, связанных с постановкой цели и ее достижением. В любой деятельности можно выделить следующие этапы: ее мысленное представление, реализация намеченного, подведение итогов и осмысление. При этом приходится учитывать, что деятельность включает как внешний план (то, что реализуется непосредственно на практике), так и внутренний план (то, что осуществляется в сознании). Конечно, степень осознанности деятельности может быть разной, поэтому какие-то из выде-

ленных этапов присутствуют в свернутом варианте.

Третий аспект — *задачный*. В соответствии с ним профессионально-педагогическую деятельность можно рассматривать как набор разных по характеру и сложности психолого-педагогических задач. В соответствии с характером решаемых сотрудником задач можно выделить *практический, теоретический и методологические виды* деятельности и соответствующие им виды компетентности. Чтобы быть успешной, практическая деятельность должна опираться на прочный теоретико-методологический фундамент. Давно известно, что достижение истинного мастерства в профессии невозможно без опоры на научные основы соответствующей области знаний, без овладения теорией и методологией. **Психолого-педагогическая теория** дает системное представление о наиболее общих закономерностях индивидуального и социального развития личности, о целях, содержании и средствах обучения и воспитания. **Методология** — это система знаний о фундаментальных основах и структуре педагогической и психологической теории, об исследовательских подходах и методах. Она указывает на то, как необходимо осуществлять как научно-исследовательскую, так и практическую деятельность. Специалист, владея методологией, способен разработать концепцию построения собственной деятельности, понять ее принципы, постичь высшие смыслы.

Для того чтобы расширить представление о психолого-педагогической компетентности, можно использовать также динамический аспект, позволяющий рассмотреть *уровни сформиро-*

ванности компетентности специалиста по мере освоения им профессионально-педагогической деятельности. На первом этапе профессионального становления сотрудников — **этапе адаптации** — формируется *нормативно адаптивный уровень* компетентности. Он характеризуется выполнением деятельности на основе нормативных предписаний, по освоенному образцу, с ориентацией на внешнюю сторону труда, на его технологию, но пока еще не на психологические аспекты и личностные смыслы. На следующем этапе профессионального становления — **пробы сил и активной профессионализации** — формируется компетентность *репродуктивно-вариативного* характера. Этот уровень психолого-педагогической компетентности характеризуется тем, что сотрудник в своей деятельности уже не просто воспроизводит усвоенные алгоритмы, но и пытается искать новые пути решения педагогических задач. Он стремится освоить современные способы профессиональной деятельности, эффективные приемы психологического влияния на спецконтингент, сотрудников, натренировать недостающие качества, для чего занимается постоянным профессиональным самообразованием и самовоспитанием.

С возрастом, по мере постижения профессионального мастерства у сотрудника, нацеленного на постоянное саморазвитие, формируется *творческий уровень* компетентности. Он обеспечивает гибкое использование имеющихся знаний и умений для решения сложных психолого-педагогических проблем, инновационную активность, которая проявляется в поиске и творческом использовании новых профессиональных техно-

логий, в авторских разработках, новаторском опыте, что способствует постоянному профессиональному обогащению. Высочайший уровень сформированности психолого-педагогической компетентности — *ценностно-мотивационный*. Он характеризуется глубоким осознанием и личностным принятием профессиональных ценностей, готовностью их реализовывать в деятельности, а также доверием сотрудника к своему жизненному опыту и интуиции. Если на ранних этапах профессионализации компетентность специалиста была ограничена объемом накопленной информации, то в процессе развития мастерства и жизненной зрелости она начинает «саморазвиваться» за счет подключения опыта и интуиции, что помогает успешно решать самые сложные профессиональные (служебные) задачи.

Для того чтобы создать целостное представление о психолого-педагогической компетентности специалиста УИС, представим ее в виде *структурно функциональной модели*, включающей:

- 1) структурные компоненты;
- 2) профессионально специфические и профессионально-универсальные виды компетентности, выделенные в соответствии с функциями, которые выполняет сотрудник;
- 3) виды компетентности, выделенные в соответствии с характером решаемых профессиональных задач;
- 4) уровни сформированности психолого-педагогической компетентности и критерии ее оценки.

Таким образом, структурно-функциональная модель психолого-педагогической компетентности может учитываться при разработке программ

психолого-педагогической подготовки специалистов УИС и в высшей школе, и системе дополнительного профессионального образования и в практической деятельности. Структурные компоненты компетентности определяют основные задачи психолого-педагогической подготовки: формирование соответствующих знаний, умений, навыков, мотивационной готовности к осуществлению профессиональной деятельности с полным осознанием ее ценностей и смыслов. Взгляд на компетентность с точки зрения сложности решаемых специалистом служебных задач акцентирует внимание на необходимости сочетать практическую, теоретическую и методологическую подготовку. Знание об уровнях сформированности компетентности задаст направленность психолого-педагогической подготовки специалиста с учетом этапов его профессионального становления и специфики возникающих на каждом этапе проблем.

Литература

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
2. *Байдено В.И.* Компетенция в профессиональном образовании (к освоению компетентного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.
3. *Ефремова Н.Ф.* Подходы к оцениванию компетенций в высшем образовании. М.: ИЦПКПС, 2010. 228 с.
4. *Хуторской А.В.* Общепредметное содержание образовательных стандартов. М.: Знание, 2002. 180 с.
5. *Болотов В.А., Сериков В.В.* Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 14–18.
6. Международный образовательный проект «Тюнинг». Режим доступа: <http://www.let.rug.nl/TuningProject/index>.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ОДАРЕННОСТИ КАК ФАКТОР ЕЕ РАЗВИТИЯ

О. В. Кондратьева

Аннотация: в статье рассматривается одаренность как многомерная реальность, включающая в себя познавательную (когнитивную), личностную, духовную сферы. Особый акцент делается на психологическую трактовку духовности, которая анализируется с позиций как естественнонаучной, так и гуманитарной парадигмы. При этом обобщаются различия в понимании духовного и нравственного; духовное определяется как ипостасное субстанциональное психологическое образование. С позиции такого понимания человеческой духовности определена специфика развития личности одаренного ребенка, которая наиболее целостно отображается в диссинхронии (неравномерности развития отдельных личностных свойств).

Ключевые слова: одаренность, духовность, нравственность, личностное развитие.

Summary: the article deals with talent as a multidimensional reality, which includes cognitive (cognitive), and personal and spiritual spheres. Particular emphasis is placed on the psychological treatment of spirituality. The latter is analyzed from the perspective of both the natural sciences and the human paradigm. Thus justified differences in the understanding of the spiritual and moral, spiritual hypostatic defined as the substantial psychological education. From the perspective of this understanding of human spirituality the specificity of per-

sonality development of gifted children is defined, which is most visible on a holistic dyssynchrony (uneven development of individual personality traits).

Keywords: talent, spirituality, morality, personal development.

Еще в начале XX в. в российской психолого-педагогической науке обозначился круг вопросов, таких как определение понятия одаренности, ее происхождение и структура, социальная необходимость диагностико-развивающей работы с одаренными детьми, которые остаются необыкновенно актуальными до настоящего времени. Невозможность объяснить и прогнозировать многие факты и тенденции человеческой активности особенно отчетливо проявляются в пограничной психологии одаренного ребенка и связаны с методологическими проблемами понимания психологической реальности человека.

Наиболее перспективным научным направлением для разработки проблемы одаренности могут выступить современные исследования, представляющие гуманитарный подход в психологии (Р. Ассаджиоли, Е.А. Исаев, Т. Йоманс, С.В. Кондратьев, Дж. Пери, В.И. Слободчиков, Л.Ф. Шеховцова и др.). Опираясь на эти работы, а также на многолетние исследования одаренности в западной и современной отечественной психологии, одаренность можно рассматривать как объемную, многомерную реальность, включающую

три психологические сферы: *познавательную (когнитивную), личностную и духовную*. Следовательно, необходимо разграничивать особенности учебно-воспитательной работы в рамках познавательного, личностного и духовного развития одаренного ребенка.

В результате того, что и в отечественной, и в зарубежной психологии понятие духовности не являлось предметом исследования, а психическое изначально изучалось в очень жестких границах, в психологии одаренности соответственно внимание уделялось когнитивной и личностной сферам и почти никогда не затрагивались вопросы духовности и духовного развития одаренного ребенка.

Между тем с древнейших времен и до XIX в. в научных и житейских представлениях об одаренности использовался термин «гений», происходящий от латинского *genius* — дух, что подчеркивало соединение божественного духа с человеческой природой. Духовная сфера издавна была объектом внимания человека, но на протяжении многих лет ее постижение было возможно лишь в рамках религиозных ритуалов, наука же не придавала особого значения исследованию духовного в человеке. Однако с начала 1990-х годов даже традиционные школы начинают признавать духовное измерение человеческого опыта как предмет психологического исследования.

В связи с этим хочется привести некоторые из пониманий духовного измерения — это «такой аспект человеческого опыта, через который мы обнаруживаем, что связаны с целостным Творением и участвуем в нем; посредством которого мы вступаем во взаимосвязь

и взаимозависимость со всеми другими формами жизни во Вселенной. В то же время в этой общности мы, парадоксальным образом, утверждаем свою неповторимую индивидуальность» [2]. Дух — это динамичное нечто, свободное от материальной структуры, «когда индивид движим духом, то для его переживаний типично слышать голос. И ему кажется, что у этого голоса есть конкретное намерение, он нагружен информацией. Этот аспект духа может быть определен как «информированная энергия» или «энергия с качествами разума» [3].

В работах С.Р. Рубинштейна просматривается истоки нерелигиозного понимания духовности как высшего уровня человеческого бытия, который определяет и реализует все возможности, предложенные человеку жизнью. Изначально в его ранних работах жизненный путь представлялся автором как горизонталь с уходящим за горизонт будущим, то в более поздних он разворачивает ее по вертикали. В работах А.Н. Леонтьева также подчеркивается мысль о существовании системообразующего уровня, организующего развитие когнитивных и личностных образований. «В движении индивидуального сознания, описанном раньше как процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений... открывается движение еще в одном измерении... Становление этого движения им выражает собой становление личности». В более зрелые годы своего творчества А.Н. Леонтьев обращался к вершинным проблемам личности, к сфере предельных вопросов бытия, далеко выходящих за границы конкретной деятельности, то есть к сфере духовности.

По мнению М.С. Кагана, духовность проявляется во всех формах ценностного сознания, направляет наше поведение, выражается в творчестве, готовности жертвовать собой, жить ради другого, руководствоваться высшими идеалами.

Понимание духовности через рождение смыслов прослеживается у В.В. Знакова, Б.С. Братуся. При этом духовность описывается через такие понятия, как «смысловая сфера», «самосознание», «внутренняя жизнь», «субъект».

В.И. Слободчиков определяет духовную реальность как процесс развития человеком собственной самости (саморазвитие). Становление человека субъектом собственной жизнедеятельности есть предпосылка становления индивидуального духа человека. В этом плане духовность есть творчество себя.

С позиций проблемы одаренности понимание духовности у В.Д. Шадрикова представлено в виде духовных способностей, проявляющихся в познавательной сфере и системе отношений. Наряду со способностями, он упоминает духовные состояния, характеризующиеся расширением сознания, активным включением подсознания в познавательный процесс, существенным расширением информационной составляющей в понимании любой проблемы, а также энергетической активацией.

Д.Б. Богоявленская описывает духовность, нравственность через синонимический ряд понятий познавательной самостоятельности, ситуативно не стимулируемой продуктивной деятельности, интеллектуальной активности. Она считает, что порождение смысла жизни, «понятого через цепь нрав-

ственных выборов, определяет способность личности к творчеству» [1]. Рассматривая творчество как внешне не стимулированное продолжение познания за пределами требований заданной ситуации, она пишет, что творчество не сводится к технике делания, но определяется богатством духовного содержания, выступает духовно нравственным зарядом к действию. Нравственность в концепции Д.Б. Богоявленской выступает необходимым условием творческой одаренности.

Синтез интеллекта и нравственности рассматривался еще Л.С. Выготским и последователями его школы. Подчеркивалось, что направленность оказывает существенное влияние на характер и протекание познавательной и в целом профессиональной деятельности.

Не претендуя на понимание духовности как особой психической и психологической реальности, материалистическая психология смогла лишь осторожно разрешить использование этого понятия, описывая его проявления. Наиболее перспективным представляется понимание духовности как информационно-энергетической реальности, не ограниченной материальным субстратом.

Для обычного человека духовный опыт может быть недостижим даже в процессе всей жизни, некоторые люди переживают его в зрелом возрасте как духовный кризис, как результат длительных духовных исканий, дети не сталкиваются с ним никогда. *Одаренный ребенок изначально наделен этим измерением человеческого опыта. Он может слышать голос, видеть невидимое для других и не в силах понять про-*

исходящее, испытывать по этому поводу повышенный страх.

Для ребенка проблема заключается в том, что данное человеку достояние не имеет «знака», то есть наличие духовного не предполагает нравственного поведения, не помогает сделать выбор между добром и злом. Дух как альтернатива материи стремится освободиться от любых материальных ограничений, например от культурных норм, эмоциональных стереотипов и т. д., поэтому духовное — не означает возвышенное. Субъективно процесс соприкосновения с духовным измерением своего Я может переживаться как некоторое знание, детерминирующее возникновение образа мира и образа себя. Причем образ мира, который человек ощущает каждой частицей души, видит, слышит и чувствует необыкновенную связь со всем окружающим его, этот образ несет в себе смерть и разрушение. Содержание элементов образа будет зависеть от личного опыта, ребенок может видеть «летающие тарелки», взрослый — Вестминстерские замки. Все это может сопровождаться переживаниями, страхами, депрессией. Человек при этом должен сформировать новое отношение к жизни, которое поможет ему творить себя. Однако это произойдет уже на уровне личности. В психологии одаренности наиболее явно эти состояния описаны как кризис пятнадцатилетия, называемый «Искусство versus Жизнь?» на примере музыкально одаренных детей.

Наличие такого опыта и ощущений, с ним связанных, требует особой психологической работы, соединенной с сочувствием, принятием и любовью. Такая психологическая практика должна

принципиально отличаться от психотерапии, ориентированной на возвращение человека в систему культуры, разделяемую большинством.

Личностное развитие одаренного ребенка также своеобразно и обладает определенными особенностями. Одной из них является диссинхрония, или неравномерность развития отдельных личностных свойств. Подобная неравномерность может задавать как внутренние, так и внешние конфликты, например, социальную изоляцию и одиночество (внешняя диссинхрония), конфликт между самооценкой и уровнем притязаний, приводящий к стрессам (внутренняя диссинхрония).

Кроме множества описанных в литературе личностных проблем одаренного ребенка, следует обратить внимание, что именно на уровне личности происходит формирование аттитудов, направленных, которые задают *характер развития одаренности*. Естественно, что одаренному ребенку присуща зрелая по сравнению с другими детьми личность, но это не обязательно личностно нравственная. Так, в литературе представлены характеристики детей с так называемыми психопатическими чертами характера, поведение которых вряд ли можно назвать нравственным [4].

Исходя из того, что одаренность затрагивает три сферы психики человека — познавательную, личностную и духовную, причем последняя является определяющей, можно выделить некоторые особенности учебно-воспитательной работы с одаренными школьниками: наличие особых нетрадиционных обучающих стратегий, моделирующих исследовательскую дея-

тельность; присутствие личности одаренного взрослого как образца для подражания в решении исследовательских и жизненных проблем; психологическое принятие и помощь в интерпретации возникающих мыслей и образов; психологическую работу, направленную на безболезненное проживание личностных конфликтов.

Литература

1. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2009.
2. *Йоманс Т.* Введение в психологию духовного измерения // Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии / под ред. А.А. Бадхена, В.Е. Кагана. — М.: Смысл, 1997. — С. 154–176.
3. *Перри Д.У.* Духовный кризис и обновление // Психология возрастных кризисов: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. — Минск.: Харвест, 2003. — С. 495–511.
4. Психология одаренности детей и подростков / под ред. Н.С. Лейтеса. — М.: Академия, 1996.

СУДИМОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ОСУЖДЕНИЯ

Г. Ю. Зинин

Аннотация: в статье рассматриваются правовые последствия судимости. Обосновывается необходимость принятия специального закона «О судимости», содержащего все неблагоприятные последствия и ограничения судимости социального характера.

Ключевые слова: судимость, правовые ограничения, последствия отбытого наказания, государственная безопасность, государственная служба, уголовный закон, правоотношения.

Summary: the article considers the legal consequences of a conviction. The necessity of the adoption of the special law «On the record» contains all of the adverse effects and restrictions of record of a social nature.

Keywords: criminal record, the legal limit, the consequences served punishment, the state security, the public service, criminal law, legal relations.

Совершенное преступление и назначенное наказание в значительной мере влияют на правовое положение гражданина в обществе, устанавливая ряд неблагоприятных последствий, как в момент, так и после отбытия наказания. Началом момента течения таких последствий является вступление приговора суда в законную силу в соответствии с ч. 1 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть лицо признается имеющим судимость.

Непогашенная или неснятая судимость дает основание утверждать о наличии особых правовых отношений лица, имеющего судимость, с государ-

ством, которые выражаются при совершении этим лицом новых преступлений и являются основанием для оценки его личности и преступных действий как обладающих повышенной общественной опасностью, следовательно, меры уголовной ответственности, применяемые в данном случае, должны быть более строгими.

Уголовный кодекс РФ в ст. 86 отмечает, что судимость учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и порядке, которые установлены федеральными законами.

Существует проблема предотвращения совершения преступлений со стороны лиц, отбывших наказание, с помощью не только уголовно-правового запрета, но и иных отраслей права. Главным образом проблема состоит в эффективности действия и реальном применении норм общеправового характера в целях препятствования причинения обществу и государству вреда со стороны лиц, имеющих или имевших судимость. Выделение из числа правопослушных граждан категории лиц, подвергшихся уголовно-правовому воздействию, — прямая необходимость для законодателя. Необходимо определить насколько рационально отечественная правовая система обращает внимание на граждан, имеющих или имевших судимость, не является ли применение ряда общеправовых ограничений нарушением естественных прав и свобод человека, усилением репрессивности

уголовного закона через производные категории судимости, или данные нормы требуют корректировки в сторону ужесточения.

Федеральное законодательство различных отраслей права закрепляет в отношении лиц, имеющих судимость, определенных, сохраняющихся в течение установленного уголовным законом сроком обременений, которые в первую очередь обусловлены общественной опасностью таких лиц и связаны с реализацией ответственности за виновное поведение. Конституция Российской Федерации, в свою очередь, требует безусловного соблюдения закрепляемых ей гарантий прав и свобод личности, что обеспечивает справедливость ограничений при имеющейся у лица судимости и их соразмерность защищаемым Конституцией РФ ценностям.

Разумеется, судимость, помимо последствий уголовно-правового характера, порождает многочисленные ограничения в различных правовых отношениях: конституционном, гражданском, трудовом, административном. Порой подобные ограничения касаются сферы политики, миграции, места жительства и т. п. Это вопросы, выходящие за пределы собственно правовых отношений. В связи с этим, видимо, более удачно выражение, что судимость порождает последствия социального характера. Однако и эта классификация последствий судимости вряд ли верна, поскольку в ней отсутствует единое основание деления последствий на виды.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что перечень «последствий судимости, приведенный в ч. 1 ст. 86 УК РФ, необходимо дополнить. Налицо пробел закона» [2, с. 280]. А.С.

Михлин полагал, что правоотношения, вытекающие из факта судимости, должны быть точно перечислены в специальном законодательном акте [4, с. 74].

Целесообразнее это сделать в законе о судимости, чем в подзаконных актах, поскольку указанный институт наличествует в других отраслях права. Только после этого возможно интегрирование уже имеющихся норм в самостоятельный законодательный акт.

В юридической литературе встречается мнение относительно целесообразности существования общеправовых ограничений в содержании института судимости. Подобная позиция основывается на защите прав лиц, отбывших наказание, а, следовательно, наличие каких-либо ограничений общеправового характера создает существенные ограничения для реализации прав данных граждан. Судимость, по мнению сторонников этой позиции, является исключительно уголовно-правовой категорией, а значит, и последствия, составляющие ее содержание, должны иметь исключительно уголовно-правовую природу. Например, профессор А.В. Наумов считает, что судимость имеет только уголовно-правовые последствия, которые, в свою очередь, определяют особое правовое положение лица, признанного виновным в совершении преступления [5, с. 481–482].

Однако с такой точкой зрения можно не согласиться, поскольку набор общеправовых ограничений судимости позволяет во многих случаях предотвратить попадание лица, отбывшего наказание, в криминально насыщенную среду, а также посредством осуществления общественного контроля за его поведением вовремя выявлять отклонения

в поведении таких лиц, отрицательно влияющих на достижение целей ресоциализации.

Так, профессор С.И. Зельдов относил эту группу последствий к общеправовым, указывая на содержание последствий судимых лиц, содержащихся в различных отраслях права, применяемых на протяжении всего или части срока течения судимости, исключая период отбывания конкретного наказания [1, с. 15].

Нельзя обойти вниманием мнение В.П. Малкова, который указывает: «наличие у лица судимости за те или иные преступления или к тому или иному виду наказания в соответствии с федеральным законодательством является правовым препятствием к осуществлению лицом того или иного своего субъективного права» [3, с. 25].

Стоит согласиться с точкой зрения В.И. Селиверстова о том, что: «в правовой форме государственное принуждение не может выражаться иначе, чем в ограничении прав и законных интересов граждан, в некоторых случаях ограничений в выполнении общегражданских обязанностей» [8, с. 32–33].

Анализ приведенных мнений ученых-пенитенциаристов дает возможность утверждать, что судимость в первую очередь — это социальное последствие осуждения после отбытия наказания. К такому утверждению можно также прийти при выделении отличительных особенностей судимости социального (общеправового) характера.

Первой особенностью этого блока последствий судимости является срочное и бессрочное действие ограничений в различных сферах общественных отношений. Иногда не только име-

ющаяся, но и судимость, течение сроков которой уже прекращено, выступает прямым препятствием для возможности занимать определенную должность и заниматься некоторым родом деятельности.

Вторая особенность социальных последствий судимости состоит в том, что ограничения, создаваемые для осуществления различного рода деятельности, возникают в силу совершения отдельных составов преступлений (чаще всего материального характера), тяжести и формы умысла. Не просто судимость, а ее признаки и отдельные виды преступлений могут иметь значение для возникновения последствий социального характера.

Третья отличительная особенность социальных последствий судимости заключается в том, что до прекращения судимости поведение субъекта не может влиять на прекращение или приостановление социальных последствий, судимость в данном случае выступает основой негативной характеристики, иногда учитываемой и после снятия или погашения судимости.

В науке и на законодательном уровне отсутствует какая-либо классификация общеправовых последствий судимости, на наш взгляд, наиболее правильно относить правовые ограничения социального характера не по содержащим их отраслям права, а к сферам жизнедеятельности общества и его граждан, а именно:

- ограничения к выполнению определенных трудовых функций и замещению должности;
- ограничения в выдаче лицензий;
- иные ограничения, влияющие на правовой статус.

Законодательство Российской Федерации предусматривает в ряде законов ограничения, распространяющиеся на лиц, имевших судимость, которая погашена в установленном законом порядке (правоохранительные органы, деятельность в сфере образования). В связи с этим нельзя обойти вниманием рассматриваемый блок последствий судимости, поскольку не всегда судимость, течение которой прекращено, аннулирует все связанные с ней правовые последствия, что противоречит содержанию ст. 86 УК РФ.

Судимость является бессрочным препятствием права поступления на службу в правоохранительные органы и органы, осуществляющие правосудие. Это требование более чем справедливо, так как среди требований, предъявляемых к лицам, назначаемым, например, на должности прокуроров, имеет место такое, как наличие необходимых нравственных и моральных качеств, связанных с соблюдением и обеспечением соблюдения со стороны других лиц законов Российской Федерации. Судимость в данном случае служит проявлением карательной роли уголовного закона в бессрочном течении времени.

Судимость входит также в перечень ограничений при приеме на должность судебного пристава. В частности, судебным приставом не может быть назначен гражданин, имеющий либо имевший судимость, которая снята или погашена [7]. Справедливость указанной нормы идет вразрез с рамками репрессивности отечественного законодательства. Однако следует отметить, что в процессе осуществления правосудия судебные приставы обеспечивают безопасность судебного заседания. Следовательно,

нельзя исключить случаи пособничества дезорганизации судебного процесса, побегам подсудимых, а также нарушению безопасности членов суда со стороны лиц, состоящих на службе судебных приставов, имевших ранее судимости именно за умышленные преступления. Таким образом, предлагаем дополнить ст. 3 Федерального закона «О судебных приставах» словами следующего содержания: «лица, имевшие судимости за умышленные преступления».

В соответствии с ч. 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он осужден за совершение преступления, — до отбытия [исполнения] наказания или до освобождения от наказания [6].

Целями препятствия на выезд из государства выступают: реализация неуклонного исполнения наказания, назначенного приговором суда, и лишение преступника возможности уклониться от уголовной ответственности. Течение сроков судимости и сроков ограничения выезда не совпадают, поскольку правовые ограничения в выезде за пределы государства снимаются по истечении сроков отбытия наказания или освобождения от отбывания наказания и прекращения течения сроков судимости не требуется.

Целесообразно внести изменения, касающиеся препятствования выезду лиц, совершивших особо тяжкие преступления, на период течения срока судимости. Данное предложение может

быть вполне оправданным, так как после отбывания наказания или освобождения от наказания лицо представляет опасность для общества в криминогенном отношении (например, при совершении и организации террористического акта, хищениях государственного имущества в особо крупных размерах, то есть когда преступный опыт и средства, добытые преступным путем, могут быть направлены против безопасности государства и граждан). Необходимость применения в таких случаях подобного ограничения сама по себе естественна.

Перечислить все неблагоприятные последствия судимости как социального последствия осуждения в рамках научной статьи невозможно, равно как и нет в этом объективной необходимости. Наша главная задача отметить наиболее проблемные направления жизни общества, в которых судимость с ее производными признаками имеет существенное значение. Сущность рассмотренных последствий состоит в возможности ограничения или препятствования лицу, подвергнутому осуждению со стороны государства, реализации ряда прав, которыми он реально может располагать. Первоочередная задача государства и законодателя не формальное наличие, а реальное и эффективное применение нормы, иногда даже в бессрочном действии, вытекающем из указания на учет судимости, течение срока которой прекращено.

Социальные последствия судимости во всех аспектах призваны поддерживать общественный порядок и безопасность государства и общества. Избирательный характер ограничений направлен в первую очередь на нейтрализацию криминогенно опасных ситуа-

ций, которые могут способствовать совершению новых преступлений. Широкий спектр правовых актов, регламентирующих последствия судимости социального характера, обеспечивает реализацию как общей, так и специальной превенции. В этом случае важнейшим звеном в реализации данных правовых ограничений является система контроля по их применению.

Правовой статус лица, отбывшего наказание, определяется именно социальными последствиями судимости. Содержание социальных последствий намного шире уголовно-правового, поэтому перечисление всех неблагоприятных последствий в одном нормативном акте необходимо.

Однако несмотря на наличие, казалось бы, адекватной потребности приведения ограничений в систему, предполагающую создание «рамочного» закона «О правовом статусе осужденных и отбывших наказание», законодатель, к сожалению, не реагирует.

Наличествующая судимость через производные признаки напрямую выступает основанием для ограничения судимых лиц в определенных правах. На основании этого можно утверждать, что судимость как напрямую, так и косвенно является стадией реализации уголовной ответственности, а также элементом, имеющим карательный характер. Цель борьбы с рецидивом преступлений реализуется не только через наличие неблагоприятных уголовно-правовых последствий судимости, но и посредством социальных ограничений в весьма значительной степени.

Литература

1. *Зельдов С.И.* Правовые последствия освобождения от наказания. — М., 1981.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2. — М., 1999.
3. *Малков В.П.* Освобождение от наказания как основание аннулирования судимости // Уголовное право. — 2001. — № 3. — С. 25.
4. *Михлин А.С.* Судимость заключительный этап реализации уголовной ответственности // Реализация уголовной ответственности: уголовно-правовые и процессуальные проблемы: межвузов. сб. ст. — Куйбышев, 1987.
5. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. — М., 2006.
6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 34. — Ст. 4029.
7. О судебных приставах: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 30. — Ст. 3590.
8. *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. — М., 1992.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СРЕДЕ»

29 марта 2013 г. в Академии ФСИН России состоялась традиционная ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция, организованная кафедрой юридической психологии и педагогики, посвященная памяти доктора психологических наук, профессора, основателя психологического факультета и его первого начальника Виталия Григорьевича Деева.

В научном мероприятии приняли участие гости из:

- 1) Вологодского института права и экономики ФСИН России;
- 2) Владимирского юридического института ФСИН России;
- 3) Кузбасского института ФСИН России.

В том числе и практические работники ГУФСИН России по Красноярскому краю, УФСИН России по Рязанской области, УФСИН России по Ростовской области, УФСИН России по Оренбургской области, УФСИН России по Республике Хакасия, а также профессорско-преподавательский состав академии, слушатели факультета управления, адъюнкты и аспиранты кафедры юридической психологии и педагогики.

В качестве основного предмета обсуждения научно-практической конференции стали вопросы, связанные с деструктивными проявлениями личности

в пенитенциарной среде. Ведь психология деструкций поведения всегда являлась актуальной проблемой для пенитенциарной системы. Деструктивные проявления в среде осужденных (аутоагрессия, суицид) всегда приводили к нарушению порядка отбывания наказания, конфликтным ситуациям в «тюремной среде», осложнению оперативной обстановки в колонии. Деструктивное поведение сотрудников (профессиональная деформация, эмоциональное выгорание) является грубейшим, нарушением служебной дисциплины и значительно снижает эффективность функционирования исправительного учреждения.

С докладом о жизни и творчестве Виталия Григорьевича Деева выступила доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России кандидат психологических наук, доцент Калашникова Татьяна Витальевна.

В круг его научных интересов входили вопросы изучения психологических особенностей осужденных, коллектива несовершеннолетних осужденных, методов изучения личности осужденных, методик изучения и характеристика волевых проявлений осужденных в условиях изоляции. Но центральным, в его научном творчестве стала разработ-

ка концепции направленности личности осужденных. Обобщив теоретические и практические результаты исследования направленности личности осужденных, в 1985 году в Академии МВД СССР В.Г. Деев одним из первых в стране и первым в нашем вузе защитил докторскую диссертацию по юридической психологии на тему «Психология направленности личности осужденных, отбывающих наказание в ИТУ».

Методологическую основу проблемы деструктивного поведения личности в пенитенциарной среде раскрыли доклады доктора психологических наук, полковника внутренней службы Сочивко Дмитрия Владиславовича, доктора педагогических наук, профессора Литвишкова Владимира Михайловича, кандидата психологических наук, доцента подполковника внутренней службы Горностаева Станислава Викторовича

После чего опытом работы по психологическому сопровождению осужденных склонных к аутоагрессивному поведению поделилась начальник пси-

хологической службы УФСИН России по Рязанской области кандидат психологических наук, подполковник внутренней службы Самофалова Ольга Владимировна.

В режиме телемоста в работе конференции приняли участие практические психологи ГУФСИН России по Красноярскому краю. Их доклады были посвящены проблемам психологической профилактики, психологического сопровождения и диагностике суицидального поведения различных категорий осужденных на современном этапе.

В заключение работы участниками конференции было единогласно отмечено о необходимости проведения подобных мероприятий, в том числе, и с использованием видеосвязи, позволяющей охватить более широкий круг лиц, интересующихся актуальными проблемами современной пенитенциарной системы. По итогам конференции планируется издание сборника статей.

*Доцент кафедры юридической психологии
и педагогики Академии ФСИН России
кандидат психологических наук
Т. В. Калашникова*

*Преподаватель кафедры общей психологии
кандидат психологических наук
капитан внутренней службы
М. М. Калашникова*

*Адьюнкт ФПНПК ст. лейтенант
П. В. Александров*

Фотографии с конференции:

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

T. V. Pivovarova.

Department of international relations:

L. B. Juskova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

V. S. Malanyin, executive secretary of the journal
«Applied legal psychology».

Technical editor:

P. V. Aleksandrov, technical editor of the journal
«Applied legal psychology».

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ya. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education,
doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

N. A. Polyinin, PhD in psychology.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological
sciences, professor.

O. V. Starikova, PhD in psychology

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

БОБЫЛЕВА Л.А. — соискатель Академии ФСИН России, г. Чита.

БОВИНА И.Б. — доктор психологических наук, профессор кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. E-mail: innabovina@yandex.ru.

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор. Проректор по учебно-методической и научной работе НОУ ВПО «Высшая школа психологии» (институт).

ВАХНИНА

Виктория Владимировна — кандидат психологических наук, доцент Академии управления МВД России, кафедра психологии, педагогики и организации работы с кадрами. E-mail: vikavahnina@mail.ru

ВИЛКОВА А.В. — врио ученого секретаря ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, майор внутренней службы, кандидат педагогических наук, доцент.

ДВОРЯНЧИКОВ Н.В.

— кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. E-mail: dvorian@gmail.com.

ДЕБОЛЬСКИЙ М.Г.

— кандидат психологических наук, зав. кафедрой пенитенциарной психологии, профессор кафедры пенитенциарной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. E-mail: mdebolsky@mail.ru.

ЗАЗЫКИН

Владимир Георгиевич — заслуженный деятель науки РФ, доктор психоло-

гических наук. Профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: zazikin@rambler.ru.

ЗИНИН

Григорий Юрьевич — адъюнкт кафедры уголовного права Академии ФСИН России. E-mail: zinin87@yandex.ru.

ИВАНОВ

Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, профессор Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

ИЛЬИН А.В. — начальник психологической службы УФСИН России по Владимирской области. E-mail: ailin99@mail.ru.

КАНЧУРИНА А.А.

— старший психолог психологической лаборатории ФКЛПУ ОБ им. Ф.П. Гааза УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, старший лейтенант внутренней службы.

КОНДРАТЬЕВ

Геннадий Владимирович — кандидат психологических наук, Волгоградский государственный медицинский университет, доцент кафедры общей и клинической психологии. E-mail: gvkonnd@yandex.ru.

КОНДРАТЬЕВА

Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Доцент кафедры педагогики и психологии. E-mail: mskondrateva@mail.ru.

КОНОПЛЕВА И.Н.

— кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета. E-mail: konopleva.i.n@gmail.com.

КОНАРЕВ М.Ю.

— старший научный сотрудник научно-исследовательского от-

дела научного центра Академии ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы. E-mail: makcaz@rambler.ru.

ЛЕТУНОВ

Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры ГМУ факультета социологии и управления Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Раб. тел.: 8(4912)245-134.

ЛУКШИНА

Ольга Юрьевна — аспирант кафедры дифференциальной психологии и психологии развития Института педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, старший психолог межрегиональной психологической лаборатории ФКОУ ДПО Учебный центр УФСИН России по Удмуртской Республике, капитан внутренней службы. E-mail: Lukovka2379@yandex.ru.

МАЛАНЬИН В.С. — адъюнкт ФПНПК Академии ФСИН России ст. лейтенант внутренней службы. E-mail: Vitek200007@rambler.ru.

МИТЮХИНА

Любовь Николаевна — педагог-психолог Калужского психолого-медико-педагогического центра Диагностики и Консультирования.

ОГОРОДНИКОВ В.И. — доктор юридических наук, доцент начальник факультета повышения квалификации Академии ФСИН России. Раб. тел.: 8(4912)934-641.

ПОЗДНЯКОВ

Вячеслав Михайлович — профессор кафедры уголовного права и процесса РУДН, доктор психологических наук. E-mail: pozdnyakov53@mail.ru.

РОЖКОВ

Олег Анатольевич — начальник психологической лаборатории ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Оренбургской обла-

сти; соискатель Академии ФСИН России. E-mail: roa77@rambler.ru.

РОМАШОВ

Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, генерал-майор внутренней службы. Начальник федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». E-mail: romashov_tgp@mail.ru.

РЯБОВ В.Б. — старший научный сотрудник института психологии РАН. E-mail: v.ryabov@aog.ru.

СИМАКОВА Т.А. — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России, кандидат психол. наук, доцент.

СУХОВ А.Н. — доктор психологических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

СХОПЧИК

Ольга Эдуардовна — преподаватель кафедры психологии и педагогики учреждения образования «Академия МВД Республики Беларусь». E-mail: olga-sh08@list.ru.

ЧЕРКАСОВА

Марина Александровна — начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России. E-mail: marina_vvk@mail.ru.

OUR AUTHORS

BOBYLYEVA L.A. — aspirant of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Chita.

BOVINA I.B. — PhD, Professor, Department of Criminal Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. E-mail: innabovina@yandex.ru.

BOGDANOV

Yevgeniy Nikolayevich — honored worker of science of the Russian Federation, doctor of psychological sciences, professor. Vice rector for educational and methodical and scientific work of NOU VPO "The Higher School of Psychology" (institute).

VAKHNINA

Victoria Vladimirovna — candidate of psychological sciences, associate professor Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, chair of psychology, pedagogics and the HR-work organization. E-mail: vikavahnina@mail.ru.

VILKOVA A.V. — acting scientific secretary FKU scientific research institute of FSIN of Russia Moscow, major of internal service, candidate of pedagogical sciences, associate professor.

DVORYANCHIKOV N.V. — PhD, Professor, Dean of Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. E-mail: dvorian@gmail.com.

DEBOLSKY M.G. — PhD, Professor, Chief of Department of Penitentiary Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. E-mail: mdebolsky@mail.ru.

ZAZYKIN

Vladimir Georgiyevich — the honored worker of science of the Russian Federation, the doctor of psychological sciences, the professor. Professor of chair of akmeology and psychology of professional activity

of the Russian Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ZININ

Grigoriy Yuryevich — associate Professor of Criminal Law Academy FSIN of Russian. E-mail: zinin87@yandex.ru.

IVANOV

Gennady Pavlovich — candidate of psychological sciences, professor of the Kaluga branch of the Moscow humanitarian and economic instit.

ILYIN A.V. — chief of psychological service, Administration of Federal Service of Execution of Punishment of Russian Federation, Vladimir region. E-mail: ailin99@mail.ru.

KANCHURINA A.A. — senior psychologist of psychological laboratory of FKLPU OB of F.P. Gaaz UFSIN Russia across St. Petersburg and Leningrad region, senior lieutenant of internal service.

KONDRATYEV

Gennady Vladimirovich — candidate of psychological sciences, Volgograd state medical university. Associate professor of "The general and clinical psychology". E-mail: gvkond@yandex.ru.

KONDRATYEVA

Olga Viktorovna — candidate of psychological sciences, The Moscow state university of technologies and management of K.G. Razumovsky. Associate professor "Pedagogics and psychology". E-mail: mskondrateva@mail.ru.

KONOPLEVA I.N. — PhD, Associated Professor, Department of Juridical Psychology, Faculty of Juridical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. E-mail: konopleva.i.n@gmail.com.

KONAREV

Maxim Yuryevich — senior scientific officer of research department of scientific center of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

LUKSHINA

Olga Yuryevna — the graduate student of chair of differential psychology and psychology of development of Institute of pedagogics, psychology and social technologies of the Udmurt state university, Izhevsk, the senior psychologist of the FKOU DPO interregional psychological laboratory Training center of UFSIN of Russia across the Udmurt Republic, the captain of internal service.

LETUNOV

Vladimir Nikolaevich — candidate of Economic Sciences, the associate professor of GMU of faculty of sociology and upravleniya Ryazansky state university of S.A. Esenin. Ph.: 8 (4912)245-134.

MALANYIN V.S. — post-graduate student of Academy of Law and Punishment (FSIN of Russia), Lieutenant of internal services. E-mail: Vitek200007@rambler.ru.

MITYUKHINA

Lyubov Nikolaevna — the educational psychologist Kaluga psycho-medico-pedagogical center of Diagnostics and Consultation.

OGORODNIKOV V.I. — doctor of jurisprudence, associate professor chief of a fakultetapovysheniye of qualification of Academy of FSIN of Russia. Ph.:8 (4912)934-641.

POZDNYAKOV

Vyacheslav Mikhaylovich — professor of Department of Criminal Law and Procedure People' Friendship University of Russia. E-mail: pozdnyakov53@mail.ru.

ROMASHOV

Roman Anatolyevich — doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Director of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: romashov_tgp@mail.ru.

ROZHKOVA O.A. — the chief of psychological laboratory of Federal Fiscal Estab-

lishment, Isolator of inquiry-1 UFSIN of Russia across the Orenburg region, competitor of Academy FSIN of Russia. Ph.: 8-919-86-09-212. E-mail: roa77@rambler.ru.

RYABOV

Vladimir Borisovich — senior research associate of institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: v.ryabov@aog.ru.

SIMAKOVA

Tatyana Aleksandrovna — leading research associate of the research department of scientific center of Academy of FSIN of Russia, PhD in psychology, associate professor.

SUKHOV A.N. — the doctor of psychological sciences, the professor of the Ryazan state university of S.A. Yesenin.

SKHOPCHIK

Olga Eduardovna — teacher of chair of psychology and pedagogics of establishment of education "Ministry of Internal Affairs Academy of Republic of Belarus". Ph.: 80172471997. E-mail: olga-sh08@list.ru.

CHERKASOVA

Marina Aleksandrovna — head of Department of the organization of psychological service in the penitentiary system Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: marina_vvk@mail.ru.

The methodology and theory of legal psychology	
Social and penitentiary psychology: theoretical and applied aspects.	
A. N. Sukhov	8
Some theoretiko-methodological aspects of a humanization and resocialization of minors condemned: problem statement.	
T. A. Simakova	11
Psychological aspects of formation of a corruption orientation of the personality.	
Ye. N. Bogdanov, V. G. Zazykin	15
Features of professional burning out at the staff of criminal and executive system at various stages of service. V. M. Pozdnyakov, M. A. Tcherkasov	22
 Applied and experimental studies	
Psychological aspects of education and interaction of subjects of the penitentiary relations. A. R. Romashov	32
Team as the organization with a high level of quality of labor life. V. B. Ryabov	37
To a question of patronage work as to a form of realization of public influence on formation at the minor condemned spiritual and moral values. A. V. Vilkova	44
Drugs in a youth discourse: approach of the theory of social representations. Bovina I.B., Debolsky M.G., Dvoryanchikov N. V., Konoplyov I.N. Ilyin A.V.	49
Professional role and its value in development of symptoms of «mental burning out» penitentiary employees. O. Yu. Lukshina	59
The joint empirical analysis of professional deformation and motivation of the identity of employees criminally-executive system. O. A. Rozhkov	66
Some features of overcoming of crises of negotiation activity of police officers in a situation of capture of hostages. V. V. Vakhnina	71
Comparative analysis of professional development of the identity of graduates of faculty of management. E. N. Bogdanov, G. P. Ivanov, L. N. Mityukhina	75
Problem of the broken development and research of escapes and vagrancy of minors. G. V. Kondratyev	83
Social and psychological aspects of commission of violent crimes against close relatives. A. A. Kanchurina	88
Influence of age features of minors on sense of justice and legally significant behavior. O. E. Skhopchik	99
The psychological characteristic of deformation of semantic constructs of minors condemned. L. A. Bobyleva	106

To help the manager

Competence of employees from the point of view of the European standards.

V.I. Ogorodnikov, V.N. Letunov

113

Formation of spiritual and moral values at employees of UIS of Russia as an instrument for ensuring of legitimacy of use by them of the physical force, special means and the weapon.

M. Yu. Konarev

119

Specifics of application of competence-based approach in vocational training of listeners of training centers of FSIN of Russia. **V. S. Malanyin**

123

Legal psychology and religion

Spiritual and moral aspect of endowments as factor of its development.

O. V. Kondratyeva

128

Dura lex sed lex

Criminal record as social consequence of condemnation. **G. Yu. Zinin**

133

Science life

The interregional scientific-practical conference "The Deev readings".
"The psychology of destructive behavior in the prison environment".

139

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 12.04.2013. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 9,5

Тираж 1500 экз. Заказ № 373

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабалина, 4